

**ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ГЛАЗАМИ
СОВРЕМЕННИКОВ И ИСТОРИКОВ**

Редактор серии Б.А. Филиппов

**СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА ГЛАЗАМИ
СОВРЕМЕННИКОВ И ИСТОРИКОВ**

**КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ
В ПЯТИ ЧАСТЯХ**

Ответственный редактор
доктор исторических наук

А.Л. Ястребицкая

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

**РОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЕВРОПЫ. V-IX вв.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЕВРОПЕЙСКИЙ МИР X-XV вв.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЧЕЛОВЕК И ЕГО МИР

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ. НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ЧЕЛОВЕК В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ И ИСТОРИКОВ

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ЧЕЛОВЕК В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

**МОСКВА
ИНТЕРПРАКС
1995**

Средневековая Европа глазами современников и историков.

Книга для чтения. Часть V. Человек в меняющемся мире. Серия «Всемирная история и культура глазами современников и историков». — М.: Интерпракс, 1995. 152 с.

ISBN S-8S235-224-1

Цель издания — приобщить читателя к новому историческому знанию и дать представление о мало известном облике западноевропейского средневековья. В издании сочетается сжатое изложение основного содержания отдельных работ ведущих отечественных и зарубежных историков нового направления с публикациями фрагментов из этих работ и небольшими оригинальными авторскими очерками. Широко представлены фрагменты источников, как в оригинальном переводе, так и в перепечатке из имеющихся на русском языке публикаций.

© Интерпракс, 1995
© Ястребицкая А.Л., и др., 1995

*Действие человека мгновенно и одно,
действие книги множественно
и повсеместно.*

А.С. Пушкин

Данное издание осуществлено в рамках программы "Новые книги — российским школам", реализуемой Московским отделением Института "Открытое общество" и Министерством образования Российской Федерации.

Главная цель данной программы — предоставить дополнительную возможность российским учащимся и учителям полнее удовлетворить свои образовательные потребности. В связи с этим лучшие учебные материалы программы "Обновление гуманитарного образования", которые прошли экспериментальную проверку в восьми регионах России, предлагаются на российский образовательный рынок.

РАЗДЕЛ I

ОТ ЭСХАТОЛОГИИ¹ К КОРОЛЕВСКОМУ МИФУ НОВОГО ВРЕМЕНИ

(Религиозные войны и тираноборчество во Франции XVI века)

«Смерть тирана угодна Господу»

Нигде в средневековой Европе королевская власть не была так сильна, как во Франции. И нигде любовь к королю подданных не казалась столь искренней. Но именно здесь убили двух королей подряд: в 1589 г. монах Жак Клеман смертельно ранил Генриха III — последнего Валуа; в 1610 г. ангулемский стряпчий Франсуа Равальяк убил Генриха IV — основателя династии Бурбонов. Убийцы-камикадзе ожидали людского и небесного одобрения и шли на смерть, веря в праведность и законность своего деяния. Да и французское общество к цареубийству было готово — оно обосновывалось в многочисленных трактатах, к нему призывали проповедники, его предсказывали астрологи и прорицатели. Эти покушения напоминают, пожалуй, охоту на царя наших народовольцев или трагедию семьи Ганди.

У каждого из убийц были свои сугубо личные мотивы. Каждый раз складывалась особая комбинация политических сил — какие-то влиятельные люди внутри страны и за ее пределами очень хотели устранить короля. Но два цареубийства подряд, на фоне многих менее удачных покушений, дают основания искать некие общие, глубинные причины. Ведь ни до, ни после них короли не подвергались таким опасностям.

Люди Средневековья часто задумывались о путях сопротивления несправедливой власти, о том, возможно ли законное убийство правителя. Обращаясь к Ветхому завету, они охотно использовали образ Юдифи с головой Олоферна². Для устранения такого злодея, для спасения народа Божия, дозволено преступить заповеди. Но Олоферн — всего лишь чиновник царя-язычника. Давид же, когда в его руках оказался Саул, произнес: «Не подниму руку на господина моего, ибо он — помазанник Господа»³. Убийц законных царей избранного народа в Библии всегда ждала кара. Еще труднее найти оправдание цареубийству в Новом завете. Раннехристианские авторы предписывали принять муки за веру, молясь за своих мучителей. Они не мневались, что Бог отомстит за свой народ. Но какой путь он изберет?

Блаженный Августин считал, что сопротивление царю-злодею могут оказывать лишь люди, наделенные публичной властью. Частному лицу он отказывал в праве на насильственное сопротивление тирану. Впрочем, — и это очень важно — Бог сам может избрать человека для устранения.

И если верующий получает непосредственный приказ от Господа, он может и должен действовать...

Но самым авторитетным для Средневековья в этих вопросах было мнение Аристотеля. Философ определил тиранию как извращенную форму монархии: тиран заботится лишь о своей выгоде, а монарх — о выгоде подданных. В трактате «Политика» показывалась неизбежность гибели любой тирании. Апологию тираноборства можно было найти у Плутарха и Тита Ливия, у Цицерона и Сенеки, античных мыслителей, почитаемых в Средние века наравне с отцами церкви.

Средневековье дозрело до собственной оригинальной концепции тираноборства в XII веке. Наиболее интересна позиция английского клирика Иоанна

Солсберийского (см. стр. 48). В трактате «Поликратик» он провел различие между тираном-узурпатором, которого надо устранить любыми средствами, и законным правителем, ставшим тираном «по образу действий». Но живописуя признаки тирании и ее ужасающие последствия для всего «общественного тела», автор, призывая отсечь больной член, угрожавший всеобщему здоровью, не упоминал более о различиях между «законными» и «незаконными» тиранами. Тезисы Аристотеля обретали новый смысл — борьба с тираном понималась как христианский долг. Ведь если король — образ Бога на земле, то тиран — прямое его оскорбление, образ дьявола на троне. Поэтому долг христиан помогать церкви в борьбе с монархом-тираном. Тираноборческое учение сразу же было перенесено в практическую плоскость.

Фома Аквинский — знаменитый богослов XIII столетия — красноречиво описывал зло, проистекающее из тирании. Но там, где речь шла не об узурпаторе, а о «тиране по действиям», он был сторонником пассивного сопротивления. Только тем, кто наделен публичной властью, позволяющей законно наказывать грешников, дозволена борьба с тираном. А частное лицо, убив злодея ради восстановления справедливости, само становится убийцей. Но Фома вспоминал и слова Августина о том, что человек может действовать и по непосредственному приказанию Бога.

В эпоху расцвета сословного представительства XIV—XV вв. юристы и теологи подчеркивали взаимность обязательств короля и общества. Последнее настороженно следило за усилением монархии, стараясь заручиться четким набором признаков тирании. Итальянский юрист Бартоло Сассоферрато, опираясь на Римское право, обосновывал возможность сопротивления тирану. Но — лишь для магистратов: не будучи теологом, он не допускал терроризма боговдохновенных одиночек. Зато Бартоло дал развернутое определение действий тирана. Он истребляет лучших людей, покушается на имущество подданных, окружает себя иностранцами. Тиран — враг образованности, гонитель мудрецов, опасных для его власти. Этот признак всегда особо подчеркивался университетскими интеллектуалами — главными пропагандистами тираноборчества (см. стр. 49). При желании черты такого правления можно было найти у любого монарха.

Ирония истории превращала тираноборческую доктрину в палку о двух концах. Папство применило ее против своеволия королей. На рубеже XIV—XV вв. против папства успешно выступали национальные церкви в союзе со светскими властями.

В ноябре 1407 г. люди герцога Бургундского убили в Париже Людовика Орлеанского — ненавистного парижанам регента при душевнобольном Карле VI. Герцог бежал в свои владения, но затем вернулся и организовал специальное заседание, на котором теолог Жан Пти произнес речь в его защиту. Там сводились воедино все мнения авторитетов о тираноубийстве. Если тиран незаконно захватил власть и угрожает всему обществу, в этом случае должно действовать, не дожидаясь решения суда. Далее убедительно доказывалось, что герцог Орлеанский был тираном — помимо ужасных пороков он был наделен жадой власти и стремился извести короля. Убийство этого узурпатора было, следовательно, достойным всякого поощрения. Герцог Бургундский, блестяще оправданный, стал хозяином в Париже. Но осенью 1413 г. его власть пала, и сразу же началась кампания против сочинения Жана Пти. Следственную комиссию возглавил известный богослов Жан Жерсон, чье положение оказалось довольно щекотливым — ведь он сам слыл тираноборцем, отстаивая права французской церкви от притязаний папы. Тем не менее, теория Жана Пти осуждена в Париже, и учение о законности тираноубийства было поставлено на Констанцском соборе (1414—1418 гг.) в один ряд с ересями Уиклифа и Гуса (см. часть первую и четвертую). Но авторитет тираноборческой идеи был велик, а сторонники герцога Бургундского — весьма могущественна, поэтому был осужден лишь крайний тезис о том, что любое частное лицо по своей воле может убить государя, названного тираном. Герцог не мог считать себя уязвленным — убитый соперник не был государем, а он сам не считал себя «любым частным лицом».

Но в 1419 г. во время переговоров он был предательски убит вассалами герцога Орлеанского. Отомстив за смерть своего сеньора, они объявили себя тираноборцами. Разумеется, сторонники герцога Бургундского призвали к священной борьбе с

тиранами, в которой хороши все средства. В результате Франция, охваченная смутой, с легкостью была оккупирована англичанами. Чем последовательнее оказывались тираноборцы, тем дороже это обходилось стране.

В XVI веке Франция, как и вся Европа, уже имела богатую тираноборческую традицию. Расцвет такого рода идей вполне естественен в период, когда королевская власть набрала неслыханную ранее силу и общество почувствовало на себе плоды этих новых тенденций в королевской политике, которые • историки назовут абсолютистскими.

«ЗНАМЕНΙΑ ПОСЛЕДНИХ ВРЕМЕН». ОТЧАЯНИЕ И НАСИЛИЕ

Во второй половине XVI столетия внешне цветущее французское общество оказалось втянуто в бесконечные Религиозные войны. Дикое насилие захлестнуло страну. Историки по-разному оценивают эту эпоху. Одни рассматривают ее как кризис, неизбежно сопутствовавший развитию капитализма на излете Средневековья. В таком случае, его можно поставить вровень с революциями. Другие определяют его как болезненную реакцию старого общества на успехи абсолютизма, отводя ему роль «контрреволюции». Кто-то старается в религиозных конфликтах вскрыть конкретные политические цели тех или иных социальных групп. Кто-то сомневается в том, что у религиозного рвения могли быть социальные причины (см. раздел VII части четвертой).

Существование объективных предпосылок Религиозных войн столь же очевидно, как и наличие комплекса тираноборческих идей. Но этого еще мало для того, чтобы христиане кинулись резать себе подобных, чтобы цареубийцы уверялись в богоугодном характере своих планов. Здесь необходим еще и особый психологический климат.

Цареубийцы, удачливые и неудачливые, были людьми средними. Что же чувствовал заурядный француз накануне и во время Религиозных войн? Доминирующим был страх — то явный, панический, то загнанный внутрь, черной меланхолией проступавший сквозь озабоченность повседневными делами.

«Осень Средневековья»⁴ и Ренессанс научили людей больше ценить жизнь и острее чувствовать неизбежность разлуки с ней. Но гораздо более страшной стала убежденность в скорой гибели всего рода человеческого. День Гнева близок. Люди XVI в. в массе своей продолжали жить в «заколдованном мире», где все казалось взаимосвязано. И все в этом мире предрекало его близкий и ужасный конец (см. часть третью. Средневековый человек и его мир).

Со всех сторон поступали известия о грозных знаменьях — то корова родит двуглавого монстра, то снег выпадет в июле, то на небе зависнет кровавая звезда и всем слышен будет гул невидимой битвы. Астрологи предрекали великие потрясения. Нигде прежде не слыхали о таком падении нравов. «Вывихнутое время» назвал свой век Шекспир. Да и само восприятие времени и пространства резко изменилось (открыт Новый Свет, новые морские пути, введен новый календарь, по-новому воспринимают Историю). Сколько нового, и, следовательно, пугающего обрушивалось на нашего француза! Взять одну «Революцию цен» — нам-то легко понять его растерянность. Франция вела неслыханную доселе по масштабам и затратам войну против мощной коалиции⁵, а с Востока на расколотый христианский мир неотвратимо надвигались турки. Зло поразило окружение короля — вельможи оканчивают свои дни в изгнании или на эшафоте, но государю кто-то продолжает давать дурные советы, и он правит тиранически — вводит новые налоги, плодит чиновников, назначает на должности негодных людей. Народ разорен поборами и бандами наемников. Подлый люд скрывается в лесах и городских трущобах, поджидая лишь сигнала, чтобы перерезать всех порядочных горожан.

Но самым страшным был раскол религиозный. Лютер — еретик, осужденный Сорбонной и папой, захватывает один край, за другим. Немецкие ландскнехты разграбили церкви Рима — святого, Вечного города. Но что теперь можно назвать вечным? И вот уже волны ереси докатились до земель христианнейшего короля Франции. Кто-то осквернил в Париже статую Девы, кто-то расклеил по городу богомерзкие плакаты⁶, дерзко поместив один из них на дверь королевской спальни. Как жить, если еретиком оказывается не мавр или иудей, а твой сосед по кварталу, человек образованный, из хорошей семьи? Говорили, что лютеранская зараза, а затем еще худшая ересь Кальвина находят своих покровителей при дворе, в высших судах... Ясно, что скоро Господь поразит эту страну, как поразили Содом и Гоморру. Но уничтожив еретиков, пощадит ли он всех прочих, кто допустил осквернение святынь, кто сам не истребил врагов Христа?

Такие страхи и раньше посещали средневековых людей. Но в XVI в. слишком уж

много разрушительных новаций совпало с важными изменениями в сознании и психологии людей. Все чаще человек мыслил себя отдельно от других людей, был не только сыном Церкви, членом корпорации, сословия, влиятельного рода, но — личностью, индивидуальностью. Мы знаем, какое положительное значение это имело для культуры Возрождения. Но ведь, когда человек «был как все» ему не было страшно. А теперь в стремительно меняющемся мире рушились привычные и такие уютные социально-психические конструкции. Перед человеком маячила леденящая перспектива оказаться один на один с Богом.

К тому же общество пережило информационный взрыв, связанный с книгопечатанием. То, что раньше было растерянным шепотом одиночек, нынче моментально отзывалось тысячекратным эхом, превращаясь в нестерпимый вопль ужаса. Слухи, сплетни, пророчества, памфлеты с невиданной скоростью сотнями экземпляров разлетались по Европе. Это не могло не остаться без последствий.

Эсхатологическое отчаяние порождало разные модели действия. Наиболее распространенным было стремление любой ценой восстановить распадающееся единство мира. Надо более усердно молить Бога и святых заступников, чаще устраивать процессии, искупая оскорбления святынь, основывать братства верующих, в чистоте которых можно быть уверенным. Покаяться самому и призвать к покаянию. Очистить мир от скверны, избавиться от еретиков, кто бы за ними не стоял. Ведь это — нелюди, слуги Антихриста, предвестника Сатаны. Спасение в единстве, в святой Церкви, избавленной от пороков, реформированной. В государстве во главе со священным королем. Ведь он имеет два тела — одно брэнное, смертное, способное грешить и ошибаться. Другое — мистическое, общественное тело, образованное общиной верных. Поэтому король — живой символ, воплощение общего блага, гарант человеческого единства, помазанник божий, способный исцелять больных одним своим прикосновением...

Только утверждая сей порядок можно спастись и прийти к тысячелетнему царству справедливости конца времен, а душе обрести уверенность и надежду. Эта по видимости охранительная модель содержала в себе пафос преобразования, далеко не всегда безопасного для королевской власти. А ну как король не проявит себя защитником веры? В эсхатологической трактовке сила любви к монарху могла быть убийственной. Но это станет очевидно не сразу.

Своеобразным бегством от эсхатологического страха перед концом света были и рациональные конструкции гуманистов, и веселое жизнелюбие Рабле. Самый привлекательный выход предлагал Жак Кальвин, бежавший из Парижа в Женеву. Он учил, что греховный мир 'обречен и что большинство людей ждут страшные муки преисподней. Между человеком и Богом никого нет — спасение не придет ни от церкви, ни от короля, ни от личного благочестия. Над судьбами людей властно лишь Провидение, предопределившее к спасению лишь горстку избранных. Но на загробное предопределение может быть указано и в этой жизни. Господь может подвергнуть верных своих суровым испытаниям, но может дать им власть или богатство. Да разве само то, что именно тебе явлен свет истинной веры, не свидетельствует о твоей избранности? Если уж пытаться определить социальный облик французского кальвинизма, то его главная черта — элитарность — принадлежность к изысканному меньшинству. Более склонными к обращению были дворяне, высшая знать, интеллектуалы, некоторые купцы, ремесленники, связанные с новыми отраслями. Кальвинизм расколдовывал мир, вселял в человека уверенность в себе.

Разгон незаконного молитвенного собрания гугенотов в Васси стал поводом для начала Религиозных войн. Большинство жизней в них уносили военные действия, голод и эпидемии, произвол солдатни. Но в памяти больше откладывались случаи насилия демонстративного, религиозно-политического. И с этой точки зрения два типа насилия различались. Католики оставались верны эсхатологической схеме: организовывали братства, устраивали процессии, истребляли гугенотов, не щадя при этом женщин и детей. Имущество их не столько грабилось, сколько сжигалось, трупам вспарывали животы, сбрасывали их в реку, в выгребные ямы. Ставшее обычным участие детей в ритуальных жестокостях показывало, что при помощи

невинных созданий городская община очищается от заразы. Ведь еретики поднялись против церкви, против короля, против всего общества. Продавшись дьяволу, они утратили свою человеческую сущность, сами себя вычеркнули из сообщества людей, из общины верных.

Насилие, проявляемое кальвинистами, было менее сакральным и более рациональным, дидактическим. В захваченных городах они демонстративно разоряли церкви, уничтожая идолов — статуи святых, иконы. Воюя с Антихристом — папой, они истребляли его слуг — священников и особенно монахов. Женщин и детей они, как правило, не трогали. Но, например, в ночь святого Михаила в 1567 г. в Ниме вырезали всех священников и подозреваемых в католицизме горожан. Король, посылавший против них армии, воспринимался как тиран или управляемый тиранами. Гугеноты разбили статуи Людовика XI и Людовика XII, осквернили могилу королевы Жанны Французской в Бурже, бросили на угли сердце Франциска II, покоящееся в Орлеане.

В феврале 1563 г., когда Орлеан вот-вот должен был сдаться королевской армии Франсуа Гиза, в стан осаждавших перебежал гугенотский дворянин Польтро де Мере. Его приняли и пустили бродить по лагерю. Но, вдохновленный примерами Юдифи и римских героев, он застрелил герцога Гиза и хладнокровно принял мучения, освободив город праведников от тирана (см. стр. 52).

Чем более явным было военное превосходство королевских войск, тем отчаяннее гугеноты вели охоту за королем, норовя неожиданно захватить его и заставить исполнять свою волю.

Всем, кто читал хотя бы роман А. Дюма «Королева Марго», известна трагедия Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 г. и события, ей предшествующие: очередной религиозный мир 1570 г., беспрецедентный брак сестры короля Маргариты Валуа и гугенота Генриха Наваррского; влияние на короля адмирала Колиньи, стремящегося втянуть Францию в войну с Испанией на стороне Нидерландских кальвинистов. И, наконец — покушение на адмирала 18 августа 1572 г., организованное Генрихом Гизом, мстившим за отца (полагали, что за тираноборцем Польтро стоял адмирал Колиньи). Что же заставило правительство Екатерины Медичи, умеренное в делах веры, решиться на страшную бойню?

Королевская власть принуждена была к выбору между все теми же моделями насилия. Гугеноты, собравшиеся у постели раненого адмирала, требовали немедленного наказания виновных, угрожая покинуть столицу и возобновить войну с королем, оказавшимся тираном. Впрочем, некоторые уже уехали из Парижа. Вероятно, только сейчас королевская власть решила одним ударом устранить всех гугенотов, этих вечных мятежников. В их учениях не было и не могло быть места для священной, сакральной фигуры короля. Король может продолжать идти на уступки: выдать правосудию герцогов Гизов, начать войну с Испанией, разорвать отношения с Римом: все равно в любой момент гугеноты могут обвинить его в тирании...

Гораздо привлекательнее для короля выглядела модель католическая — король сохранял в ней значение священного вождя общины верных, противиться которому означало идти против Бога.

Результат выбора был чрезвычайно эффектен — сотни трупов в Париже, тысячи — в провинции. Но мог ли король не опереться на эту силу, пойти против нее? Видимо, нет. Не король выдумал резню — она стала кульминацией эсхатологического отчаяния католического сознания. Еще за год до трагедии, когда по настоятельным требованиям Колиньи, введенного в Королевский совет, в Париже был снят крест, воздвигнутый на месте дома гугенота, властям пришлось выдержать настоящий бой с разъяренными парижанами (см. стр. 53). Проповедники, среди которых выделялся Симон Вигор, призывали тогда восстать против нечестивцев. Ясно, как неистово предрекали они теперь гибель «Нового Содома» — места противоестественной свадьбы, где юную католическую принцессу отдают на закланье гугенотскому чудовищу. Париж будет испепелен, разве не на то указывают знамения последнего времени? Адмирал — Антихрист занял столицу хитростью со своими вооруженными приспешниками, завладел королем. Хорошо еще, что у

парижан есть принцы-заступники — брат короля Генрих Анжуйский и, конечно, Генрих Гиз.

Не было силы, способной удержать парижан от расправы с гугенотами. А королевская власть не могла позволить себе такой роскоши — показаться бессильной. И король предпочел первым подать сигнал...

Как только начались убийства, толпа подобрала труп Колиньи. Следуя страшной логике, труп кастрировали, вспороли живот, отрубили и закопали голову, тело бросили в реку, выловили и бросили в огонь, затем повесили за ноги на Монфоконе⁷. Город облетела весть о чуде: зацвел сухой боярышник на кладбище Невинноубиенных. Значит, Бог с парижанами, он указал, что они, наконец, нашли верный путь к спасению, очищая город и королевство от скверны. Убийства продолжались еще неделю и, остановленные с большим трудом в Париже, перекинулись в провинцию. Возросла убежденность подданных в священном характере королевской власти: он получил сильнейшую сакральную поддержку. Пожалуй, даже большую, чем можно было ожидать. Но ведь не король свершил чудо, а Бог. Король — только выразитель его воли. Но — лишь пока он король милостью Божьей, пока соответствует образу, отведенному ему распаленным католическим сознанием. Получив непосредственную поддержку от Господа, станут ли рьяные католики подчиняться королю, который окажется холоден к делам веры?

Варфоломеевская ночь имела непредсказуемые последствия. Трагедия парадоксальным образом остановила рост физического насилия в стране. Конечно, французы благополучно убивали друг друга еще четверть века, то такого рода погромов больше не было.

Гугеноты быстро оправались от шока, организовали сопротивление, создали в 1573 г. свое государство в государстве, просуществовавшее до начала XVII в. (лишь в 1629 г. пала последняя крепость гугенотов — Ла-Рошель). Но войны их были теперь сугубо оборонительными. Никакой прежней охоты за королем, никаких стремительных рейдов к столице. Зато во Франции развернулась невиданная прежде литературная война. Насилие с улиц выплеснулось на страницы брошюр, афиш, листовок; тираноборчество от практики перешло к теории. Почти десять лет после Варфоломеевской ночи Францию сотрясали тираноборческие призывы таких литераторов, как Отман, Жантийе, Морнэ, массы анонимных трактатов, таких, как «Иск к тиранам», «Будильник французов и их соседей», «Политика», «О правах магистратов над своими подданными»... Резня в Париже и в провинции раскрыла тираническую сущность правительства — прикрываясь словами о мире, оно вознамерилось истребить всех знатных людей в королевстве, натравив на них подлую чернь. В одном из памфлетов даже Гизы приобрели ореол благородства — они хоть не скрывали своих целей, не то что королевская власть, действовавшая по рецептам Макиавелли⁸ (см. стр. 54). Другие же обвинили иноземцев — лотарингцев — Гизов, но, особенно, итальянцев из окружения Екатерины Медичи, «продавшихся Испании и Риму». Король перестает быть законным монархом, если хочет утвердить варварскую тиранию по типу Турции или, того хуже — Московии. Для этого искореняются старинные законы и обычаи, издревле свойственные свободному народу франков, вводятся новые налоги. Снова и снова перечислялись признаки тирании, как нельзя лучше подходившие к политике правительства. Вспоминалось о праве народа, и — как лучшей его части — дворянства, восстать против тирана. Разве не считали римляне убийство тирана самым достойным из деяний? Для святой борьбы хороши все средства, включая войну и помощь соседних держав, ненавидящих тиранию.

Религиозный момент в этой пропаганде был ослаблен — говорилось не о сторонниках «истинной религии», а о всей нации. Под знамена тираноборцев помимо гугенотов становились «недовольные» из числа католиков — дворяне, чиновники, местные властители. Этой обширной коалиции удалось добиться от короля серьезных уступок.

Что же происходило с сознанием католическим? Оно также пережило шок, вызванный страшной истиной: чудо Варфоломеевской ночи оказалось не завершением, но лишь началом новой войны. Видимо, столь угодное Богу дело не

удалось оттого, что творилось нечистыми руками. Ведь не из религиозного же рвения чернь грабила тогда лавки ювелиров на Новом мосту! Да и вообще слишком многие ставят свои интересы выше интересов Дела. К тому же и сам король ведет странную игру. Генрих III, сменивший безвременно ушедшего брата, заявил о своей решимости искоренить врагов веры. Но вместо этого он заключает с гугенотами униженный мир, отдает им города и области, он, например, утвердил губернатором Гиени вероотступника

Генриха Наваррского. Другие важные должности король раздает своим безродным друзьям, оттеснившим добрых католических принцев. Да уж не содомит ли он? Может, его окружили итальянцы, советующие изгнать мораль из политики по рецептам еретика Макиавелли?. Король бессовестно увеличивает налоги и при этом устраивает постоянные балы, утопает в роскоши, изнежен, как женщина.

От страшной догадки кровь стыла в жилах — все жертвы были напрасны; боролись против еретиков, грозящих ввергнуть страну в варварство, разрушая общественное тело. А опасность, оказывается, на троне — рыба гниет с головы. И традиционное сознание подсказывало традиционный выход — очиститься от скверны, покаяться в грехах, позаботиться об исправлении недостатков во всем обществе. Надо, чтобы богатые помогали бедным, чтобы сильные думали прежде всего об общем благе. Нужно молить Господа, чтобы он сам возглавил эту борьбу. Всем католикам следует объединиться, но только людям порядочным, истинным католикам, а не тем, кто думает лишь о своей выгоде (зрелище подлого люда, выпустившего на волю жажду крови и разрушения, надолго запомнилось состоятельным парижанам). Нужно сообща действовать против тирана, потакающего еретикам. И тогда, наконец, утвердится долгожданный мир и наступит тысячелетнее царство справедливости. Для этого в 1577 г. создается Католическая лига, объединившая дворян и города в борьбе за святое дело.

Французы с обеих сторон призывали к насилию, но убивали друг друга значительно реже, чем раньше. Огонь полемики, страхи и отчаяние сфокусировались теперь на королевской персоне.

ГЕНРИХ III ВАЛУА: ИЗ «СПАСИТЕЛЕЙ ВЕРЫ» — В «ТИРАНЫ»

Генрих III оказался под перекрестным огнем в условиях еще менее благоприятных, чем правительство Екатерины в начале Религиозных войн. Ведь ему-то довелось править уже после Варфоломеевской ночи. Но и сам он сильно изменился, как и все французы. До 1572 г. он, молодой герцог Анжуйский, прославился как фанатичный католик, лютей враг мятежников. Он разбил гугенотов при Монконтуре и Жарнаке, велел пристрелить как собаку сдавшегося в плен принца Конде — вещь неслыханная ранее. Накануне Варфоломеевской ночи именно он настаивал на упреждающем ударе — истреблении гугенотов. А вот теперь он другой; заключил перемирие, узнав что его ждет польский престол. Вернувшись во Францию уже после смерти брата, Генрих III не казнит еретиков, не ведет крупных войн, предпочитает переговоры. При этом он остается ревностным католиком, чье благочестие обретает новые формы в духе Тридентского собора. Король сам организует братства, учреждает орден Святого духа, совершает изнурительные паломничества, участвует в покаянных шествиях. Современникам особо запомнились процессии братства «Серых кающихся» — король шел среди простого народа, надев на себя грубый мешок с прорезями для глаз...

Вместо того чтобы воевать с Католической лигой, король возглавил ее, стремясь направить ее активность в более мирное, духовное русло. И это был не только ловкий политический ход, но вполне логичное поведение в духе католической эсхатологии в ее новой модификации.

Генрих III оказался весьма разумным политиком. Он был рожден под знаком Весов (вполне корректное уточнение для эпохи, увлеченной астрологией не меньше нашей), потому — нерешителен, пожалуй, слишком умен, уж не с него ли списан Гамлет? Но его стратегия была дальновидной, предвосхищающей политику более удачливых его преемников, вплоть до Людовика XIV, «короля-солнца». Хотя отсутствие наследника делало позиции короля уязвимыми, мешало стабилизации. Поэтому смерть младшего брата короля в 1584 г. обернулась политической катастрофой. По законам престолонаследия претендентом на корону был Генрих Наваррский — не просто еретик, но человек, несколько раз менявший веру. Стоит ли удивляться мгновенной реакции? В 1585 г. дворяне восстанавливают Католическую лигу во главе с Гизами. Для них смена династии означает еще и потерю доступа к казне, к должностям и землям — что спланивало их сторонников. В Париже параллельно создается лига горожан (см. стр. 56): с самого начала в ней ставилась задача не допустить резни католиков гугенотами, а также не допустить грабежей и убийств со стороны тех подлых людей, что могут примазаться к святому делу и погубить его. Опыт Варфоломеевской ночи не прошел бесследно. Горячие головы в Париже планировали не только занять основные укрепления столицы, но и захватить короля, по возможности — постричь его в монахи или даже убить. Впрочем, последнее могло быть и уткой, подброшенной Противниками лигеров.

Конечно, у всех участников Лиги были земные цели: аристократы хотели перераспределения должностей и денег, дворяне — защиты своих прав и получения пенсий, молодые чиновники — продвижения по службе, горожане — смягчения налогов и восстановления былых свобод. Но не приходится ставить под сомнение искреннюю озабоченность большинства лигеров спасением королевства, веры, а, следовательно — всего мира.

Гугеноты-тираноборцы умолкли, как только их вождь стал законным претендентом на престол, и уступили инициативу тираноборцам-лигерам. Многие те заимствовали у своих противников, ведь и гугеноты, и католики черпали политические идеи из одного источника. Лигеры развивали тезис о праве народов выбирать себе достойного, праведного короля. Их пропаганда усиленно использовала английский пример — издавались плакаты с изображениями чудовищных гонений, обрушенных на головы католиков нечестивой королевой Елизаветой. Исполнение одной из таких картин было оплачено герцогиней де Монпансье — сестрой Гизов и Марии Стюарт. Якобы от имени английских

католиков обращался к французам адвокат д'Орлеан, призывавший короля принять меры против гугенотов, а народ — готовить отпор надвигающейся тирании еретиков. Народ имеет право бороться: он — источник власти, и его воля, реализуемая через Генеральные Штаты, выше прав тирана на престол.

Проповедники из Парижского университета все громче обвиняли короля в потворстве еретикам и в тиранических устремлениях. Памфлеты и проповеди были направлены уже не только и не столько против гугенотов, сколько против самого короля, усиленно собиравшего деньги на войну с гугенотами, но тайно переправлявшего их своему наследнику. Бичевались нравы короля, его двор, тираны-фавориты, особенно — алчный герцог д'Эпернон.

Лига, усиленная огромным авторитетом Генриха Гиза и деньгами испанского короля, стала страшной угрозой Генриху III. Он лавировал, контратаковал, пытался вновь возглавить движение и Лигу, но каждый раз проигрывал и отступал все дальше. Король вступил было в открытую борьбу с Лигой, но 7 июля 1585 г. вынужден был подписать Немурский эдикт, изгонявший гугенотов из страны и лишавший их всех прав, в том числе и на престол. Генрих III пытался ослабить Генриха Гиза, столкнув его с Генрихом Наваррским в «войне трех Генрихов». Но в итоге более других оказался ослабленным сам король. Он приказал арестовать самого рьяного из проповедников Жана Буше, но в университетском квартале сторонники мятежного кюре отбили его у королевской стражи (см. стр. 57).

Наконец, в мае 1588 г. король запретил Генриху Гизу появляться в столице и ввел в Париж наемников-швейцарцев. Но тем самым он не только перепугал парижан, но и нарушил давние городские свободы — и на улицы вышли даже те, кого король считал своими сторонниками. 12 мая солдаты оказались со всех сторон зажаты баррикадами. Бойню предотвратило лишь прибытие некоронованного короля Парижа — Генриха Гиза. Генрих III вынужден был покинуть столицу. Нуждаясь в войсках, деньгах, политической поддержке, он созывает осенью Генеральные Штаты⁹ в Блуа, однако Лига успевает обработать депутатов и денег они не дают, зато требуют вести непримиримую войну против еретиков, опубликовать все решения Тридентского собора, удалить «тирана д'Эпернона», ввести в свой совет людей Генриха Гиза. Многие прочат герцогу высшую должность коннетабля Франции. Говорили, что графиня де Монпансье уже показывала золотые ножницы, которыми она собиралась выстричь тонзуру — «третью корону» на голове бывшего короля Польши и Франции. Хотел ли Генрих Гиз свергнуть короля? Такая возможность ему предоставлялась уже неоднократно, но он был искренним роялистом, верным королевской власти, но в традиционном (а не абсолютистском) смысле этого слова. Он полагал, что помазанник Божий должен править в согласии со старыми законами и вольностями, в окружении верных вассалов, опираясь на волю сословий. Другое дело, что он не мог допустить воцарение Бурбона. Поэтому он, возможно, и рассчитывал занять трон после смерти бездетного короля. Генрих Гиз полагал, что у него есть основания: герцоги Лотарингские вели свой род от славных Каролингов, которые, кстати, пришли к власти, отправив в монастырь последнего из «ленивых королей» прежней династии. А разве у потомков Гуго Капета, сменивших в 987 г. угасший род Каролингов, было больше прав? Они были избраны знатью за свои подвиги. У Гизов хватало заслуг и перед Францией, и перед католическим Делом. Генрих III опять отступил, примирившись с Гизами. Но, как и накануне Варфоломеевской ночи, решился нанести упреждающий удар, обойдясь на сей раз без массовых убийств. Подданные, вошедшие во вкус борьбы с тираном, Уже не успокоятся — в их политическом мышлении не осталось места королевскому величию. Сакральный характер Лиги, сакральные требования к монарху делали его позицию особо уязвимой. Государственный интерес отныне должен стать выше амбиций, выше святости, понимаемой каждым Нигером по-своему, выше обычной морали. Стоит проявить Решимость — убрать Гизов, — и Лига рассеется как дым. 22 декабря 1588 года Генриха Гиза предупреждали, тобы он не ходил на заседание королевского совета в Блуа. «Он не посмеет» — рассмеялся герцог, достаточно знавший короля. Но в коридоре замка его ждали клинки гасконских телохранителей. Кардинал Лотарингский был задушен чуть позже, в темнице. Король сам зачитал

список преступлений герцога, «сущего тирана, заслужившего суровую кару». Арестовали и несколько смутьянов из числа депутатов Генеральных Штатов. Тела убитых братьев сожгли, а пепел развеяли над Луарой...

Но выяснилось, что Лига только окрепла, потеряв вождей. Вновь произошел сильнейший взрыв эсхатологических чувств. Убитых объявили святыми мучениками за веру. Днем и ночью шли траурные процессии. В январскую стужу дети шли босиком и распевали молитвы. Огромная процессия разом задувала зажженные свечи с криком: «Да погасит Господь династию Валуа!» «Ирод больше не царь во Франции», — твердили проповедники. Жан Буше обоснованно доказывал, что Генрих III встал в один ряд с Нероном, Гелиогабалом, с московским царем Иваном, надевшим на себя монашескую рясу, чтобы установить ужасающую тиранию, истребив лучших подданных. Генрих III сочетает качества всех этих деспотов. Он, право же, хуже Генриха Бурбона — тот хоть никогда не прикидывался набожным католиком (крайности сходятся — вспомним тех гугенотов, кому Генрих Гиз был милее Екатерины Медичи). Король оказался еретиком, а еретик не может быть законным монархом. Следовательно, из тирана «по действиям» король превратился в «тирана узурпатора». Поэтому подданные вправе воевать с ним, не впадая в грех. Более того, тот, кто будет холоден к этой борьбе, окажется злодеем, грешником против общего дела.

Запрещалось молиться во здравие короля. 7 января Сорбонна — теологический факультет университета — единогласно освобождает подданных от клятвы верности тирану Валуа. А ведь французы ценили мнение Сорбонны выше папских булл. Главный суд, хранитель законов — Парижский парламент под нажимом лигеров подтвердил такое решение. Теперь уже к Лиге примкнуло большинство городов. Создан был высший орган власти — Генеральный совет Священного Союза. Законным монархом объявили престарелого кардинала Бурбона, находящегося в плену. Его генеральным наместником сам себя назначил герцог Майеннский, младший брат Генриха Гиза. Весной пришло известие, что папа отлучил Генриха III от церкви — помимо всего прочего, тот убил кардинала. Отныне законная власть вела справедливую, священную войну с тираном, и никаких колебаний у подданных быть не должно было.

Впрочем король, как бы проснувшись от летаргии, действовал решительно. Он примирился, наконец, со своим наследником. Королевские и гугенотские войска наносили лигерам поражение за поражением и вот, объединенная сорокатысячная армия стоит под стенами Парижа — католического сердца Франции. Реальной и, казалось, неодолимой военной мощи противостояли памфлетисты да проповедники, на чье содержание не жалела энергии и средств графиня де Монпансье (см. стр. 57—59). Уже в самой столице сторонники Генриха III подняли голову и говорили, что скоро лигеров будут вешать, а графиню сожгут. Католикам оставалось уповать лишь на чудо.

31 июля 1589 г. Ла Гель, генеральный прокурор Парламента, сопровождавший короля, встретил на дороге, ведущей из Парижа в Сен-Клу двух солдат, сопровождавших монаха-доминиканца. Монах — молодой человек лет двадцати, с короткой черной бородкой и большими глазами, назвавшийся Жаком Клеманом, сообщил, что идет к королю по важному делу: он должен передать письмо от президента парламента Арле и других парижских чиновников, готовых поддержать короля. Ла Гель узнал почерк Арле и отвел монаха в свой дом. Узнав о гонце, король передал, что утром примет его и с удовольствием поговорит с монахом — Божьим человеком.

Простоватый, непосредственный юноша произвел приятное впечатление. За ужином его со смехом спросили — правда ли, что шестеро монахов его ордена поклялись Убить короля? Спокойно нарезая хлеб своим длинным ножом с черной ручкой он ответил, что люди добрые и злые есть повсюду.

Уже в шесть часов утра монах и прокурор были в королевских покоях, прогуливаясь по галереям второго этажа, выслушивая грубые шутки гасконских телохранителей. Наконец, их вызвали в королевскую комнату, задрапированную фиолетовым в знак траура по умершей недавно Екатерине Медичи. Жак Клеман

объявил, что должен сообщить некие секретные сведения королю лишь с глазу на глаз. Придворные напомнили королю о безопасности — ведь слишком многие сейчас желали его смерти. Но Генрих не склонен был менять свое решение. Монах склонился над ухом короля, но неожиданно в его руке оказался нож с черной ручкой. Удар, нанесенный королю в живот, был смертелен. Генрих прожил еще несколько часов, успев благословить на царство примчавшегося в Сен-Клу Генриха Наваррского.

Жака Клемана допросить не удалось — разъяренные гасконцы прибили его на месте. Труп выбросили в окно, затем, по обычаю, тело преступника было разорвано лошадьми и сожжено.

Позже, в траншее под Парижем был захвачен монах в кирасе и с аркебузом в руках (в ту пору святые отцы взялись за оружие, обороняя святой город). Это был сам доктор Эдмон Бургуин, приор доминиканского монастыря в Париже, духовник Клемана. Но сей теолог, не скрывавший, что одобряет убийство тирана, даже под пытками ничего не мог сказать о том, кто помогал Клеману. Как показало расследование, Жак приехал в Париж не так давно; в 1588 году, он был рукоположен на сан. Хорошо учился в коллегии, был склонен к экзальтации. В лихорадочной обстановке Парижа, участвуя в процессиях, стал слышать голоса, призывавшие его свершить подвиг и спасти страну от тирана. Позднейшие скептики писали, что к Клеману приложив к губам трубу, взывал другой монах, спрятавшийся за алтарем. Возможно. Но ведь сейчас никто не сомневается в «голосах» Жанны д'Арк. По словам братьев, Клеман твердил, что король умрет от его руки, за что и получил от студентов прозвище «Капитан Клеман». Он говорил, что видит, как его раздрают кони, но не чувствует боли, и жаловался, что какая-то сила велит ему нанести удар королю. Он исповедался, но начальство коллегии сказало, что это от недостатка веры, и велело усерднее молиться.

Да, скорее всего, кто-то из лигеров помог ему обзавестись необходимыми документами, может быть, сама графиня де Монпансье. Но нож он купил сам за 2 су 6 денье. 31 июля он покинул монастырь, затворил келью, оставив на столе записку, где просил оплатить его долг в 5 экю, поскольку он уходит, чтобы не вернуться...

Кто убил или что убило короля? Существовала давняя тираноборческая теория, к которой столь часто обращались в конце XVI века. В ней сформулированы критерии тирании и политика Генриха III им полностью соответствовала. Существовало средневековое отношение к королю как к священной особе, к пастырю, ответственному за спасение душ своего народа. В условиях панического ожидания конца света, когда, казалось, рушатся все устои веры и государства, такое отношение могло превратить короля в козла отпущения. Он объявлялся ответственным за все грехи. Когда же в силу объективных и субъективных причин оба эти плана совместились, тогда-то и услышал свои голоса Жак Клеман, да, вероятно, и не он один. Король был обречен.

ГЕНРИХ IV БУРБОН — ПЕРВЫЙ КОРОЛЬ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Умирая, Генрих III предрек своему преемнику, что не перейдя в католичество, он никогда не завладеет королевством. Теперь Генрих IV оказался в зоне «особого риска». Как ни странно, пока он был мятежным принцем, крайне опасным и ненавистным для Лиги, не очень удобным для королевского правительства, на его жизнь не было или почти не было покушений. Став законным монархом, Генрих IV пережил по разным подсчетам от дюжины до трех десятков покушений (см. стр. 38).

И вновь астрология: Генрих IV был стрельцом, то есть решительным, целеустремленным и склонным к авантюризму. Принято считать его равнодушным к религии. Но, пожалуй, в душе он был близок к кальвинизму, веря в свою избранность. А разве Провидение не указало ему на это поистине невероятным везением? Ему повезло в том, что четыре сына Генриха II, отнюдь не страдавшие бесплодием, умерли, не оставив законных наследников мужского пола. Ему повезло в том, что Генрих III устранил самого опасного соперника Бурбона — Генриха Гиза, реального кандидата на престол, блестящего воина и политика. Повезло и с противниками — лигеры оказались никудышными воинами. Стоило лишь королю Испании направить во Францию своего полководца, герцога Пармского, как тот с небольшим отрядом испанцев деблокировал Париж и сорвал все планы Бурбона. Но герцог был смертельно ранен шальной пулей, тогда как Генрих IV лез в самую гущу боя и всегда безнаказанно. Повезло ему и в том, что папа и испанский король вмешивались в дела Франции столь грубо, что возмущали даже самых правоверных лигеров. Повезло и с раздорами внутри Лиги. Впрочем, здесь уже было не везение, а политическое искусство: не сумев взять Париж штурмом, король дал время вызреть всем неминуемым внутренним конфликтам. Слишком уж разнородные силы объединил «Священный союз». Чем хуже шли дела, тем громче лигеры твердили, что в новом обществе благородство и статус человека должны определяться не богатством и родовитостью, но рвением в служении общему делу. Если дворянин — рьяный католик, то он действительно благороден, если же печется больше о своем благе, то он — тиран. Понятно, что такие теории не могли привлекать людей знатных и богатых.

Но главное везение — в том, что Генрих IV появился как раз «вовремя». Начал меняться психологический климат общества, стало спадать эсхатологическое напряжение. Прежде всего — в силу усталости страны, загнанной в тупик социально-политическим антиабсолютистским радикализмом. К тому же, превосходной оказалась пропагандистская машина короля, вокруг которого сплотились лучшие умы Франции. Побеждал новый тип общественных настроений, если угодно, иная идеология, — рациональная. Идеология государственного интереса меняла цель, стоящую перед «общественным телом». Вместо лихорадочной заботы о спасении душ перед неминуемым «Днем гнева», предлагалась спокойная забота об общественном благе, понимаемом как строительство царства порядка, Золотого века на земле. Менялась роль короля, тип представлений о священном характере его власти. Не спаситель — губитель всех и каждого в Конце времен, а глава разумно организованного и потому — богоугодного миропорядка. Мир начинал расколдовываться. Правда еще очень и очень медленно...

Тираническая, сатанинская сущность Генриха IV была абсолютно ясна лигерам. Поэтому его разоблачению не уделялось столько внимания, как в случае с Генрихом III. Важнее было блокировать его конкретные действия. В 1590 г. папский легат привез буллу Сикста V, где Бурбон объявлялся отлученным от церкви даже в случае его перехода в католичество. Отлучались также и все духовные лица, не порвавшие со лжекоролем. Аналогичное решение 7 мая того же года приняла Сорбонна, добавив, что не признает его королем, даже если сам папа даст ему отпущение грехов. Это вызвало протест папского представителя-легата, но — такова логика Лиги, этого «клубка друзей».

После голодной блокады Парижа летом 90-го года, казалось, ничто уже не примирит парижан с Генрихом. Но время шло, лигеры переругались, а популярность

короля возросла, равно как и возросла тяга страны хоть к какому-то миру. Набрав достаточно сторонников уже не только среди гугенотов, Генрих считал возможным, наконец, отречься от кальвинизма. 25 июля 1593 г. в монастыре Сен-Дени архиепископ Буржский снял с раскаявшегося короля церковное отлучение. В августе все узнали о мирных переговорах королевского посольства с Климентом VIII. Правда, Успехом они тогда не увенчались. Да и могло ли считаться законным прощение, полученное королем из рук прелатов, отлученных от церкви?

27 августа в Мелене был задержан Пьер Барьер, орлеанский лодочник, солдат Лиги. Он признался в намерении убить короля и рассказал, что исповедался в этом лионским капуцинам, доминиканцам и кармелитам, которые сочли его целью достойной. В Париже он беседовал с кюре Обри, тот отослал его к иезуиту — отцу Варадю. Компания Иисуса уже имела опыт устранения тиранов-еретиков. С их помощью был убит Вильгельм Оранский¹⁰. Однако кто-то из святых отцов известил о злоумышленнике, возможно, это были сами иезуиты. Бран-голеон, отвечавший за безопасность короля, успел схватить Барьера и казнить без особого расследования. Король, договаривавшийся с парижанами о сдаче города, не хотел плодить себе новых врагов.

27 февраля 1594 г. Генрих короновался согласно вековому обряду. И хотя миропомазание прошло в Шартре, а не в лигерском Реймсе, оно было полностью легитимным — ведь сразу же после церемонии король обрел дар исцелять золотушных больных — священный дар королей Франции 22 марта Париж открыл, наконец, ворота королю. Была объявлена амнистия — лишь Обри и Варад изгонялись из страны. Несколько рьяных лигеров предпочли эмиграцию, — среди них был и проповедник Жан Буше.

Университет решил пересмотреть свои прежние постановления против короля, свалив вину на своих соперников — иезуитов. Против них был возбужден процесс в парламенте, однако иезуиты защищались, отрицая свое авторство тираноборческой теории. Процесс затягивался.

27 декабря 1594 г., при въезде в Париж, короля торжественно встречали дворяне. Один из них опустился на колени. Генрих наклонился, чтобы поднять его. И в тот же миг ощутил удар чем-то острым, рассекший губы и сломавший зуб. Король с гневом посмотрел на стоявшую рядом придворную дурочку, уж не она ли вздумала так шутить? Но та указывала на юношу, пытавшегося смешаться с толпой. Оказывается, он хотел поразить Генриха в шею, но промахнулся.

Это был студент Жан Шатель, сын богатого парижского суконщика. Два года обучался он в коллегии иезуитов, получил затем степень магистра. Его меланхолическая натура мучительно переживала осознание собственной греховности. Он «грешил против природы» (в ту пору так могли называть любое сексуальное отклонение). Хуже того, он умолчал об этом, солгав на исповеди. В коллегии на стенах особой «комнаты размышления» для проштрафившихся учеников были развешаны впечатлившие Шателя картины, изображавшие преступления и полагавшиеся за них воздаяния. Неотвратимость адских мук повергла Шателя в отчаяние, сделавшее дальнейшую жизнь невыносимой. Он думал о самоубийстве, но то был еще более тяжкий грех. И вот, выход был найден. Пожертвовать собой ради общего блага, спасти мир и церковь от короля-Антихриста и тем искупить вину, сократив муки Чистилища. Недавно в Париже на все лады славили святого мученика Клемана, а иезуит отец Гере учил Шателя, что смерть тирана, поставившего себя вне церкви, угодна Господу и одобряется папой.

Шатель твердил, что никого не посвятил в свои планы. Разве что — своего отца, но тот в ужасе отговаривал его. Отец Гере под пыткой продолжал отрицать свою причастность к покушению, равно как и пропаганду цареубийства. Но следствие установило, что в иезуитских коллегиях воспитаникам запрещали молиться во здравие короля, поскольку папа Римский не снял с него отлучение. У отца Гиньяра нашли записи, прославляющие подвиг Жака Клемана как дар Святого Духа. Он писал также, что с королем не стоит церемониться — лучше всего заточить его в монастырь и отобрать корону у Бурбонов. Нашли в коллегии также антикоролевские листовки и стихи. Вероятно, все это было составлено еще до вступления короля в

Париж. Но условия королевской амнистии обязывали всех уничтожить подобные тексты. Отец Гиньяр был виновен в хранении духовного оружия, но ничто не указывало на его связь с Шателем. Тем не менее, его Повесили, а Шателя четвертовали. Отец Шателя, виновный в доносительстве, изгонялся, их дом был разрушен, на его месте возведен памятный обелиск. Все это предредило процесс против иезуитов — им предписывалось в кратчайший срок покинуть страну, а подданным запрещалось посылать детей в их школы.

Шатель копировал Жака Клемана, но его «подвиг» не вызвал былого восторга. Изменилась, кстати, и мотивация — она была сугубо внутренней — Шатель скорее старался искупить индивидуальный грех, чем отвести эсхатологическую беду. Изменилась и оценка цареубийства. Сорбонна — колыбель тираноборцев — осудила не только Жана Шателя, но и своего героя — Жака Клемана, отказавшись также от своих прежних заявлений. Когда отцов-иезуитов выводили из коллегии, толпа едва не растерзала их. А ведь состояла она из вчерашних лигеров. Никто не хотел ныне воевать за святое дело.

Впрочем, лигерский дух был еще жив. Во Франции расходилось сочинение эмигрировавшего Жана Буше. В «Апологии Жана Шателя» он писал: «Никто не упрекнет меня в том, что я утверждаю, будто дозволено убивать королей». Они — священные особы, представляющие Бога на земле. Да и нельзя приписывать такие слова Шателю — магистру искусств прославленного университета. Иное дело — тиран, узурпатор. Буше приводит знакомые высказывания Фомы Аквинского, Сенеки и даже протестантов — Юния Брута и шотландца Бьюкенена, сходившихся в том, что если нет иного способа бороться с тираном, его надо убить. Конечно, желательно заручиться решением всей Республики, но если оно уже получено, если король откровенно стал врагом общего блага, если он мешает собраться магистратам (как помешал Генрих III Генеральным Штатам в Блуа), тогда каждый может разить его железом, как дикого зверя. А если тиран — святотатец, враг церкви, потворствующий еретикам, или сам еретик, тогда судебный процесс — излишняя трата драгоценного времени. Еретик не может быть помазанником Божьим. Самим своим пребыванием вне церкви превращается он из государя в частное лицо, хуже того — в преступника, стоящего вне закона. Убить его — не только право, но и обязанность христианина. Ведь заповедь «не убий» стоит лишь на пятом месте, тогда как на первом — быть верным Господу. И Бог обязательно пошлет мстителя за народ свой — будь то Юдифь, будь то Жак Клеман. Так автор помещает Шателя в славный ряд, оставляя список открытым.

Только теперь ультракатолическая мысль довела свою концепцию до логического конца. Вероятно, пояись столь грозный приговор тирану на четверть века раньше — осмотнительное правительство остереглось бы делать ставку на фанатичную любовь к святому католическому королю против гугенотского тираноборства. Может, и не было бы Варфоломеевской ночи. Предложенный тогда образ священного короля показался заманчивым, но слишком уж тяжелы были обязанности такого монарха и слишком неотвратимым возмездие за несоответствие идеалу.

В следующие пятнадцать лет Генрих IV во многом преуспел. В 1595 г. он все же добился снятия папского отлучения, что формально лишало его противников последнего козыря. И уже через полтора года вчерашние враги вместе воевали против испанцев, вынудив их подписать мир. Правда, уступки папству были сделаны очень серьезные, но получив святейшее отпущение, король не торопился выполнять обещанное. Вместо искоренения ереси он подписал Нантский эдикт (см. стр. 61). Он мало чем отличался от предыдущих эдиктов веротерпимости Екатерины Медичи и Генриха III, но его удалось, наконец, претворить в жизнь.

Замирив страну, королевская власть быстро набрала авторитет, больший, чем накануне смуты. Начался классический абсолютизм, «административная монархия», царство бюрократии. В начале XVII столетия Франция была вновь достаточно сильна, чтобы продолжать борьбу с Габсбургами за европейскую гегемонию. И, хотя Генрих IV был мастер компромиссов, на сей раз мало кто решался обвинить короля в слабости.

Недовольных, Впрочем, хватало. Гугеноты не могли смириться с изменой своего

принца, не обеспечившего им господствующего положения в королевстве. Крестьяне были недовольны налогами, города — жестким ограничением их былых свобод. Все возмущались умножением числа чиновников и узаконенной продажей им должностей в собственность. Родственники бывших фавориток любвеобильного короля не могли смириться с потерей влияния. Общество, напротив, осуждало излишнюю щедрость к ним короля. Вчерашние сподвижники Генриха возмущались, что их недостаточно вознаградили за верность. Вчерашние противники полагали, что им недоплатили за их своевременную измену Лиге. В атмосфере постоянного недовольства плелись придворные интриги, затевались классические заговоры. Кто-то не желал признавать детей короля от Марии Медичи, считая незаконным расторжение его брака с Маргаритой Валуа. Другие сплетничали, что все дети короля — бастарды, поскольку он сам не способен иметь детей (хотя король делал все возможное, чтобы доказать обратное). Все это было дворцовой рутинной и стало опасным только включаясь в контекст большой европейской политики.

Но угроза шла не с этой стороны. На короля продолжали покушаться. В 1595 г. — доминиканец из Фландрии Ридиго, признавшийся, что пытался убить короля еще в 1593 г. в Сен-Дени. В 1596 г. — адвокат Жан Гюедон, а в 1602 г. — его брат Жюльен. В 1598 г. — монах-шартрезец Пьер Уэн, в 1599 — английский католик Фрэнсис Лэнгл, в 1660 — некий Николя Миньон. Нескольких подданных уличили в намерении извести короля колдовством — найдены были восковые фигурки, изображавшие Генриха. Король и его министры, как и позднейшие историки, считали этих людей пешками в игре грозных политических сил. Но надо помнить о живучести Лиги, порожденной страхом перед Концом света. Для людей, охваченных этим страхом, король являл собой страшную угрозу вере, стране и, следовательно, миру. Он ведь по-прежнему мог считаться тираном и даже — узурпатором. Ведь папа простил ему грехи на определенных условиях. Но разве король опубликовал каноны Тридентского собора!¹¹ Сделал хоть что-нибудь для восстановления единства веры? Удалил своих советников-гугенотов? В жизни своей король не следовал христианским заповедям, прелюбодействуя публично. Хуже того, повсюду в мире поддерживает он врагов Святого престола, католического короля Испании, императора Священной Римской империи. И вот Франция накануне большой войны. Войсками командуют принцы-гугеноты, деньги на войну выжал из страны гугенот Сюлли, сюринтендант финансов, Франция готова выступить на стороне Голландии и протестантских княжеств, в союзе с Англией, против католического мира. В 1609—1610 гг. дух Лиги вновь дал о себе знать, причем на сей раз симпатии населения к нему несколько окрепли. Французы не хотели новой войны. И, надо сказать, они были правы — общеизвестна плачевная судьба стран, первыми принявших на себя огонь Тридцатилетней войны¹². Но еще больше французы боялись нового витка Религиозных войн, разрыва страны с католицизмом. Вспомним судьбу Колиньи — ведь он предлагал начать большую войну с Испанией в союзе с Нидерландскими кальвинистами. Именно такую кампанию и затеял теперь король. И вновь активизируется антикоролевская пропаганда, и вновь многие астрологи предсказывают скорую гибель короля. Он и сам чувствует опасность. Он соглашается короновать королеву, чтобы поручить ей регентство на время опасного похода. Сразу же после коронации судьба сталкивает его с Франсуа Равальяком.

ФРАНСУА РАВАЛЬЯК И РОЖДЕНИЕ КОРОЛЕВСКОГО МИФА

Франсуа Равальяк — сын ангулемского стряпчего, учился в Париже на излете лигерского движения. Но он все же застал споры о тираноубийстве, вероятно, знаком был с нелегальной «Апологией Жана Шателя», и, уж, конечно, был в курсе всех слухов и сплетен о Генрихе IV, весьма смахивающем на Антихриста. Особых успехов в науках он не добился и, вернувшись в Ангулем, поступил слугой-секретарем к советнику местного суда. Жизнь его не была триумфальным шествием — за долги его поместили в тюрьму, выйдя оттуда он стал, как и отец, хлопотать в парижских судах по делам земляков. В такие командировки он ходил пешком — семь-восемь дней в один конец. Благо, что силой и ростом Бог не обидел. Вот только лицом не вышел — рыжий, конопатый, страшный. Последнее, правда, говорили уже после его преступления. В Ангулеме его знали как примерного католика. Отец ушел из семьи, сестры вышли замуж, и Равальяк жил вдвоем с горячо любимой матерью — женщиной строгих правил и большой набожности, вынужденной жить, однако, подаянием. Такова же оказалась участь и неудачника-отца. Равальяку удалось набрать два десятка учеников, постигавших основы грамоты и катехизиса, за что родители приносили ему, что могли — сало, яйца, фрукты. Бедность была не просто тяжелой, она была унижительной. Ведь когда-то семья питала надежды, стремясь выбиться в волшебный мир «людей знания» (замыкание чиновничества в привилегированную касту, недоступную для тысяч равальяков — общеизвестный факт социальной истории того времени). Однако частые визиты в Париж и, хоть убогая, но все же умственная деятельность выделили Равальяка из прочих, заставляя из своего «интеллектуального подполья» оценивать события жизни политической.

Считают, что он был знаком с последними достижениями

тираноборческой мысли. Например, с «Трактатом о короле и королевстве» иезуита Хуана де Марианы. Одна из глав называлась: «Дозволительно ли убивать тирана?». Герой юности Равальяка — Жак Клеман превозносился там как «вечная слава Франции: был он заурядного ума и слаб телом, но высшая сила укрепила его тело и душу». Бороться следует не только против узурпатора, но и «тирана по действиям», поскольку такой правитель негоден народу, чья власть — выше королевской. Народ может вынести приговор тирану, и его дозволено тогда убить под рукоплескания грядущих поколений. Испанский автор снимает обычные возражения: да, Давид не поднял руку на Саула, но ведь Саул — избранник Господа. К тому же вина его не столь тяжела, он не изменял вере. Да, первые христиане не сопротивлялись несправедливой власти. Но в том была воля Господа, пожелавшего явить для распространения веры чудеса смирения. Да, Констанцкий собор осудил тираноубийство, но ведь его каноны не были утверждены папой и потому не имели силы.

Другой иезуит — кардинал Белармин не занимался тираноборческой теорией, но доказывал, что власть папы выше власти королей ровно настолько, насколько короли превосходят простых подданных. Следовательно, если король отказывается подчиняться папе, то и подданные освобождаются от обязательств перед таким монархом.

В глазах Равальяка и тех, с кем говорил он в своих путешествиях, Генрих IV менее всего походил на государя, подчинявшегося предписаниям папы. Он все чаще слышал разговоры о том, что гугеноты готовят заговор с целью реванша за Варфоломеевскую ночь, что король потакает злоумышленникам, что он замучил народ налогами на несправедливую войну, что хочет перевернуть всю страну... Эти настроения, порожденные возрождением эсхатологического восприятия мира, жадно впитывал Равальяк — чуткий человек, чьи нервы были напряжены до предела.

Он принадлежал к взрывоопасной группе интеллектуалов-неудачников, обозленных на весь свет. Он недосыпал, выбивался из сил, но никаких социальных перспектив перед ним не было — отец оставался вечным примером. Мать отличалась добротой и благочестием, но не сохранила ни достатка, ни семьи. И, наконец, самый чувствительный удар был нанесен Равальяку там, где он считал себя выше других — в общении с Богом. Он, воспитанный в традициях Лиги, в духе Тридентского собора, рьяно постился, предавался молитвам и медитации, внимательно вслушиваясь в свой внутренний мир. Его посещали видения, он созерцал огонь Чистилища, видел оскверненную пылающую гостию¹³, которая вызвала к отшельничеству. И он решился покинуть мать ради Христа, поступив в монастырь фейанов (конгрегацию цистерцианского ордена). Но после полуторамесячного послушания отцы-фейаны избавились от Равальяка. Самодельные визионеры всегда вызывали у профессиональных мистиков подозрения и страх. Равальяк был своенравен, беден и незнатен. К тому же — с явно лигерскими симпатиями. Фейаны, замешанные в лигерской активности, не желали теперь связываться с людьми такого сорта. Равальяк обратился к иезуитам, которым к тому времени уже разрешили вернуться в Париж, но вызвал у них еще меньший интерес, чем у фейанов. Тем более что их устав формально запрещал принимать членов других орденов.

Как показывают материалы следствия, Равальяк, сохранявший твердость духа после всех пыток, плакал навзрыд, вспоминая историю своего неудачного послушничества. Это был полный крах.

Последние полтора года он, подобно Жаку Клеману, стал ощущать, по его словам, как что-то толкает его на подвиг. Несмотря на все ухищрения тираноборцев, он осознавал греховность своих помыслов. Пропускал причастие, постился, исповедался. Исповедник — иезуит советовал ему лучше питаться, больше сидеть дома, лучше высыпаться.

Равальяк решает, что надо дать королю шанс. Он проникнет в Лувр, убедит короля отказаться от пагубных замыслов. Конечно, король обратится в истинную веру, ведь через Равальяка с ним будет говорить сам Господь. При мысли об этом, он ощущал в себе нервную дрожь, всегда посещавшую его перед видениями. Вот оно — его

призвание. И уж тогда никто не скажет, что он — неудачник.

Трижды он ходил в Париж в 1609 году и трижды капитан гвардейцев Ла Форс прогонял его. Он обивал пороги придворных (давая повод позднейшим исследователям и историкам строить разные версии о политических связях Равальяка), но никто не пускал его дальше приемной. И вот на Рождество он понимает, что Господь отвернул лицо свое от нераскаявшегося грешника — короля. Значит, он желает его смерти. В январе 1610 г. Равальяк бежал за королевской каретой до самого кладбища Невинноубиенных, но слуги не позволили ему подойти к королю.

Он возвращается в Ангулем, рассказывает в своих помыслах, исповедуется в том, что хотел свершить убийство некоего человека, получает отпущение, причащается. И вновь, на Великий пост отправляется в Париж. В придорожном трактире похищает нож. Однако дойдя до Этампа¹⁴, снова рассказывает. И даже ломает оружие убийства. И поворачивает назад. Но в окрестностях Этампа натывается на придорожное распятие. Стряпчего поражает смертельная бледность Спасителя, кровь, выступающая из-под колючек венца. Христос принес себя в жертву ради него, Равальяка, — мелкой душонки. И он еще смеет колебаться, идя на жертву ради спасения всего христианского мира? Равальяк решает идти в Париж, заточив обломок лезвия о камень.

После Пасхи король носится по Парижу — надо готовиться к походу, успеть примириться с недовольными принцами, да и королева торопила с коронацией. Наконец, обряд миропомазания свершился в Сен-Дени, увековеченный Рубенсом. Король умиленно взирает из ложи на свою тучную супругу. Теперь на нее можно спокойно оставить королевство. На мессе у фейанов Равальяк почти вплотную подкрался к королю. Осознавал ли он символику поступка — убить короля и прославиться там, откуда его выгнали с позором? Но прибыл побочный сын короля — Цезарь Вандом со своей свитой и Равальяка оттеснили. Цезарь предупредил, что, по предсказаниям астрологов, 14 мая особо неблагоприятный день для монарха. Король отмахнулся — слишком уж много подобных предупреждений слышал он за последнее время. Впрочем, спал он плохо и на следующий день решил прогуляться в открытой карете к своему другу Сюлли, сюринтенданту финансов и начальнику артиллерии. По должности ему полагалось жить при здании Арсенала, недавно отстроенном на восточной окраине города, ставшей излюбленным местом прогулок парижан.

Король отослал начальника охраны Ла Форса с его людьми готовиться к торжествам в честь королевы. С ним ехало лишь несколько дворян, да пятеро слуг бежали за каретой. Генрих сидел рядом с герцогом д'Эперноном (столь ненавистным некогда другом Генриха III), напротив них сидели герцог Монбазон и маршал Лаварден. Д'Эпернон читал королю какие-то бумаги — у Генриха с годами ослабло зрение. И никто не заметил, как долговязая фигура отделилась от колонн Лувра.

На улице Ла Фероньер, тянувшейся вдоль кладбища Невинноубиенных, того самого, где расцвел сухой боярышник, воз с сеном и телега, груженная бочками, загородили проезд. Дворяне и слуги срезали путь через кладбище, поджидая короля в конце улицы. С ним остались лишь двое слуг. Один из них пошел прикрикнуть на бестолковых возчиков, другой нагнулся, поправляя чулок. Пытаясь объехать препятствие, карета заехала колесом в водосток. Тот край, где сидел д'Эпернон, накренился. В это время рыжий верзила вскочил на приподнявшееся колесо, перегнулся в карету и нанес королю страшный удар в грудь. Король вскрикнул, но после второго удара замолчал навсегда. Все были так поражены, что в замешательстве Равальяк мог бы спокойно скрыться. Но он остался на месте, его била нервная дрожь. Подлетевший дворянин свиты занес над ним шпагу, но опомнившийся д'Эпернон спас Равальяка, крикнув, что охрана головой отвечает за жизнь преступника. Когда короля доставили в Лувр, он был уже мертв...

Судьи не могли поверить, что ничтожный Равальяк, этот неудачник, действовал самостоятельно. Но конкретные обвинения в соучастии стали выдвигаться лишь через несколько лет после убийства. Многие историки по принципу «qui bono» (кому выгодно) склонны продолжать поиски настоящих хозяев Равальяка. Ведь смерть

короля сорвала войну, которой боялись Испания, Австрия, Папство. В Германии и Нидерландах многие предсказывали его гибель. Среди подозреваемых по привычке называли и называют иезуитов. Благо что исповедник короля, иезуит отец Котон посетил арестованного и предупредил, чтобы тот не клеветал на порядочных людей. Но стали бы иезуиты, уже однажды из осторожности отвергшие Равальяка, связываться с ним? Их положение во Франции было очень шатким и Генрих IV был их надежной защитой, а после его смерти им просто чудом удалось избежать повторного изгнания.

Затем появились документы и свидетельства, изобличавшие знатных сеньоров, в том числе семейство д'Антраг и д'Эпернона (мало кто вспомнил, что именно д'Эпернон сохранил Равальяку жизнь для следствия). Эти обвинения возникли в 1616 году, когда знать подняла мятеж против правительства и тому понадобилось лишить их привлекательности в глазах народа. Точно так же в 1617 году, когда был убит фаворит королевы — всесильный Кончини, его и его жену обвинили в причастности к убийству Генриха IV. А после того как отстраненная от власти Мария Медичи стала интриговать против правительства, ей напомнили, что уж слишком она настаивала на своей Коронации как раз накануне убийства...

Конечно, заговоры были. Они существовали задолго до Равальяка и независимо от его планов. Можно сказать, что король был убит католической страной, не желавшей вести новую страшную войну против всего католического мира. Он был убит духом Лиги. В том, что в конце царствования Генриха IV оживилось эсхатологическое брожение, действительно, была вина и лигерской эмиграции, и рьяных католиков, оставшихся во Франции, и, возможно, иезуитов равно как и других орденов, и недовольных аристократов, и интеллектуалов-тираноборцев. Это они создали атмосферу, в которой Равальяк, как некогда Клеман и прочие цареубийцы слышали голоса, призывавшие их убить короля ради спасения души.

Но вот что важно: Равальяк повторил поступок Клемана. Он спас страну от тирана, от грандиозной войны. Разве не роптали все на налоги, разве не было недовольных? Но уже в камере Равальяк раскаивается в содеянном. Он не называет сообщников — не берет грех на душу даже под пытками, но раскаивается в своей вине перед королевской семьей и всей страной. И никто не превозносит подвиг Равальяка. Толпа разорвала после казни его обезображенное тело на кусочки. Но не как реликвии, не как мощи мученика за святое дело, а для того, чтобы затем самолично сжечь тело злодея, виновного в страшном грехе против общего блага. Общее благо, государственный интерес, порядок уже на самом что ни на есть народном уровне осознавались как то, что раньше называлось «мистическим телом короля», «общинной верных». Маятник в сознании людей качнулся и козлом отпущения, воплощенным злом, становится теперь не король, а его убийца.

Смерть короля, тем более короля, с трудом объединившего страну, была идеальным поводом для новых гражданских войн. Благо регентша Мария Медичи была намного глупее Екатерины Медичи. И действительно, были мятежи знати, выступления гугенотов, памфлеты и дворцовые перевороты. Но большой войны не было. Потому что абсолютизм победил. И доказал это сам Равальяк.

Смерть Генриха IV лишь укрепила королевский миф. Миф о короле-солнце, о французском Геркулесе, полубоге, мудреце на троне. Король стал гарантом единства страны, хранителем мира и процветания, арбитром в спорах сословий. Об этом твердили в многочисленных посмертных восхвалениях короля, где иезуиты соперничали в славословии с гугенотами, судейские — с дворянами. Народ валом валил к конной статуе короля, водруженной на Новом мосту. Шли со страхом — но боялись не светопреставления, а новой войны, хаоса, анархии. Готовы были сплотиться вокруг любой, пусть и не столь достойной фигуры короля. И никто не вспоминал теперь о налогах, о религиозных конфликтах, о королевской неблагодарности. Остался в памяти лишь «добрый король Анри», при котором в супе каждого крестьянина по воскресеньям плавала курица. То был король Золотого века и каждый следующий монарх из славной династии стремился походить на своего предка, заведомо не достигая идеала.

Абсолютизм победил. И не только в силу объективных условий — они-то

созрели гораздо раньше. Просто уставшее общество теперь приняло навязанные абсолютизмом правила игры в «Разум на троне». Игры в установление Золотого века на земле, ради чего допустимы неслыханные ранее новшества. Наследники лигерских и гугенотских тираноборцев обратили свою энергию на внутреннюю религиозность — не даром первую половину XVII века назовут «Веком святых»¹⁵. Король мыслился теперь не как сакральный пастырь, ведущий стадо к загробному спасению души, но как строитель удобного здания «общественного блага».

Вспомним нарочито потертый военный камзол Генриха и плотницкие успехи бомбардир-капитана Петра I. Абсолютных монархов будут даже судить. Но уже не как слуг Антихриста, а как нерадивых мастеров, плохо справившихся со своей работой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1.

ИОАНН СОЛСБЕРИЙСКИЙ.

ПОЛИКРАТИК (кн. 3 гл. 15)¹⁶

Тиран — враг общества

...В особенности тираном является тот, кто получил власть от Бога и кому надлежит быть рабом закона и слугой справедливости, но кто узурпировал эту власть, угнетает справедливость и превращает законы в рабов своей собственной прихоти. Тем более надлежит руку правосудия обратить против того, кто разоружает правосудие, а сила государства должна обходиться со всей строгостью с тем, кто стремится лишить государство его силы.

Хотя предательство имеет много форм, нет ничего более опасного, чем деяния того, кто нацелен против истинного правосудия. Против тирана тогда поднимается все государство, и, если возможно, — и не только все государство. По возможности надо преследовать всех, на ком лежит грех предательства, кто втоптал в грязь законы. Но тех, кому принадлежит власть, следует карать при этом строже, чем тех, кто лишь подчиняется власти. Воистину да не будет никого, кто не отомстит врагу общества, кто оставит без возмездия преступления против своей личности и против всего государства.

Перевод П. Ю. Уварова. John of Salisbury.

Policraticus./Ed.par M.Markland N.York, 1979. P.40—41.

2. ИЗ ТРАКТАТА «СОН САДОВНИКА»¹⁷

Книга 1, глава СXXXI.

Говорит Клирик:

... § 14. Если мы хотим знать с полной ясностью, может ли законный правитель, император или король или иной светский государь называться тираном, обратимся к деяниям тиранов. Как я могу судить, тиран может быть распознан десятью способами, согласно философу (Аристотелю)...

§ 15. Во-первых, тиран истребляет наиболее доблестных и наиболее могущественных (людей) своего королевства или города, с тем, чтобы они не могли ни восстать против него, ни осудить или помешать его злодеяниям. Мы видим также, что они убивают даже своих родных...

§ 16. Во-вторых, тиран уничтожает мудрых людей города с тем, чтобы они не распознали его тирании и не подняли бы народ против него...

§ 17. В-третьих, тиран уничтожает образованность и притесняет и уничтожает мудрых людей, ибо поскольку некоторые люди благодаря обучению становятся мудрыми, он страшится их, опасаясь, что они осудят его злодеяния...

§ 18. В-четвертых, тиран боится и опасается народных собраний и им мешает, даже если они вполне законны, поскольку он боится, что народ восстанет против него...

§ 19. В-пятых, тираны обычно имеют неких шпионов в городе, чтобы те доносили, что говорит народ об их правлении, ибо поскольку он знает, что оно тягостно для народа, он убежден, что все должны злословить о его правлении...

§ 20. Я, впрочем, не утверждаю, что государь или правитель не может иметь таких шпионов, но он должен делать это с благой целью, чтобы лучше управлять своими подданными, чтобы предупреждать злоупотребления при отправлении правосудия. Но тиран держит этих шпионов или доносчиков лишь для того, чтобы не пострадала его личная выгода.

§ 21. Шестой способ распознать тирана — если он стремится посеять рознь среди подданных, с тем, чтобы одна партия боялась другую, и чтобы они не могли объединиться в противостоянии его тирании.

§ 22. Восьмое деяние тирана, когда он поощряет войну и сеет раздор между подданными, с тем, чтобы они не могли думать о его тирании, поскольку несправедливая война — явный признак тирании.

§ 24. Девятое деяние тирана в том, что он доверяет чужеземцам более, чем своим собственным подданным... Но я все же не утверждаю, что государь вовсе не может доверять чужеземцам...

§ 25. Десятое деяние тирана в том, что когда город разделен на партии, он поддерживает одну партию, чтобы ослабить другую...

§ 27. Все то, что сказано о тирании в городе, может быть отнесено и к тирану в королевстве.

Перевод П. Ю. Уварова. Songe du vergier/Ed. par H.Seher-Lievre. Paris, 1982. P. 305—309.

РУССКИЙ ИСТОРИК Н. И. КАРЕЕВ ОБ УЧЕНИИ ЖАНА КАЛЬВИНА

Бог для прославления своего милосердия предопределяет одних к вечному блаженству, а других для прославления своей справедливости — к вечной гибели: одни люди — избранные, другие — отвергнутые. Истинно верующими могут быть только «избранные», другие «осуждены» еще ранее того, как они совершили что-либо хорошее или дурное, и Бог сам ожесточает их. Воля Божия непреложна: раз записанный в книгу живота, из нее более не вычеркивается; Божия благодать им не утрачивается, даже когда он впадает в заблуждение, но отверженный есть сосуд гнева Божия и не может спастись никакими заслугами... Сам Кальвин не раз «содрогался» при мысли о таком Боге. Так как далее человек не может знать, к чему он предопределен неисповедимым провидением, то он должен отгонять от себя, как греховное искушение, всякие сомнения в своем спасении и должен заботиться о том, чтобы быть достойным избрания, буде оно уготовано, — следуя пути, указанному законом Божиим.

Человек, идущий путями Божиими, должен всегда осознавать свою правоту и носить в себе силу оказывать сопротивление властям, идущим против Божией воли.

Кареев Н. И. История Западной Европы в Новое время.
СПб.1904. Т.2. С. 162—163.

**ИЗ ТРАКТАТА «ПИСЬМО КОРОЛЕВЕ-МАТЕРИ ИЗ РИМА, ПЕРЕВОД С
ИТАЛЬЯНСКОГО НА ФРАНЦУЗСКИЙ, СОДЕРЖАЩИЙ СТРОГИЕ
ПРЕДПИСАНИЯ КАСАТЕЛЬНО НАСТОЯЩЕГО ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ»¹⁸**

...Во время осады Орлеана Бог освободил короля, Вас и все королевство от тирании этого, угнетателя. Господь Всемогуший не дремал, но изыскал средства прибрать его, несмотря на все его ухищрения, несмотря на то, что он пытался составить договор со смертью, с самой преисподней. И Богу был угодно свершить это рукой дворянина по имени Жан Польшро, сеньор де Мере. Как Давид, он исполнил волю Господа; Бог направлял его руку, его силу, его волю. Он предал тирана смерти и сломал дубину его зла жезлом своей власти.

Но вы предали его ужасным пыткам и неслыханной казни, которую он перенес как Сцевола...

Слово Божие наставляет нас в том, что войны бывают законными, когда они ведутся по воле магистратов, когда оружие подымается для публичного возмездия, против тех, кто нарушил спокойствие страны... Никогда еще государство не управлялось хуже, чем при нынешнем правлении, и я предвижу страшную грозу...

Мы столько раз предупреждались Писанием, что нам надо остерегаться Сатаны и его прислужников, в особенности же — Антихриста, лже-Христов и лжепророков, которых в Писании именуют волками в овечьей шкуре... Мы живем в последние времена. Сбывается предсказанное святым Павлом в его пророческих письмах, что будут многие отречься от веры, и в умах своих предадутся ложным учениям и клевете, и повлекут дьяволы людей, чтобы извратить и разрушить истинный Божий путь.

Мы знаем, что оружие Антихриста — ложное учение и грубый обман, защита же от него — Слово Божие и вера. И хотя со времен святого Иоанна (Богослова) уже являлись многие Антихристы, да и сейчас мы можем назвать нескольких лжепророков, все же среди всех есть один, превосходящий всех, и долг христиан обнаружить его и сорвать с него маску...

Перевод П. Ю. Уварова. Lettre, adresse de Rome a la Reyne, mere de Roy... S.L., 1563.

ИЗ КНИГИ АМЕРИКАНСКОГО ИСТОРИКА БАРБАРЫ ДИФЕНДОРФ О РЕЛИГИОЗНОЙ БОРЬБЕ В ПАРИЖЕ XVI ВЕКА

Провал Сен-Жерменского мира

1 июля 1569 г. в соответствии с приговором Парламента Филипп и Ришар Гастене были повешены на Гревской площади по обвинению в проведении незаконных молитвенных собраний, порочащих имя Господа. Имущество было конфисковано, а в знак исключительности наказания их дом, где проводились собрания, был разрушен, а на его месте возведен монумент в виде массивной каменной пирамиды, увенчанной крестом. Этот крест стал символом парижского сопротивления идее мирного сосуществования с врагами-гугенотами.

Сен-Жерменский мир, заключенный в августе 1570 г., был встречен в Париже с возмущением. Одна из статей мирного договора предусматривала снос всех памятников, напоминавших о преследованиях гугенотов. Опасаясь народных волнений, парижский муниципалитет больше года игнорировал королевский приказ. Наконец, в декабре 1571 г. король стал настаивать на выполнении своей воли. Стараясь не выводить из себя парижскую чернь, парижские власти предложили в виде компромисса перенести крест на кладбище Невинноубиенных. Но католические проповедники расценили этот акт как надругательство над памятью о Страстях Христовых и их проповеди вновь вызвали брожение.

В декабре толпа напала на рабочих, которые возводили фундамент для монумента на новом месте. Весь квартал Сен-Дени пришлось оцепить муниципальной гвардией. Однако на следующий день волнения продолжались. Несмотря на аресты, толпа начала громить дома под вывеской «Золотого молота» и «Жемчужины», подозревая, что там живут друзья семьи Гастене, виновные в надругательстве над крестом. Раздраженный бессилием городских властей, король сумел добиться переноса монумента, но нападения на эти дома продолжались всю зиму. Население этих домов было полностью вырезано 24—25 августа 1572 г. во время Варфоломеевской ночи.

Перевод П. Ю. Уварова. Diefendorf B. Benaththe Cross.

N.York; Oxford, 1991. P. 84—85.

ИННОСАН ЖАНТИЙЕ.
ИЗ ТРАКТАТА «АНТИ-МАКИАВЕЛЛИ»¹⁹

Введение к третьей части.

Макиавелли трактует обе проблемы так, что очень легко понять, что его конечной целью является такое воспитание государя, чтобы в конечном счете он оказался подлинным тираном, обучение таким образом, сводится к усвоению искусства тирании... Я хочу привести некоторые положения Бартоло (Сассоферато), в которых он касается проблемы тирании, для того чтобы продемонстрировать, что Макиавелли его ограбил и в то же время стремился изобразить как обязанности государя все то, что Бартоло относил к нечестивой злобе тирана.

Во-первых, Бартоло устанавливает существование двух видов тирании: одни — это тираны по титулу, другие же — по образу действий.

Тиран по титулу — это человек, который правит без всякого титула или же владеет в государстве незаконно узурпированной властью. Тиран по образу действий — это лицо, которое обладает законным титулом и властью, но правит несправедливо и не в соответствии с законами, так, как это обязан делать добрый государь. Приведя подобное определение, Бартоло описывает десять видов деятельности тиранов. Если тиран применяет их, то он наглядно демонстрирует, что он является тираном по образу действий.

Первый из видов этой деятельности — когда тиран принуждает умирать наиболее знаменитых и наиболее могущественных людей из числа подданных вследствие страха перед тем, что они поднимутся против его тирании. Второй способ — это преследование тираном мудрых и добрых людей из-за страха, что они раскроют его пороки перед всем народом. К третьему разряду таких действий относится стремление тирана препятствовать развитию наук и литературы, чтобы не могли распространяться среди народа знания и мудрость . ...

В-десятых, тиран сеет раздоры между своими подданными и поддерживает одну партию в противовес другой.

Именно эти десять видов деятельности, с точки зрения Бартоло, доказывающего все это юридическими аргументами, являются подлинно тираническими. Если тиран их использует, то он сразу известен как явный тиран.

В итоге Бартоло делает вывод о том, что этим тиранам в соответствии с правом и разумом не следует подчиняться и склоняться перед ними. Он также отмечает, что тираны должны быть лишены своей власти и прав.

Эльфонд И. Я. Политические учения эпохи Возрождения и реформации (Франция). Саратов. 1991. С. 51.

**ИЗ «ПРОТОКОЛА, СОСТАВЛЕННОГО
НИКОЛЯ ПУЛЕНОМ...»²⁰**

В 1585 г. во второй день января, я, Николя Пулен, лейтенант превоства Иль-де-Франс, уроженец Сен-Дени во Франции был приглашен господами из Парижской Лиги, мэтром Жаном Леклерком, прокурором парламента и Жоржем Мишле, сержантом Парижского Шатле, с которым мы имели обыкновение встречаться, будучи знакомы более двадцати лет. Поговорив со мной о разных делах, они сообщили, что представляется хороший случай получить, если я пожелаю, много денег в свое распоряжение, а также милость многих крупных сеньоров и могущественных лиц города Парижа и других мест, которые могли бы меня продвинуть по службе, при условии, что я буду им верен, исполняя данные мне поручения, не имеющие иной цели, кроме сохранения католической, апостольской и римской веры...

На следующий день, третьего числа того же месяца в восемь часов утра, я прибыл к вышеназванному Леклерку домой, где были некоторые жители города, а также дворянин по имени господин де Майневиль, посланный по их словам, герцогом Гизом для содействия в их делах и предприятиях. В его присутствии мне было сказано, что католическая вера погибнет, если ей не будет оказана скорая и надлежащая помощь, призванная помешать тому, что готовится для ее уничтожения. Более десяти тысяч гугенотов, спрятанных в предместье Сен-Жермен, хотят перерезать глотку католикам, чтобы возвести на престол короля Наварры. Некоторые члены парламента также поддерживают и снабжают Наваррского короля, и если им удастся достичь своего, то погибнет сто тысяч человек... Но в Париже уже много людей, протестующих и поклявшихся скорее умереть, чем подчиниться, тайно привлечены к заговору, облегченному тем, что им надо лишь сломить слабые и немногочисленные силы короля в Париже.

...В 1587 г. они начали привлекать как можно больше людей под предлогом религии; проповедники также принялись дерзко и грубо нападать на короля, более чем когда-либо очернять его перед народом. Они имели цель вынудить короля арестовать кого-нибудь из них, что должно было вызвать возмущение подданных против него, что и произошло, наконец, после мятежной проповеди одного из них (Жана Буше) в Сен-Северен. Они велели ему изрыгать с кафедры такую подлую клевету на короля, что Его Величество вынужден был приказать поставить его к себе для разговора. Тотчас был распушен слух, что собираются схватить всех добрых проповедников, и тогда Леклерк вооружил свой отряд и устроил засаду в доме нотариуса Атта, что около Сен-Северен, с целью помешать аресту означенного проповедника...

Донесение агента-двойника. М., 1992.

**ОТРЫВКИ ИЗ АНОНИМНЫХ ПАРИЖСКИХ ИЗДАНИЙ
1589 ГОДА**

а.

Ужасные вещи, содержащиеся в письме, отправленном Генриху Валуа, неким парижанином 20 января 1589 г. По копии, которая была найдена в Париже близ дворцовой башины с часами.

Анри, вы хорошо помните, как с тех пор, что вы изгнали крест Иисуса из пределов Франции, вы дали свободу всем колдунам и бесноватым, и прочим прорицателям, предоставив им залы вашего Лувра, и даже пустили их в свой кабинет, уделяя им по часу в день, чтобы выслушать их наставления. Вы хорошо помните, как они побудили вас вступить в союз с духами, вскормленными в школе Сулеймана, и возлюбили духа по имени Терагон. И вы помните, как повелели этим колдунам и бесноватым вызвать сей дух во плоти живого человека, чему они немало подивились, но все же при помощи своего дьявольского искусства, они задачу свою выполнили и дьявола из преисподни воплотили в живом человеке. Это произошло в Гаскони, имя его было Ногено, он же взял себе имя Эпернон, что означает — Терагон и явился в королевский совет. А король Наваррский знал это и направил проклятого человека по имени Де Беллуа, чтобы помочь этому предательству. Вы же, едва завидев его, заключили его в свои объятия и назвали его братом... И в первую же ночь душа ваша была заключена под камнем его перстня...

*Перевод П. Ю. Уварова. Les choses horribles contenues
en une lettre envoyee a Henry de Valois. Paris, 1589.*

Копия старинного решения, переведенная с латинского на французский, найденная в большом зале богословия в Коллегии кардинала Лемуана

Иерусалим пал и вера, церемониал и таинства иудеев были забыты. Если падет Париж, то и святая католическая, апостольская и римская вера, истинная дорога нашего Господа, без всякого сомнения погибнет. Вот почему не следует удивляться, что политики и еретики в первую очередь устремились сюда, чтобы разрушить Париж, а затем захватить все прочие города, дабы насадить там свою ересь по примеру англичан — давних врагов французов. Но в ответ на это все порядочные люди, приверженные имени Бога, своей Церкви, своей Религии — воспротивятся не щадя своих сил, имущества, крови и самой жизни. И тем обеспечат себе благодать Божию, помешав замыслам злодеев.

Перевод П. Ю. Уварова. Coppié d'une ancienne resolution... Paris, 1589.

...Но Сатана, завидуя нашему Господу и спасению наших душ, тоскует оттого, что его власть на земле подходит к концу, посылает семиглавого Дракона Апокалипсиса...

Отец Генриха — вовсе не Антуан Бурбон, а чародей Мерлин, как выясняется из документов, полученных нами из Ла-Рошели.

Тираны — скоморохи князя Тьмы. Заключив союз с Беарнцем, Генрих Валуа попал под папское отлучение. После его публикации он сразу же ощутил его силу, найдя постыдную смерть от руки того, кто никогда не держал оружия...

...Какой стыд — идти против всех законов — гражданских, церковных, естественных и божественных, против воли всех порядочных и ученых людей, против мнения большинства, против всего Христианского мира!

Представьте, каков будет вид Парижа, если на одной улице, в одном доме — на соседних этажах, в соседних комнатах будут проповедовать католики рядом с гугенотами. Близ церкви, где причащают телом Спасителя на углу в лавке будут торговать мясом в пост. В Парламенте будут заседать защитники веры и осквернители святынь. Человек, исповедующийся священнику на Пасху, будет знать, что на него показывают пальцем и с презрением называют папистом. Твой сосед, твой друг, твой родственник, будет гугенотом и кальвинистом. Никогда не было ни у нас, ни в каком другом государстве такого смешения и разлада. Разве может жизнь в республике или королевстве быть тихой и мирной без того основного блага в наших сердцах и умах, каким является религия?

...Ясно, что это — тиран в собственном смысле слова. И посему каждый может его убить без дополнительного судебного процесса и решения властей. Тот, кто осуществит это, обеспечит себе бессмертную славу и любовь потомков.

Перевод П. Ю. Уварова.
Le Fleau de Henry soy disant

Roy de Navarre... Paris, 1589.

9.

ФРАНЦУЗСКИЙ ИСТОРИК ЖАК ЛЕГОФФ О ЗНАЧЕНИИ КОРОНАЦИИ В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

...И все же короли и императоры на протяжении всего Средневековья пытались добиться признания религиозного, сакрального характера своей власти.

Важнейшим средством для этого была коронация — религиозная церемония, превращавшая правителя в помазанника Божия, в государя, «коронованного Богом». Миропомазание было таинством и сопровождалось литургическими возгласиями... в которых Э. Канторович справедливо усмотрел торжественное признание церковью, причисление нового суверена к небесной иерархии; пение литаний святым символизировало союз и симметрию двух миров, они провозглашали «космическую гармонию Неба, Церкви и Государства».

Ритуал коронации зафиксирован в особых установлениях, Такой «коронационный чин французских королев», так называемый «манускрипт из Шалоне-на-Марне», датированный примерно 1280 г., сохранился в Парижской национальной библиотеке. Чудесные миниатюры этой рукописи воспроизводят некоторые наиболее значимые эпизоды церковного обряда, утверждавшего одновременно военного вождя (вручение шпор и меча) и лицо почти священное (миропомазание, а также вручение религиозных символов — кольца, скипетра и короны). Картины изображают короля, встречаемого у врат Реймского собора; аббата монастыря святого Ремигия Реймского, несущего «ампулу» — сосуд с миррой; короля, произносящего свою клятву, склонившегося во время пения литании; короля, получающего шелковые туфли от Великого камергера, золотые шпоры — от герцога Бургундского; нанесение елее на лоб и на руки (в действительности — еще и на грудь, на спину, на плечи); короля, одетого в фиолетовую тунику и слушающего мессу; короля, принимающего меч, затем кольцо, скипетр и, наконец, корону; причащающегося после коронации королевы...

Вспомним, что короли Англии и Франции обладали даром лечить золотушных больных своим прикосновением. О том, что король предпочитал харизматическую власть военной силе, свидетельствует «Трактат о коронации» Жана Голейна, написанный по предписанию Карла V в 1374 году. Король Богу приносит оммаж за свое королевство, которым он владеет не мечом, как говорили в древности, а от Бога, что засвидетельствовал король на своей золотой монете. Он не сказал: «Меч царствует и побеждает», но: «Иисус побеждает, Иисус царствует, Иисус правит».

Легофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 251—252.

НАНТСКИЙ ЭДИКТ

В апреле 1598 г. король подписал эдикт, предоставлявший гугенотам определенные религиозные свободы.

Этим вечным и неотменимым эдиктом мы сказали, объявили и повелели следующее:

I. Во-первых, что воспоминание обо всем, что произошло с той и с другой стороны с начала марта 1585 г. до нашего коронования и в течение других предшествующих смут, будет изглажено, как будто ничего не происходило. Ни нашим генеральным прокурорам, ни иным лицам, государственным и частным, не будет дозволено никогда и ни по какому поводу упоминать об этом...

III. Повелеваем, чтобы католическая апостольская римская религия была восстановлена во всех местах нашего королевства... где отправление ее было прервано и да исповедается она мирно и свободно без всяких смут и препятствий.

Чтобы не дать никакого повода к смутам и распрям среди наших подданных, мы позволили и позволяем исповедующим так называемую реформированную религию жить и обитать во всех городах и местах нашего королевства и подчиненных им областях без преследований и принуждений делать что-либо в деле религии противное их совести; их не будут по этому поводу разыскивать в домах и местах, где они пожелают жить...

XIII. Мы весьма определенно запрещаем всем придерживающимся названной религии проявлять ее в службе, уставе, дисциплине или в народном образовании в нашем королевстве и подчиненных нам областях, а также во всем, что касается религии, за исключением мест, где это дозволено и пожаловано настоящим эдиктом.

XVIII. Также запрещаем всем нашим подданным всякого звания и положения отнимать силой и обманом, против воли их родителей детей названной религии, чтоб окрестить их в католической церкви, те же запрещения относятся и к исповедующим так называемую реформированную религию, под страхом примерного наказания.

XXI. Книги, касающиеся названной религии, могут печататься и публиковаться, продаваться только в городах и местах, где допущено публичное отправление названной религии.

XXII. Повелеваем, чтобы не было никакого различия в отношении названной религии при приеме учеников в университеты, коллегии и школы, а больных и бедных в госпитали и учреждения общественного призрения.

Хрестоматия по истории Средних веков. М., 1950. Т. III.
С. 173—174.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- История Европы М., 1993. Т. 3.
История Франции. М., 1972. Т. 1.
Аависс и Рамбо. Всеобщая история с IV века. СПб, 1908. Т. 5.
Агלבелен Робер. Драмы и секреты истории. М., 1993.
Дэвис Н.Земон. Возвращение Мартена Герра. М., 1990.
Лучицкий И. В. Католическая лига и кальвинисты во Франции. Киев, 1877.
Черняк Е. Б. Вековые конфликты. М., 1988.
Черняк Е. Б. Пять столетий тайной войны (разн. издания)
Эльфонд И. Я. Тираноборцы. Саратов, 1991.

Документы по истории гражданских войн во Франции. 1561 — 1563

- /Под ред. А. Д. Люблинской М., Л., 1962
Д'Обинье Агриппа. Трагические поэмы. Мемуары. М., 1949.
Донесение агента-двойника: протокол, составленный Николя Пуленом... М., 1992.
Монтень Мишель. Опыты. М., 1981.

Художественная литература

- Дюма Александр*
Две Дианы
Королева Марго
Графиня де Монсоро
Сорок пять
Манн Генрих
Молодые годы короля Генриха IV
Зрелые годы короля Генриха IV
Мериме Проспер
Хроника времен Карла IX

РАЗДЕЛ II

ЕВРОПЕЙСКИЙ МИР XVI — СЕРЕДИНЫ XVII В. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

Почему «материальная культура», «повседневность», а не производительные силы и производственные отношения? — вправе спросить просвещенный читатель. Действительно, наше сознание привычно связывает с этими понятиями традиционные описания из области экономической и социальной истории, из истории быта и истории техники. Вместе с тем, термины «материальная культура», «повседневная жизнь» («повседневность») в современной исторической науке скрывают в себе нечто большее, чем описание быта и повествование о том, как жили в прошлом. Это не дополнение к «серьезной» истории — политической и событийной, как можно видеть в традиционных исторических изданиях, особенно начала и первой половины нынешнего столетия. Но это также и не «история низов» — «бесправных и обездоленных», о которой так много говорят сегодня. Историки-медиевисты не игнорируют эти социальные слои и группы, но изучают их в ином, широком социокультурном контексте.

Речь идет по существу о разработке новой исторической наукой особого метода целостного («тотального», системного) познания человека в истории, об освоении нового исследовательского пространства, охватывающего, по выражению выдающегося французского историка Фернана де ля (1902—1989, одного из энтузиастов этого направления «элементарную, базовую деятельность человека, которая существует повсеместно и масштабы которой безграничны». Это гигантское органически цельное пространство человеческого бытия, которое условно обозначают понятиями «материальная культура» «повседневность», объемлет все то, из чего складывается собственно жизнь человека: ее природные, экологические условия, систему коммуникаций, трудовую деятельность, потребности (жилище, питание, одежда, медицина) и возможности их удовлетворения (техника, технологии), наконец, самого человека как существа биологического (брак, формы семьи, рождаемость, смертность, болезни, эпидемии). Но это также и весь спектр соответствующих человеческих отношений, поступков, действий, желаний, надежд, идеалов, правил, регулирующих поведение человека и дающих о себе знать во всех проявлениях повседневности (моды, конструкции и убранстве жилища, структуре питания, восприятии житейских ситуаций и материальных объектов и т. д.) (см. стр. 129).

Понимаемое таким образом исследование материальной культуры и повседневности выводит на авансцену истории ее подлинных творцов — «немотствующие массы» с их повседневными потребностями и упованиями, обнажая одновременно и границы «возможного и невозможного» (Ф. Бродель) для человека и общества в целом на том или ином этапе их исторического бытия. Обращаясь к изучению материальной культуры и повседневности, историки-медиевисты сегодня стремятся показать полнокровность и сложность общественного организма как системы взаимосвязей, не укладывающейся в традиционную линейную схему зависимостей «базиса и надстройки».

История материальной культуры и повседневности — молодая дисциплина новой исторической науки. Она неразрывно связана с культурантропологией (см. часть первую. Предисловие; раздел III. Введение), ибо цель ее — также изучение человека как создателя цивилизации, культуры, идет к нему через материальное, исследуя условия и условия труда, баланс между потребностями и их удовлетворением; изучает отношение человека к объекту и объектам и через них отношения между людьми. Да и сам человек в своем физическом облике — один из материальных объектов.

Применительно к европейскому высокому Средневековью опыт историко-культурного, синтезирующего исследования повседневности и материальной культуры был предпринят Ж. Ле Гоффом (Цивилизация средневекового Запада, пер. с франц. М. 1992), а к эпохе позднего Средневековья и раннего капитализма — Ф. Бродезем (Материальная цивилизация, экономика и капитализм. В 3 т. Пер. с франц. М., 1986—1992). Сложной системе взаимодействия между социально-психологическими представлениями, идеологией и сформированной ими средой повседневной жизни посвящено в отечественной историографии исследование Л. М. Баткина «Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления» (М., 1978). Синтезирующих трудов пока еще немного. Вместе с тем современной наукой накоплен уже огромный материал, освещающий отдельные аспекты истории материальной культуры и повседневности доиндустриальной Европы, что дает базу для некоторых обобщений.

В этом очерке прослеживаются общие линии развития эпохи, определившие ее особое место в европейской истории как переходного периода, когда в ходе разложения традиционных общественных структур складывались материальные, социокультурные основы и контуры европейской экономической и культурной общности Нового времени, обретшие плоть и кровь с началом эпохи индустриализации. Именно под этим углом рассматриваются здесь технологический прогресс и новшества в организации хозяйственной жизни — ремесла, сельского хозяйства, торговли, изменения в социальной действительности и формах повседневной жизни, демографические процессы. При этом представляется важным акцентировать как своеобразие динамики развития, так и тех, порой ускользающих при «линейном» рассмотрении, внутренних взаимосвязей и взаимовлияний, которые существовали в реальности между различными сторонами и сферами общественной жизни, определяя и единство исторического процесса и своеобразие самой эпохи.

Европейская история рассматриваемого периода, при всем разнообразии локальных вариантов, отмечена общностью поступательной тенденции развития, в ходе которого складывались предпосылки новых форм производства и общественных отношений, политического устройства и государственности. Это было время расширения географических открытий, освоения заокеанских приобретений, возвышения новых регионов и стран и окончательного смещения, наметившегося еще в предшествующий период, центра силового поля хозяйственно-политической и культурной жизни европейского мира со Средиземноморья на Запад и Северо-Запад.

Продвижение в просторы Атлантики и Тихого океана, новые хозяйственные и политические связи, обратное воздействие этого на внутриевропейские отношения — несомненно, одно из самых впечатляющих явлений времени. Но это едва ли стало бы возможным без глубоких преобразующих процессов практически во всех сферах — хозяйственно-организационной, духовной и социально-политической, без утверждения нового взгляда на устройство вселенной, сформировавшегося в атмосфере духовного климата Ренессанса и исканий гуманистической мысли, также как и без совершенствования искусства кораблестроения, мореходства и навигации, картографирования, прогресса техники на основе обобщения практического опыта предшествующих поколений и современников. С этой точки зрения, рассматриваемые полтора столетия — время, когда сполна и широко смогли быть реализованы практические возможности великих изобретений классического Средневековья (компас, косой латинский парус, порох, книгопечатание) и сделаны важные шаги в усовершенствовании механизмов, технологии, организации производства в ве-Аущих отраслях неаграрного сектора — горнодобыче, металлообработке, литейном деле, текстильном производстве, средствах коммуникаций. Но это было также время рождения пионерских теорий и открытий Коперника, Кеплера, Галилея, Декарта и др., заложивших основы современного научного знания, астрономии, математики, физики, химии. Однако практически они были реализованы уже в другую эпоху — начиная со второй половины XVII в. и особенно в XVIII в., когда развернулся процесс индустриализации.

ИЗОБРЕТЕНИЯ И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Рассматриваемые столетия — это еще время изобретателей и практиков. Одной из главных их задач был *поиск путей совершенствования приспособлений для использования силы* главных традиционных источников энергии — *воды и ветра и передачи ее механизмам и аппаратам*, облегчавшим и ускорявшим трудоемкие производственные процессы. Ренессансная инженерная мысль экспериментировала над мельничным горизонтальным колесом, которое теперь стали делать с лопастями. Идея турбины, заложенная в этих исканиях, нашла свое воплощение уже в XVIII в. Совершенствовалось и вертикальное мельничное колесо. Возрос почти вдвое его диаметр. Он достигал теперь иногда десяти метров. Это увеличивало мощность мельниц. Как считает Бродель, к XVIII в. она возросла в целом по Европе с полутора до трех млн. лошадиных сил. В 1693 г., по расчетам другого историка-экономиста, Маккай, на венгерских мельницах производилось до 37 кг муки в час (в XII в. в Англии — 17 кг),

В областях, бедных реками, использовали ветряные мельницы. В XVI в. их стали делать с вращающимся корпусом. В Нидерландах получил распространение особый их тип — т.н. «бокмюле», где подвижным был только верх мельничной башни. Энергетические возможности бокмюле превосходили мощность водяного колеса. Но ее сооружение обходилось дороже, а время работы определялось наличием ветра. Бокмюле широко использовали в: Голландии для различных промышленных целей. В 1522 г. их стали соединять с пилами. Как источники энергии мельницы постепенно стали применяться для механизация особенно трудоемких процессов во многих отраслях: в горнодобыче, для измельчения и толчения руды, в кузнечных и прокатных операциях, для приведения в движение . шлифовальных приспособлений, буров, обработки кож и валки сукон, приготовления бумажной массы и др.

Вплоть до XVIII в. мельничные колеса делались из дерева, что сказывалось на их мощности. Дерево было также основным материалом, из которого изготавливали различные механизмы и аппараты. Дорогостоящий металл шел только на изготовление тех частей, которые испытывали наибольшую нагрузку. Со временем все большая часть конструкции стала делаться из металла — меди, латуни, свинца, железа, которое со второй половины — конца XVI в. постепенно начинает вытеснять медные сплавы.

Техническое совершенствование средств производства было тесно связано с улучшением конструкции и *технологии изготовления винта* — важнейшего элемента любого передающего энергию аппарата. Винты делали вначале вручную с помощью резца или напильника из дерева, но также и из металла. Новые перспективы открылись с распространением токарного станка (одно из первых известных его изобретений относится к 1568 г.) и технологии отливки винтов из бронзы и латуни (качество железа было еще недостаточно хорошим). Тем самым закладывались основы их серийного производства, с одной стороны, и расширялись возможности механизации производственных процессов, с другой.

Одной из важнейших сфер применения металлического винта стали книгопечатание и монетное дело. Печатный винтовой пресс, впервые использованный около 1550 г. в Нюрнберге, существенно повышал качество оттиска и производительность печатного станка — в конце столетия до тысячи и более печатных листов в день, в ранний период — всего лишь 300 печатных листов. К началу XVIII в. производительность при 15-часовом рабочем дне составляла Уже около 3 тыс. печатных листов.

Использование механического винтового пресса для денежной чеканки натолкнулось на сопротивление цеховых Ремесленников. В середине — второй половине XVI в. Новый метод утверждается в Аугсбурге и Цюрихе. В 1552— 1585 гг. он использовался на монетном дворе Лувра, в 60-х годах — в габсбургских монетных дворах. В 1561 г. была предпринята первая и неудачная попытка

использовать его в Англии. Чеканка королевской монеты с помощью механического пресса началась здесь в 1651 г.

К 30-м годам XVI в. восходит одно из ранних описаний *обработки железа с помощью валков*. Они использовались в прокатном и волочильном процессах, для производства проволоки, игл и особенно белой жести. К началу XVII в. были известны уже различные их типы, в том числе и механические для получения тиснения на золоте, меди, свинце.

По сравнению с предшествующими столетиями *возросло употребление помп*, особенно отсасывающих, в горном деле. Это было непосредственно связано с углублением шахт в районах добычи серебра и меди, достигавших теперь 200—300 м и более. На промыслах в Тироле их средняя глубина составляла 800 м. Построенная в 1597 г. в Реребюле шахта «Святого Духа» имела 886 м и была самой глубокой в Европе. Подъем воды уже с 200—240 м требовал около 600 рабочих. Расходы на эти работы могли составить, как например в Шваце в 1535 г., почти половину суммы, требовавшейся на создание рудника.

Техническая мысль в горнорудном производстве была направлена на *совершенствование осушительных приспособлений* и на замену ручного труда конной или механической тягой. В Фалькенштейне в 1538 г. было установлено восемь помп усовершенствованной конструкции, которые позволили сократить численность рабочих до 240 человек, работавших в три смены. В середине XVI в. на свинцовых рудниках в чешских Рудных горах был установлен ворот, работавший от конной тяги. «Швацким искусством» и «чудом техники» называли современники механизм, сконструированный Вольфгангом Лешнером из Зальцбурга. Это было колесо, имевшее в диаметре 10 м и приводимое в движение водой. Посредством его попеременно поднимали руду (в бадьях) и воду (в кожаных мешках). За восемь часов работы машина поднимала до 100 кубометров воды, что соответствовало затрате 35,5 лошадиных сил. Для обслуживания ее требовалось только два человека (вместо прежних 629).

В 1570 г. на шахте «Св. Духа» был установлен восемь таких машин. Они приводились в движение сначала вручную, а затем — с помощью конной тяги. В 1587 г. с расстояния в 6,5 км была сделана подводка воды, вращавшей стержневое колесо, обеспечивавшее движение каната и подъем воды.

Следующий важный технологический шаг в горнодобыче приходится на конец 20-х годов XVII в., когда впервые (в Хемнице и Нойзоле) был применен метод взрыва породы. Распространение этого метода приходится уже на конец XVII в. Но принципиально новые возможности для повышения производительности труда были связаны с применением (с начала XVIII в.) бурильных машин.

Интенсификации труда, повышению его производительности способствовали также улучшение (со второй половины XVI в.) системы вентиляции в шахтах и использование двигавшихся по деревянным рельсам вагонеток для доставки руды к месту ее первоначальной обработки. Впервые они появились в ходе XVI в. на меднорудных промыслах в Словакии и в Гарце, затем стали использоваться в английских каменноугольных копях.

Качество металла сильно зависело от предварительной обработки (толчение, обжиг, промывка, просеивание). В XVI в. эти разрозненные прежде производства все чаще начинают концентрироваться в рамках единого предприятия. Это позволяло сократить потери и механизировать наиболее трудоемкие процессы (прежде всего дробление и толчение). На промыслах по добыче свинца и олова в Словакии в XVI в. работало до ста таких предприятий. Оборудованные 3—4 соединенными вместе механическими дробильными прессами, они насчитывали от 12 до 40 человек.

Другим направлением технических поисков эпохи было то, что сегодня можно было бы обозначить понятием «химия», хотя, конечно, в современном смысле ее еще не было. Творческая мысль находилась лишь на пороге научного химического знания. То, что интересовало, было еще сравнимо с алхимией, с ее поиском возможности Получения искусственным путем золота и других благородных и ценных металлов. Усовершенствованный в ходе химических опытов пробирный анализ и накопление знаний о свойствах различных металлов и минералов в XVI в. были обращены на

практические нужды повседневной жизни и производства, прежде всего металлургии и металлообработки.

Добыча благородных и ценных металлов и их обработка играли важнейшую роль в рассматриваемую эпоху. В золоте и особенно в серебре как важнейшем средстве обмена, остро нуждались королевские, имперские, княжеские монетные дворы. Цветные металлы и их сплавы шли на производство оружия, предметов культа (колокола, светильники, чаши), домашней утвари. Изделия из металла поглощались местным и региональным рынком, использовались как эквивалент в торговле с заморскими странами.

Не случайно, что именно в этой области достижения творческой мысли, практиков были особенно впечатляющими, а новшества — многочисленными. Был усовершенствован и получил распространение открытый еще в XV в. метод зейгерования: выделения с помощью свинца серебра из смешанных свинцово-серебряно-медных руд. Он стал основой нового подъема европейского производства серебра и меди в XVI в. В некоторых горнорудных районах оно увеличилось в десять раз. Другим новшеством было амальгамирование: выделение серебра из руды с помощью ртути. Оно родилось в Европе, было завезено в Мексику и Перу, в 50—70-х гг. XVI в. получило там применение и признание. В европейской технической литературе было описано в 40-х годах XVII в.

Были усовершенствованы известные ранее способы производства латуни из сплава меди и галмея. В конце XVI—начале XVII в. появились описания изготовления латуни из соединений меди с оловом. Олово стали широко использовать (впервые в Нюрнберге, в Саксонском горнорудном районе) для лужения поверхности листовой меди и железа. Новый сплав, более дешевый и прочный, свинца с сурьмой заменил оловянное литье, из которого первоначально делали типографские литеры. Разнообразились и совершенствовались (особенно в Англии в XVII в.) методы производства стали путем легирования.

Особое направление практических опытов было связано с проблемой *увеличения температуры плавки*. Это было особенно важно при обработке железа, производстве чугуна и стали. Поиск шел в двух направлениях. С одной стороны, совершенствовался сам процесс плавки и конструкция плавильных печей. Были освоены доменный и мартеновский процессы, производство брусковой стали, а высота печей ко второй половине XVII в. увеличилась вдвое по сравнению с теми, которыми пользовались в середине XVI в. С другой стороны, расширялось производство каменного угля, обладавшего более высокой температурой горения по сравнению с древесным углем и торфом.

Стремление к замене древесного угля каменным в известной мере было связано со стремительным сокращением в XVI в. лесных массивов особенно в центрально-европейских и альпийских районах интенсивного развития горнодобычи и металлургии. Это обстоятельство побудило территориальные и городские власти довольно «рано взять под контроль промышленное использование лесов, оно регулировалось специальными уставами и постановлениями. Для нужд солеварения, металлургии отводились специальные участки, иногда целые лесные массивы; одновременно, как например, в округе Нюрнберга, делались новые посадки деревьев.

Вместе с тем все шире начинали использовать в качестве топлива каменный уголь. Расцвет металлообработки в округе Люттиха в первой половине XVI в. привел к увеличению в 3—4 раза добычи каменного угля, положив начало экспортной разработке месторождений. В большом объеме использовали каменный уголь в чугунолитейном производстве Рура. Но возможность его применения для литья стали наталкивалась на вредное воздействие содержащихся в угле примесей (серного колчедана), снижавших качество металла. В 20-х годах XVII в. в Англии был найден способ очистки каменного угля. Практическое его применение имело далеко идущие последствия. Переход на каменный в металлургии не только выводил ее из тупика, в который она зашла к середине XVI в. из-за недостатка топлива. Одновременно с повышением производительности производства было положено также начало перемещению центра металлургического производства в Европе из альпийских районов и Швеции в Англию, со всеми вытекавшими из этого экономическими и

демографическими последствиями. Обладавшая самыми значительными запасами коксующихся углей Англия скоро стала первым его производителем и экспортером.

В XVII в. кокс получил здесь широкое применение в производственных процессах многих отраслей, требовавших высокой температуры: обжиг черепицы и кирпича, соле- и мыловарение. Важные последствия имело применение каменного угля для стеклоделия. Оно сделало возможным разработку технологии производства прозрачного стекла и стимулировало прогресс отрасли в целом. С конца XVI в. получила распространение гравировка стекла посредством специального вращающегося диска с ножным приводом, с XVII в. — механическим; улучшилось качество и расширилось производство оконного стекла, широко применявшегося в ренессансной практике. В XVI в. получило распространение изготовление линз, а во второй половине столетия научились посредством комбинации различных их типов (выпукло-вогнутых) добиваться увеличения изображения предмета, находящегося на значительном расстоянии. В конце века на этой основе был сконструирован телескоп, скопированный потом голландцами. Дальнейшей ступенью развития стали микроскоп и телескоп Галилея; усовершенствования их продолжались вплоть до 1680 г.

Расширение знаний о химических процессах и свойствах различных соединений сказалось на совершенствовании многих производственных процессов, например, отбели и крашения тканей, дубления кож (для этих целей использовали поташ, квасцы, медную воду, винный камень, красящие вещества растительного происхождения — вайду, морену, шафран, индиго, красное бразильское дерево, кахениль и др.); а также производства бумаги, красок, лаков, мыла.

Важная роль в ускорении распространения технического опыта принадлежала книгопечатанию. В этом, в частности, сказалось одно из его преобразующих воздействий на жизнь европейского общества XVI—XVII вв.

КНИГОПЕЧАТАНИЕ. РАСПРОСТРАНЕНИЕ НАУЧНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Возникшее в середине XV в. на волне общего хозяйственного и культурного подъема, книгопечатание, в свою очередь, стало мощным его фактором и одновременно одним из первых и технологически наиболее совершенных воплощений идеи рождавшегося серийного массового производства. К 1500 г. книгопечатание было уже известно в двенадцати странах. Типографские прессы работали в Венеции и Лионе, Париже, Руане, Бордо; в лондонском Вестминстере, в Стокгольме, Неаполе, Валенсии и Севилье. В 1535 г. Иоганн Кромбергер, сын немецкого издателя и печатника Якоба Кромбергера, в 1502 г. основавшего типографию в Севилье, организовал ее филиал в Мехико. Европейской известностью пользовались типографии Антона Кобергера из Нюрнберга, Иоганна Фробена и Иоганна Амербаха из Базеля, вокруг которых группировались гуманисты; венецианца Альда Мануция, печатавшего античных авторов. Центром выпуска ученой литературы стал типографско-издательский дом Робера и Анри Этьенов в Лионе. Один из решающих шагов по пути «индустриализации» типографского дела был предпринят Кристофом Плантоном в 1549 г. в Антверпене. Из его типографии вышел Луи Эльзевир — основатель знаменитого издательства в Лейдене. Крупнейшими центрами книгопечатания в Восточной Европе в XVI в. стали Львов и Киев.

Уже с 1460 г. книги стали снабжать иллюстрациями, гравюрами с деревянных или медных досок, печатать Диаграммы, ноты, планы, карты. О массовом спросе на книгу говорят те сорок тысяч изданий до 1500 г., которые известны ученым. Содержание книг показательны с точки зрения направленности общественных потребностей и интереса, ориентированных не только на идеологию, философско-религиозную сферу, но и на запросы повседневности. Убедительное доказательство тому — зарождение технической литературы. Благодаря книгопечатанию получили широкую известность и вошли «в оборот» многие сочинения, в рукописном виде доступные лишь узкому кругу, как, например, «Домашняя книга» (1480), содержащая изображение различных типов литейных печей; или сочинение Мартина Леффельхольца (1502), в котором приводилось описание деревянных тисков с зажимами из железа. Больше всего изданий было посвящено горному делу, металлургии, металлообработке. Восемь раз переиздавалась, впервые увидевшая свет в 1505 г. «Полезная книжица», автор которой Рюляйн фон Кальб описывал процесс плавки меди. Всю Европу обошла, отпечатанная в Венеции в 1540 г., многократно переиздававшаяся «Пиротехника» Ваноччо Беренгуччо. Автор обобщал свой опыт, приобретенный в металлургическом производстве Шваца. Особенно ценилось изложение Беренгуччо основ литейного дела и предшествующих ему операций (толчение, промывка руды, плавление), описание конструкций механизмов — водяного колеса и т. п.

Но все превзошло своей популярностью сочинение одного из крупнейших знатоков горного дела и метрологии гуманиста Георгия Агриколы «О горном деле и металлургии, в двенадцати книгах». Публиковавшееся отдельными книгами в 1528 и 1530 гг., оно вышло полным изданием в 1557 на латинском, а через год на немецком языках. Описание всех горнопромышленных районов Центральной Европы автор сочетал с изложением технических идей, размышлениями об оптимальной организации производственных процессов и о том, какими качествами должен был обладать для этого «металликус» — специалист по горнодобыче и плавке и их руководитель.

В 1668 г. во Франкфурте-на-Майне вышло сочинение Июста Аммана, в котором автор, уроженец Цюриха, долгое время проживший в Нюрнберге и изучивший тамошние ремесла, давал описание «всех профессий на Земле», сопроводив его 114 гравюрами. Серия «руководств» с гравюрами на меди об устройстве разнообразных машин и «орудий производства» была опубликована в 70-е годы XVI в. Жаком Бессоном. Там имелись изображения драги, подъемных механизмов, копра, лощильного пресса с конной тягой, помпы, шлифовальной машины, строительного крана, подъемного канатного устройства, токарного станка для нарезки винтов. К этому же типу изданий принадлежали «*Magia Naturalis*» Джамбаттисты де ла Портас (1558, 1589); книга о машинах Якоба Страды (1617, 1618), в которой как новинка

демонстрировалась канатная трансмиссия, приводившая в движение большое токарно-шлифовальное устройство; бокмюле, валки для проката металла и пресс для валки сукон. В сочинениях механиков Цонка, де Кауза, Веранцио, Бранка, издававшихся полностью или в выдержках и к северу, и к югу от Альп, приводились изображения подъемных механизмов, мельниц, механических прессов для чеканки денег, помп, пил, типы приводов, обеспечивающих их работу от различных источников — мускульной силы человека и животных, ветра, воды и даже горячего воздуха.

С помощью книгопечатания распространялись сочинения и по другим областям знания, например о методах крашения (Розетти, 1540 г.), производстве стекла флорентийца Антонио Нериза (1612 г.). В 1597 г. вышла книга врача Андреаса Лейбау, в которой систематизировались знания по химии («Алхимия»). К середине XVII в. относятся и сочинения о химических процессах и соединениях Иоганна-Рудольфа Глаубера.

В Восточной Европе, на Руси в эти же столетия получил популярность своеобразный тип сочинений — так называемые «травники», «вертограды», «лечебники», содержавшие, в частности, сведения по минералогии, химическим соединениям, почерпнутые как из европейских, латинских книг, так и из собственных практических наблюдений.

ЗАРОЖДЕНИЕ ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Приведенный перечень, который легко мог бы быть дополнен и расширен, показателен с точки зрения того интеллектуального и технического потенциала, которым обладало европейское общество к исходу рассматриваемого периода. Сам факт распространения «технической литературы» как и широкий спрос на нее, в известной мере был обусловлен начавшимся с XVI в. процессом постепенного сближения практических знаний, накопленных в русле ремесленной традиции, с теоретическими интерпретациями природных процессов и формирования на этой основе особого социально-профессионального слоя — технической интеллигенции. Ее кадры в массе рекрутировались из числа талантливых мастеров-экспериментаторов, овладевших инженерным искусством, а также и отдельных ученых, обратившихся к промышленному производству и привнесших теоретические знания, которые отсутствовали у «чистых» практиков.

Этот процесс особенно выразителен в горнорудном, передовом для своего времени производстве.

Один из ярких примеров такой эволюции — Георгий Агрикола. Вначале — врач и городской аптекарь из Хемница, интересовавшийся античными мерами веса, для того чтобы лучше понимать рецептуру, извлекаемую из древних фолиантов, затем основатель метрологии как гуманистической науки, заинтересовавшийся в связи со своими занятиями монетным обращением, металлургией и горным делом, вопросами рационального ведения промышленного производства и хозяйства (см. стр. 130). О формирующемся самосознании этого нового типа ученого и практика свидетельствует данный Агриколой идеальный портрет «металликуса» как человека, сочетающего высокую ученость с инженерным искусством. «Металликус» должен, пишет Агрикола в своей книге «О горном деле...», знать геологию и геометрию, уметь производить нужные расчеты по издержкам, связанным с установкой подъемных машин и земляными работами; знать архитектуру, чтобы самому делать или объяснять другим как возводить сооружения, связанные с горным производством, и фундаменты для всевозможных машинных установок. Он должен также уметь рисовать, чтобы делать наброски образцов машин.

Мастера горного дела, владевшие искусством ведения осушительных работ, установки вентиляционных приспособлений, плавки и т. п. относились к числу высокооплачиваемых и частично входили в группу предпринимателей, были близки к администрации рудников. Часто таких специалистов именовали «архитектор и инженер». Понятие «инженер», первоначально известное в Италии, в начале XVII в. распространилось во Франции, Нидерландах, отсюда — в Центральной Европе. В 1630г. ульмский бюргер Иоганн Фаульбахер назвал одно из своих фундаментальных сочинений по технике «Школа инженера», Христиан Якоби в трактате «О природе и инженерной профессии» (1649) изобразил (в полном созвучии с Агриколой) «инженера» как специалиста, сочетающего математические знания с практическими навыками в механике, и, противопоставляя его цеховому мастеру, причислял к представителям «свободных искусств».

Стремление к преодолению сословных барьеров и предубеждений, агрессивность по отношению к традиционной замкнутости и кастовости схоластической науки характерны для психологии осознававшей свою значимость поднимавшейся новой социальной группы. Англичанин Роберт Норманн, моряк, получивший известность своими исследованиями магнетических явлений, защищал право каждого экспериментатора и практика на занятие наукой, гордясь, вместе с тем, что он «не книжник». Габриэль Харви, сын канатчика и друг поэта Джона Спенсера, перечисляя известных изобретателей-инженеров, среди которых были «математик и механик» Хэмфри Коул, «корабельный мастер» Мэтью Бейкер, «архитектор» Джон Шуте, «мореход» Роберт Норманн, «канонир» Уильям Бурн, «химик» Джон Хэкстер, с удовлетворением замечал, что эти «разумные и усердные практики» в школах не обучались и не обладали пустым бременем «книжных знаний».

Научное естествознание еще и в начале XVII в. делало лишь свои первые шаги и основные импульсы технического и хозяйственного прогресса исходили еще от

практиков — предшественников технической интеллигенции Нового времени.

СИЛА ТРАДИЦИИ

Как широко было практическое применение новых знаний? Путь от идеи до ее реализации был непрост и зачастую долог. Введение новшеств наталкивалось на многочисленные препятствия. Немало примеров тому дает история горнорудного и текстильного, а также других производств. Устройство сложных осушительных и вентиляционных сооружений, углубление шахт тормозилось из-за их дороговизны; встречало сопротивление рядовых рудокопов, опасавшихся остаться без работы, а подчас и предпринимателей, предпочитавших хищническую эксплуатацию легкодоступных рудоносных слоев интенсификации производства и связанным с этим затратам. Так, даже фуггеры, крупные немецкие предприниматели и банкиры (см. стр. 132) и их компаньоны отказались в 1554 г. от установки в Шваце «машин» Вольфганга Лассера. Она была установлена вопреки их воле, за счет средств княжеской администрации. Не нашла практического применения сразу и предложенная в 1612—1613 гг. усовершенствованная конструкция стеклоплавильной печи, работавшей на каменном угле.

Упорное многолетнее сопротивление цеховых и городских властей Аахена механизации кузнечных работ и других операций по обработке цветных металлов привело в конце XVI в. к возникновению двух новых центров-конкурентов, расположенных вне досягаемости от цеховых предписаний (в Штольберге и Корнемюнстере). Лишь в 1643 г. в Намюре и Бувине было преодолено сопротивление властей и мастеров, не желающих использовать механизмы в металлообработке.

Сопротивление цеховых ремесленников было вызвано не только страхом конкуренции и непосредственной угрозой разорения — обычная мотивировка цеховых запретов. Здесь было нечто более глубокое: новаторство вступало в противоречие с традиционным массовым сознанием, с лежащим в его основе представлением о греховности богатств, не являющихся результатом непосредственных трудовых усилий, чреватых угрозой «достойному» существованию группы, корпорации. Это средневековое понимание принципа справедливости на уровне сознания широких слоев трудящихся, несмотря на все «прорывы», оставалось достаточно устойчивым и действенным в Европе XVI — первой половины XVII в. Судьбы многих изобретений — убедительное тому подтверждение.

Лишь со второй половины XVI в. получило распространение прядильное (с ножным приводом) колесо, известное уже в 70—80-х годах XV в. и в усовершенствованном виде — в 20—30-х годах XVI в. В 1568 г. Антон Меллер из Данцига изобрел механический ткацкий станок, но использование его было запрещено городским советом. В 1605 г. такой же станок появился в Нидерландах, но его применение было официально санкционировано лишь в 20-х годах. Высокая производительность «голландского станка» снискала ему популярность в Англии, Франции, Швейцарии, немецких землях, где его практическое использование натолкнулось на многократно повторяемые запретительные постановления, имевшие, правда, незначительный эффект. Еще в XV в. в Англии было сконструировано механическое приспособление для ворсовки сукон, но лишь в конце XVI — начале XVII в. запрет на его использование был преодолен.

В 1589 г. англичанин Уильям Лее смоделировал рамочную вязальную машину. Не найдя поддержки на родине, изобретатель обратился к французскому королю Генриху IV. Однако сопротивление местных вязальщиков, работающих ручным способом, оказалось столь сильным, что внедрить машину тогда не удалось. Применение ее началось с XVII в. — сначала в Англии, а с 50-х годов на юге Франции, который вскоре занял ведущее место по производству трикотажных тканей.

Наиболее передовым в техническом отношении было шелководие. Потребность в роскоши широких социальных слоев, прежде всего высших, стала мощным стимулом развития и распространения этой отрасли по всей Европе. В XVI в. она выходит за пределы своей «итальянской колыбели» — Генуя, Венеция, Флоренция, Лукка; утверждается в Брюсселе, Кельне, Регенсбурге; при посредничестве итальянцев распространяется на Лион и его округу, города по Нижней Роне. Итальянские

эмигранты принесли секрет изготовления шелковых тканей в Цюрих. При их посредничестве расцвело производство гобеленов — в Брюсселе и Париже, позумента, шелковых шнуров и пряжи с серебряной и золотой нитью (в Базеле, Вуппертале, Нюрнберге). Под влиянием моды со второй половины XVI в. распространяется плетение кружев на коклюшках, центрами которого стали Брюссель, Париж, Венеция.

Носившее с первых своих шагов экспортный характер, связанное с купеческим предпринимательским капиталом, производство шелка было той сферой, от которой в текстильном производстве исходили импульсы технического поиска. Здесь уже в XV в. были предприняты первые попытки механизации некоторых операций (намотка нити, прядение). В XVI—XVII вв. эти приспособления, несмотря на сопротивление цехов, распространяются к северу от Альп, особенно в Бельгии и Нидерландах, так же как и специальный станок для производства узорчатых тканей (Лион) и механизм для кручения нити. Технические модели и идеи заимствовались и внедрялись в сукноделие, производство полотна, хлопчатобумажных тканей. В целом XVI и XVII вв. знали уже немало различных новшеств, облегчавших аппретуру (окончательную отделку) тканей, улучшавших их плотность, качество отбеливания и крашения пряжи и т. п., в конечном счете интенсифицировавших производство, хотя ручные операции по-прежнему оставались господствующими.

НОВАЯ ГЕОГРАФИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Технический поиск шел рука об руку с освоением новых технологий, новых видов сырья и типов тканей, как массовых и дешевых, доступных простому горожанину и зажиточному крестьянину, пользующихся спросом у жителей заокеанских стран, так и дорогих, роскошных, удовлетворявших изысканный вкус ренессансной аристократии, патрициата, богатого купечества. XVI—XVII столетия — время освоения производства тканей из смешанных видов сырья: льна и хлопка — итальянский «фустан», швабский «бархент»; шерсти и хлопка, шелка и хлопка. Города Верхней Италии, Валенсия, Толедо, Севилья стали центрами производства дорогих сортов бархата, атласа, парчи, а к северу от Альп — Париж, Лондон, Антверпен, Дугсбург и Нюрнберг.

Освоение новых видов производства сопровождалось возвышением новых центров и областей в противовес приходившим в упадок прежним, традиционным. Подобная динамика развития в рассматриваемый период имела место во всех европейских странах и во всех отраслях текстильного производства. Так, в Англии, где к концу XV в. сукноделие получило наиболее яркое развитие, в ходе XVI столетия наблюдается явственное перемещение сукноделия из центров Восточного побережья, из Суффолка и Кента — на Западное побережье, где стали заниматься производством дорогого тонкого сукна с глянцевой отделкой и дешевых сукон, в производстве которых Англия, благодаря более широко применяемой механизации и зарождению мануфактурной организации производства (см. стр. 134—135), скоро получила перевес над другими странами, в том числе и Нидерландами. В немецких землях, заметный с XVI в. упадок сукноделия на Среднем и Нижнем Рейне, в Вестфалии и Нижней Саксонии, в районе Аахена, Дюрена, Кельна был уравновешен подъемом центров «нового сукноделия» в Южной Германии, Эльзасе, Швейцарии. В Италии ярко выраженный упадок традиционного сукноделия в Венеции, Милане, Флоренции в XVII в. совпал с образованием новых центров, в том числе и специализировавшихся на массовом производстве саржи (Монтичелли, Буссето, Парма, округа Мантуи).

На распространение новой техники и производственных технологий сильное влияние оказывали и внеэкономические факторы, в частности миграция масс населения, вызванная преследованиями по религиозным и политическим мотивам. Так, эмигрантам из Нидерландов, их технологическим знаниям и капиталам обязано своим подъемом производство камвольных сукон в Суффолке, Норфолке, Эссексе, превратившееся вскоре в мощную экспортную отрасль; эмигранты также оживили и некоторые пришедшие было в упадок старинные центры сукноделия в Северной Германии. Бельгийские и немецкие эмигранты оказали влияние на развитие производства дешевых сукон в Валансенне, Амьене, городах Швейцарии. Сефарды²¹ и итальянские эмигранты положили начало подъему сукноделия в Рагузе, Салониках, Трансильванских городах. Вместе с тем, распри и гонения на политической и религиозной почве нередко становились причиной упадка как традиционных, так и процветающих новых центров, как это, например, имело место в производстве полотна и бумаги в Южной Германии.

Отмеченные выше закономерности характерны не только для отраслей текстильного производства. Технологический прогресс, изменения в географии размещения новых производственных центров и в других отраслях шел рука об руку с развитием массового производства, освоением новых видов продукции, ростом товарности, организационными изменениями. Эти взаимосвязи выразительно дают о себе знать, например, в металлургии и связанной с ней металлообработке, переживших особенно стремительный подъем. Так, распространение с XVI в. моды на изделия из латуни — посуда и домашняя утварь, застёжки, пряжки, кольца, серьги и т. п., так же как и совершенствование огнестрельного оружия стимулировали прогресс технологии литейного дела, открывший возможность для выпуска серийных изделий. Вместо прежних одноразовых, из воска, форм стали использовать точную литейную форму из дерева или металла, многоячейную, с подвижными стенками, позволявшую отлить сразу несколько предметов (пуль, гранат, ядер). В работе при этом у мастера могло находиться одновременно от семи до восьми таких комплексных форм. Так, в

частности, была организована работа литейной мастерской в Милане в 1533 г., продукция которой (предметы быта и дешевые украшения) расходилась по всей Италии. С деревянных форм отливали из чугуна узорчатые доски каминов и печей.

В XVI в. получила распространение отливка орудий (из меди и ее сплавов) посредством земляных (песочных) и керамических форм. Прогресс в технологии производства огнестрельного оружия и орудий был связан также с применением механического сверлильно-расточного станка, усовершенствованного в XVII в., для нарезки ствола. Технологические новшества и рост товарности производства сопровождались организационными изменениями. Это нашло выражение в возникновении предприятий, в рамках которых кооперировались кузнечное и литейное производства с определенной специализацией: полуфабрикаты из меди, латуни, отлитые и сформованные определенным образом (например, с углублениями для котлов и посуды, или пластины для монетных дворов).

Прибыльность производства изделий из латуни и спрос на металл были настолько велики, что к созданию соответствующих предприятий обращались и территориальные правители, владельцы горных регалий (права на разработку месторождения и обработку металла) в Верхней Силезии, Гарце, Тироле.

Самыми значительными центрами обработки меди и ее сплавов были Нюрнберг, Брауншвейг, Аахен, округа Данцинга, Гамбург и Любек, Антверпен и Амстердам.

Предприятия по производству огнестрельного оружия находились в ведении княжеских, императорского, королевских дворов, правительств городских республик. Их имела Венеция, в самом городе и в Брешии; Бергамо, Милан, Генуя, Рагуза, Феррара, Сиена, Лукка, Неаполь; немецкие имперские и вольные города. Они работали в Намюре, Люттихе, Антверпене, Михельне. В Англии арсенал размещался в лондонском Тауэре; во Франции — в Лионе, в Испании — в Малаге. Ведущую роль в европейском производстве оружия в XVI в. играли Габсбурги — императоры «Священной Римской империи немецкой нации», в распоряжении которых были богатейшие в Европе месторождения медных и свинцовых руд в Карпатах, Штирии, Тироле. Самые крупные их оружейные предприятия находились в Хеттинген (под Инсбруком), в Граце, в Виллахе (Фуггерау). При Рудольфе II оружейный двор был создан в Праге.

Распространение наемничества и рост значения артиллерии стали одним из мощных стимулов развития европейского меднометаллургического производства. В отличие от производства серебра, развитие заокеанской горнодобычи его не затронуло. На протяжении XVI в. при всех региональных и временных колебаниях, наблюдается повышение выпуска меди и ее сплавов во всех основных промыслах альпийского и карпатского регионов, с XVII в. в Скандинавских странах. К 1650 г. добыча меди в Швеции превзошла уровень, достигнутый на промыслах в Словакии в период их максимального расцвета в середине XVI в.

Вместе с тем, уже со второй половины XVI в. и особенно в начале XVII в. с медью начало успешно соперничать железо. Чугун и сталь все больше вытесняют медь из одной из главных сфер ее применения — вооружения. Предприятия по отливке орудий из чугуна, обходившихся гораздо дешевле, появляются в Тироле, Вестфалии, в Голландии, Испании, Брешии и Бергамо, в Крайне (Фриуль), Каринтии. Крупное на предпринимательской основе контролируемое короной производство орудий возникает в Швеции и Дании. В начале XVII в. оно появляется в домене епископа Краковского, во владениях гетмана Конецпольского и маршала Вольского на Украине. С конца 40-х годов XVII в. развернулось оружейное производство в Туле и других среднерусских городах.

Производство изделий из железа и его соединений к концу XVI в. — наиболее специализированная область металлообработки — свыше 17 направлений. Одновременно становится все отчетливее и областная специализация (на производстве одного какого-либо типа изделий, например, ножей — в округе Трира и Шарлеруа, или игл и крючков в ЛИгле, серпов, кос, колес в округе Эрцберг (Штирия). На экспортном производстве брусковой стали и чугуна для металлообрабатывающих предприятий северонемецких и балтийских центров в начале XVII в. специализировались шведские сталелитейные предприятия.

В XVI в. в целом добывалось ежегодно от 60 до 100 тыс. тонн железной руды (по данным Г. Келленбенца). Важнейшие области ее добычи, центры производства и переработки находились в Англии, Северной Испании, горных провинциях Франции, в Арденнах, в округе Намюра и Люттиха, Среднем Рейне и на обширной территории к востоку от него (Тюрингия, Гарц, Силезия, Саксония, Штирия).

СРЕДСТВА И СИСТЕМА КОММУНИКАЦИЙ

Заморские военные и торговые экспедиции, расширение рыболовства на новые акватории, в том числе Атлантики и Тихого океана, изменение характера самой торговли, межрегиональной и заморской, в которой стали преобладать сырье и предметы первой необходимости — зерно, сало, металлы, строительный материал, уголь, поташ, пенька, пиво, ткани и т. п. — все это предъявляло новые требования к *транспортным средствам* и прежде всего к *кораблестроению*. Требовалось не просто больше судов, но и изменение их типа, увеличение скорости, надежности, грузоподъемности, максимального приспособления к условиям новых акваторий и нуждам торговли, изменившемуся характеру промысловой деятельности и т. п.

Строительством кораблей занимались повсюду — в гаванях Средиземноморья, Атлантики, Балтики, Северного моря, также как и крупных рек. Уже в классическом Средневековье сложились признанные центры европейского кораблестроения, которые и в новых условиях сохраняли свои позиции, — это Венеция и Генуя, обладавшие необходимым сырьем, корабельным и мачтовым лесом, имевшие многочисленные верфи не только в непосредственной близости от гавани, но и на побережье Леванта и Черного моря. Вплоть до поражения в 1588 г. «Великой Армады» процветало кораблестроение на Иберийском полуострове, где важнейшими его центрами в XVI в. стали гавани богатой лесами Галисии, устье Гвадалquivира, Кадис, Малага, а также Лиссабон, Порто, Виана. На Балтике в области Ганзы ведущую роль в кораблестроении по-прежнему играли Данциг и Любек, особенно в 1590—1646 гг., когда достигла расцвета их торговля с Иберийским полуостровом. Последние десятилетия XVI в. — время подъема судостроения в Англии, Скандинавских странах (особенно в 30—40-е гг. XVII столетия) и утверждения ведущей роли зеландцев и голландцев в европейском судостроении и мореходстве.

Их верфи были хорошо оснащены механизмами (подъемные краны, лесопильни). Корабельный лес, поташ, деготь, пенька, которые они приобретали в гаванях Балтики и Скандинавии, обходился им относительно дешево, что снижало стоимость постройки судна. Корабли, сделанные нидерландскими мастерами, пользовались хорошим спросом. Их постоянно приобретала, например, Франция. Мелкие фрахтовые суда покупали англичане. Нидерландцы были первыми, кто (через бретонцев) освоил технику постройки иберийско-португальской каравеллы, приспособив ее к условиям Балтики. Они сыграли определяющую роль в создании торгового флота.

Средневековье не знало разделения судов на военные и торговые. При необходимости купеческий корабль становился боевым или пиратским. Первые серьезные шаги к разделению этих функций относятся к 1500 г., когда на кораблях для их защиты стали использовать небольшие орудия, устанавливаемые по борту. Это повлекло серьезные изменения в корабельной конструкции и в тактике ведения морского сражения. Впервые во время войны 1552—1558 гг. с англичанами голландцы ввели флот, стоящий из чисто боевых судов. Однако окончательное разделение флота на военный и торговый приходится уже на XVII в. и связано с появлением специального типа торгового судна, т. н. «флойте», смоделированного в 1595 г. голландскими кораблями.

«Флойте» соединил в себе лучшие свойства своих предшественников — «бойера» и «бота», конструкция которых отражала поиск (в 20-х, 60-х гг. XVI в.) более экономичного типа судна. Он полностью учитывал условия мореходства и особенности гаваней побережья Балтики и Северных Нидерландов: мелкая осадка позволяла производить разгрузку и погрузку без посредства лихтера — быстрее и дешевле. Узкий, много длиннее, чем у прежних кораблей, корпус, более высокие мачты с короткими реями, разделявшими на три части прямые паруса, сочетавшиеся с косым, позволяли идти под острым курсом и с большей скоростью. Это увеличивало в два—три раза число деловых экспедиций в течение года. Управление парусами оставалось еще ручным, но численность матросов сократилась. Своеобразная

архитектура корабля учитывала даже принцип обложения пошлиной при проходе Зунда, установленный датчанами в 1577 г.: пошлина начислялась соответственно грузоподъемности корабля, которая, однако, определялась не точно математически (этого еще не умели делать), но с учетом длины корабля и ширины его корпуса на уровне палубы, а также глубины трюма в среднем сечении. Чтобы уменьшить пошлину и максимально загрузить корабль, шпангоуты в верхней их части делали вогнутыми, что сужало палубное пространство. Когда в 1666 г. пошлину стали высчитывать другим методом, эта деформация в архитектуре «флойте» исчезла.

Создание флойте — оптимальной для того времени модели торгового судна, означало для голландцев то же самое, что изобретение когга для ганзейцев в эпоху утверждения их господства на Балтике и каравеллы для португальцев и испанцев в конце XV в. Флойте символизировал победу голландцев над своими конкурентами, утверждение их положения как «европейской верфи» и «школы мореходства», которое они сохраняли почти до середины XVIII столетия, уступив его Англии и Франции, перешедшим к другим, индустриальным методам кораблестроения. Тогда же, в начале XVII в., конструктивные принципы голландского торгового судна были восприняты ими и ганзейцами; постепенно, преодолевая сопротивление, утвердились они в кораблестроении на Иберийском полуострове.

В Средиземноморье и на Адриатике в XVI в. сложился свой тип торгового судна, пригодного для транспортировки на большие расстояния зерна, вин, красящих веществ, квасцов, леса и т. п. Они курсировали между Балтикой, Атлантикой и Средиземноморьем; участвовали в заморских экспедициях. По оценке Ф. Броделя, общая грузоподъемность Средиземноморского флота к 1600 г. составляла 350 тыс. тонн, западноевропейского — 600—700 тыс. тонн.

Постройка морского корабля была дорогостоящим предприятием и осуществлялась она компаниями пайщиков из числа состоятельных купцов. В судостроении рано утвердился купеческий капитал, получило распространение предпринимательство и рассеянная мануфактура, которые однако, даже в передовых центрах кораблестроения — Нидерландах, Гамбурге, Любеке, Данциге — не смогли вытеснить на протяжении всего рассматриваемого периода традиционных форм ремесленной организации производства, что, в конечном счете, стало и одной из причин упадка этих центров.

Совершенствовались не только типы кораблей, но и искусство *мореходства*. Широкое применение получили известные много раньше астролбия, секстант, квадрант; был усовершенствован компас; научились определять скорость движения корабля с помощью специального прибора — лаглиня, известного к началу XVI в. Уже на исходе классического Средневековья в гаванях итальянского и каталанского побережья сложилась морская картография, базировавшаяся на практическом опыте. Первые портуланы — морские «карты» обозначали только линию побережья с указанием мысов, устьев рек, бухт. На позднейших — отмечалась уже роза ветров и наносилась сетка, при помощи которой определялся путь от одного места до другого. С конца XV в. к сетке направлений стали прилагать линию меридиана (с Севера на Юг). Широта определялась эмпирически — по звездам. В XVI в. знаменитый географ и картограф Меркатор (1512—1594) изобрел технику проекции: географическая долгота и широта задавались теперь при помощи перпендикулярных линий. В конце XVI в. голландцами были составлены первые географические карты.

Прогресс имел место и в *картографировании* сухопутных коммуникаций. В 1501 г. нюрнбержцем Эгцлаубом была опубликована карта дорог Центральной Европы, в 1554 г. Меркатором — карта Европы, а через год после его смерти увидело свет главное его произведение — «Атлас, или Космологические рассуждения о сотворении мира и образе сотворенного». Популярностью пользовались различные «итинерарии», путеводители, книги путешествий. Развитию сухопутных средств коммуникаций способствовали *технические новшества*: замена дискового колеса более подвижным колесом с металлическими спицами; новый тип экипажа, соединявшегося с колесами посредством рамы; изменение системы упряжи, позволявшей теперь перенести нагрузку с шеи животного на его плечо, что увеличивало силу тяги более чем в три раза. Более интенсивному использованию речных систем способствовало

строительство каналов, особенно в Нидерландах, Италии. Но оно требовало много средств и времени. Более ста лет (1548—1669) шло строительство системы шлюзов и каналов, соединивших Эльбу, Шпрее и Одер. С 1550 по 1560 гг. строился канал, соединивший Брюссель с Антверпеном. В 1642 г. началось движение по каналу между Луарой и Сеной. В XVI в. на крупных реках организуется регулярная паромная служба, обеспечивавшаяся специальными корпорациями лодочников; по рекам транспортировались тяжелые грузы — лес, руда, металлы, в частности медь, поступающая из словацких рудников в порт на Балтике Данциг.

На тяжелых трассах, особенно в альпийских районах, Арденнах, Тюрингии, Гессене в XVI в. развивается *транзитная транспортная служба*. Частично, как и в прежние времена, она оставалась крестьянским промыслом, занятием жителей близлежащих городков, в которых развивались связанные с обслуживанием фрахта ремесла — кузнечные, по производству продуктов питания, тары, канатов и т. п., а также гостиничное дело. В то же время к организации фрахта обращаются купеческие фирмы, обеспечивающие в частности движение грузов из Верхней Италии через альпийские перевалы, в Германию и дальше на Антверпен. Наиболее известными среди них были Делла Файле в Антверпене, Анноне — в Милане, Фюссен, Ледерер из Кемптена.

Усложнение хозяйственной и политической жизни, расширение взаимосвязей в рамках европейского мира и за его пределами требовало адекватной системы *обмена информацией*: разветвленной, регулярной, оперативной. Основным и наиболее надежным источником поступления информации и ее распространения в XVI в. оставались купеческие фирмы, с их разветвленной системой факторий, контор в разных частях Европы, штатом приказчиков, возчиков, нарочных, с которыми рассылались уведомления, письма, деловые и приватного характера. Широко популярны были рукописные «газеты» фуггеров, которые они рассылали князьям; информационные «листы» о ярмарках, конъюнктуре на те или иные виды товаров и т. п. С XVII в. к этим формам информации прибавились газеты, отпечатанные типографским способом. Первоначально они выходили раз в неделю. Уже в XV в. в Испании, Франции, Германии получила распространение курьерская служба. Для обеспечения ее оперативности и надежности по пути следования создавались специальные станции — «постен», почты, где меняли лошадей, сменялись курьеры, предлагался ночлег и еда.

В начале XVI в. Францем Таксисом, осуществлявшим курьерскую службу при Габсбургах, была предпринята попытка организовать регулярную почтовую информацию между Германией, Нидерландами, Испанией, Францией, а также Римом и Неаполем. Несмотря на доброжелательное отношение к этой идее императора Карла V, она успеха не имела. Войны, религиозные и политические распри парализовали работу почты. Безуспешной оказалась и попытка императора Рудольфа II Габсбурга в конце XVI в. учредить монопольную почтовую службу в общеимперском масштабе: с ней успешно конкурировали почтовые службы имперских городов и территориальных князей. Раздробленной оказалась почтовая служба в Италии. Иначе обстояло дело в странах с сильной центральной властью. Государственная почта была организована во Франции при Генрихе III, в 1627 г. был издан ордонанс (кардиналом Ришелье), регулировавший ее службу. Учрежденному в 1628 г. «Черному кабинету» предписывалось вскрывать все письма. Государственная почтовая служба — «корреос» была учреждена при Филиппе II в Испании. В 20—30-х гг. XVII в. почта появляется в Скандинавских странах. Почтовая служба датчан и норвежцев распространялась вплоть до Гамбурга, соперничая с имперской. В 1627 г. в России царем Михаилом Романовым был учрежден специальный Ямской приказ, ведавший почтовой курьерской службой. В 1647 г. королем Владиславом IV был издан приказ о регулярной почтовой связи между всеми городами Королевства Польского.

ТОРГОВЛЯ И КРЕДИТНОЕ ДЕЛО

Рассматриваемый период — также время распространения и внедрения в практику европейского купечества через его ведущие центры — Антверпен, Лондон, Роттердам, Гамбург, Лион, Нюрнберг сложившихся в Италии методов ведения торгового предприятия и организации кредитного дела. Речь идет прежде всего о «двойной бухгалтерии» — разносторонней и всеобъемлющей системы бухгалтерского учета и руководства делом, совершенствовавшейся в соответствии с индивидуальным опытом купца-предпринимателя (приходно-расходные, вексельные, процентные книги и т. п.); системе факторий, контор в крупных ярмарочных центрах всех уровней не только в своей стране, но и за ее пределами; формах безналичного расчета (вексель). В конце XVI в. появляются первые жиробанки — в Венеции и Милане; они возникают в 1609 г. в Амстердаме и Роттердаме, в 1618 г. — в Гамбурге и в Нюрнберге (1620). Инструментом кредитных отношений становится биржевая спекуляция, начало которой было положено в Амстердаме акциями Ост-Индской компании.

Распространению многовекового опыта коммерции, накопленного итальянским купечеством, во многом также способствовало книгопечатание, свидетельствуя одновременно о массовости интереса и формировании предпринимательской психологии и рационалистического сознания в широких слоях городского населения.

Первой книгой, посвященной секретам и искусству «двойной бухгалтерии» была «Summa de Arithmetica» Луки Пачоли, опубликованная в 1494 г. в Венеции. В 1543 г. в Антверпене была издана книга Импуна Кристоффеля. Основываясь на труде Пачоли, автор, вместе с тем, сопровождал текст примерами из хозяйственной жизни своего родного города. В 1549 г. близкие по теме немецкоязычные книги появились в Нюрнберге и Данциге. Наряду с этим в крупных торговых центрах публиковалось немало книг местных «рехенмайстеров», юристов о ведении торговых Дел и предприятий. К числу таких изданий принадлежала, например, «Краткая инструкция» Джона Веддингтона для факторий компании Купцов-авантюристов, изданная в 1567 г. в Лондоне, или вышедшая в том же году книга Пьера Савоннэ, долгое время остававшаяся образцовой, «О ведении ярмарочных дел в Лионе». В 1594 г. в Гамбурге увидела свет книга Фоссена из Брюсселя, обобщавшая итальянскую практику ведения бухгалтерского учета.

Если юристы, городские рехенмайстеры, практики охотно делали достоянием публики свои специальные познания, извлекая из этого прибыль, то купеческие фамилии, торговые дома строго оберегали тайны своего дела и методы его ведения. Опыт систематизировался в «домашних книгах», дневниковых записях, «журналах», поступаая в распоряжение фамилии и старшего в роде. Но за пределы узкого семейного круга эти знания не выходили. Записи факторов Фуггеров, Имхофов — крупнейших немецких купцов-предпринимателей о деловых операциях в разных землях были опубликованы только в XX веке. Лишь в XIX столетии увидели свет те части «Записок» Ульмана Штрёмера, известного нюрнбергского купца и владельца мельниц по производству бумаги, которые имели отношение к деловым операциям.

С точки зрения *форм ведения торговли*, новым для рассматриваемого периода было, с одной стороны, распространение т. н. депозитных форм участия в торгово-предпринимательском деле для широкого круга лиц посредством вложения своих средств, и магазинной (с XVII в.), а также разъездной торговли (нем. хаузи́рер; русск. «коробейники») — с другой.

Последняя особенно распространена была в сельской местности: хаузи́реры ходили из дома в дом, предлагая всякие бытовые мелочи, чаще всего они были приезжими и нередко издалека, как например нюрнбергские разносчики, излюбленной областью операций которых была Пруссия. Развитие этой формы надрегиональной торговли — один из характерных симптомов ее общей переориентации на товары широкого потребления.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

В рассматриваемую эпоху, как и в предшествующие столетия, оставаясь главным в экономической жизни Европы (в нем было занято 9/10 ее населения), оно не являлось ведущим с точки зрения технических новшеств. Рабочий инвентарь, как и методы агрикультуры, едва ли претерпели серьезные изменения с 1500 по 1650 г. по сравнению с предшествующим периодом. Вместе с тем, сельское хозяйство пережило весьма существенные изменения под влиянием тех импульсов, которые исходили от промышленного сектора, прежде всего от его ведущих направлений и отраслей. Усиление взаимосвязи между сельскохозяйственной сферой и торгово-промышленной, городской — пожалуй, одна из характерных черт времени.

Специфическим выражением этого стало возникновение т. н. «домашней индустрии» как формы массового производства на основе раздаточной системы, часто с купцом-предпринимателем во главе, которому были подчинены нередко также и городские ремесленники соответствующей специальности, которым он обеспечивал сначала сбыт, а потом и возможность заниматься ремеслом, поставляя необходимое сырье (см. часть вторую). Таким образом, в сельской местности создавались большие «предприятия» (прядильщиков, ткачей чаще всего) и даже целые зоны, где крестьянское население сочетало сельскохозяйственные занятия с работой на скупщика. Такие превращения, особенно частые в зонах развития нового сукноделия, производства хлопчатобумажных тканей, полотна, а также горнорудных промыслов сказывались на структуре сельского хозяйства региона в целом. Это можно наблюдать, например, в Верхнем Пфальце, где железорудное производство в период его расцвета кормило до 20—25% населения сельской округи, или в Штирии, в районе знаменитой рудоносной вершины Эрцберг. Местное сельское население здесь было вовлечено в добычу железной руды и ее переработку, занималось ремеслами, связанными с транспортными нуждами, жители двух соседних лесных округов были заняты производством древесного угля, а два других сельскохозяйственных округа поставляли продукты питания.

Влияние промышленных отраслей на направление сельскохозяйственного производства сказывалось в рассматриваемый период и в более широком масштабе в целом ряде европейских регионов и стран. Так, повышение спроса на шерсть стимулировало сознательное и предпочтительное *развитие овцеводства в противовес агрикультуре*, зерновым, причем, не только в областях с малоплодородными почвами, но и там, где условия благоприятствовали возделыванию зерновых, как например, в Испании, экспортировавшей шерсть в Италию и Нидерланды, и в Англии, использовавшей ее для нужд собственного сукноделия, но частично также для экспорта (в Италию). Разведение овец с целью экспорта шерсти и для развивающегося местного сукноделия характерно для ряда французских провинций, Южной Германии, Швейцарии. Потребности флота и текстильного производства определили в ряде областей специализацию на посевах конопли и льна. В XVI в. сложилось своего рода европейское «льняное поле», включавшее огромное пространство от Ирландии, Шотландии и Северо-Западной Франции через Бретань и Нормандию до Фландрии. Оно имело продолжение в Вестфалии и Нижней Саксонии, Швабии, Саксонских предгорьях, Силезии и Чехии и в зоне Балтики. К нему относились также Северная Швейцария, Верхняя Австрия и Северная Италия.

Другим направлением специализации целых областей стало *возделывание и переработка для промышленных целей красителей*: вайды (Южная Франция, Португалия), вайды и марены (округа Эрфурта, Шпейера, Вроцлава и Лигнице в Силезии; но самый большой объем ее производился в Нидерландах). На разведении шафрана в промышленных целях и как пряности специализировались целые районы в Абруцце, Тоскане, Апулии, в Каталонии и Арагоне. Для красивого производства шафран возделывали в Восточной Англии, Нижней Австрии и Словакии.

Крупные промышленные центры особенно в Западной и Центральной Европе стимулировали *возделывание огородных культур и фруктовых деревьев* в противовес зерновым, как менее доходным. В эти столетия стали возделывать вывезенные из Италии спаржу, артишоки, цветную капусту, а также американскую зеленую фасоль

и картофель.

Потребности Западно- и Центральноевропейского текстильного производства оказали влияние на развитие овцеводства в Северной Африке, экспортировавшей шерсть в Нидерланды; на расширение производства шелка-сырца в Леванте, на Сицилии, в Центральной и Южной Италии; на рост посевных площадей под хлопчатником в областях Леванта и на Кипре. На хлопке из Южной Америки работало новое сукноделие Нидерландов и Англии. Возделывание и переработка вайды, экспортировавшейся также в Нидерланды, в XVI в. на Азорских островах вытеснило зерновые. Красители из заокеанских стран — красное (бразильское) и кампешевое дерево, кошениль, индиго («дьявольская краска») соперничали с европейскими.

Промышленное развитие районов Западной и Северо-Западной, Центральной Европы, складывание новой географии производства, так же как и демографические процессы обусловили соответствующие изменения и *в географии основных отраслей сельскохозяйственного производства — зернового хозяйства и животноводства*, заложив основы для внутриевропейского разделения труда.

Со второй половины XVI столетия выращивание и откорм скота для боен стало одной из сельскохозяйственных специализаций целых регионов. Это привело к образованию двух больших зон скотоводческого (мясного) хозяйства. Одна из них включала Нидерланды, Фрисландию и Шлезвиг-Гольштейн, охватывала Ютландию, Данию, Сконе; другая — Польшу и Венгрию, Волынь и Подолию. Экспортный характер носило также и венгерское свиноводство. Османское нашествие, подорвав экспорт скота в Западную Европу, стимулировало вместе с тем развитие здесь коневодства. Разведение лошадей, роль которых как тягловой силы в сельском хозяйстве, транспортного средства, а также в связи с ростом значения рейтарских отрядов, сильно возросла, стало специализацией Фрисландии, Ольденбурга; Коневодством занимались в Южных Нидерландах и Неаполитанском Королевстве.

Торговля мясным скотом привела к образованию специализированных европейских рынков. Наиболее значительными из них были Бутштадт в Тюрингии, где сходились стада, перегонявшиеся из Польши, Поморья, Бранденбурга; Недель (около Гамбурга), куда поступал скот из Дании; Прешов и Вена на Дунае. Битое мясо из Шлезвиг-Гольштейна, Дании, Южной Швеции поступало в Гамбург и Любек, оттуда — в Рейнскую область и через Кельн — в Верхнюю Италию и Нидерланды.

Складывание европейского рынка торговли скотом в рассматриваемый период не оказывало, однако, все же регулирующей роли на потребление мясных продуктов. Самообеспечение по-прежнему играло важную роль и в городах, и в сельской местности. Разведение скота для обеспечения продуктами питания и сырья было распространено и в средних и в высших слоях населения. Владельцами стад были и монастыри и светские феодалы.

Другим выражением процесса надрегиональной специализации стало сложение обширной зоны экспортного зернового хозяйства в Заэльбье, в Восточной Европе.

ПРОМЫСЛЫ

Распространение новых видов промышленного производства, рост его товаризации, изменение масштабов и характера европейской торговли, складывание порайонной и надрегиональной хозяйственной специализации и т. п. оказали влияние и на экономическую структуру традиционных промыслов, в классическое Средневековье являвшихся сферой преимущественно сезонной деятельности сельского населения. Это прежде всего относится к *лесу*. Он перестал быть как в высокое Средневековье только дополнительным источником продуктов питания и поставщиком топлива для обогрева жилищ. В XVI в. началось интенсивное использование его промышленных ресурсов — для нуждавшихся в древесном угле металлургии и металлообработки, стеклоделия и керамического производства — эти две отрасли в XVI столетии широко распространились (из Средиземноморья) по всей Европе, приняв экспортный характер в ряде регионов: в Чехии, на Среднем Рейне, в Вестфалии, получившей название «страна, где выпекают кувшины», в предгорных провинциях Франции, Англии и Нидерландах (Дельфт и др.). Лес давал материал для кораблестроения, в том числе деготь, смолу, поташ для отбелики, корье для дубления кож. В XVI—XVII веках наблюдается специализация и рост товарности лесных промыслов в различных регионах. Складываются стабильные, работавшие по 15—20 лет товарищества лесорубов, занимавшихся жжением угля для металлургического производства. В богатых дубом Арденнах и областях Северо-Западной Германии специализировались на обработке коры для нужд кожевенного производства. Лесные районы Пруссии, Польши, России были экспортерами корабельного леса, поташа, дегтя, смолы. Экспортный характер носило производство поташа в лесах Баварии и областях Южной Балтики; их конкурентами с XVII в. становятся Швеция и Финляндия, занимавшиеся также обработкой древесины для кораблестроения, экспортировавшие смолу и деготь.

Одним из основных потребителей этой продукции были Нидерланды, ввозившие лес также и для постройки домов. В ходе XVI в. здесь складывается на предпринимательских началах деревообрабатывающая и деревоперерабатывающая «индустрия» (в округе Амстердама и Роттердама). По мере развития кораблестроения возрастал экспорт древесины из норвежских и балтийских гаваней через атлантическое побережье и Иберийский полуостров в Италию. Посредниками были голландцы. Наряду с корабельным лесом, пенькой, дегтем, смолой экспортировались также бочарные Доски. Венеция получала материал для своих верфей из лесистых областей Истрии и Далмации, Генуя — из Западных Альп; Дофинэ — из окрестностей Ниццы. Из пиниевых рощ Монсеньи шел лес на верфи Барселоны. Исследования последних лет говорят о росте товарности и интенсификации *европейского морского рыболовного промысла*, прежде всего на Балтике и Северном море. В районе Ярмута, самого значительного места английского лова сельди, в путину выходило до 600 ботов (1600 г.). Большая часть улова подвергалась копчению и в таком виде поступала на рынок. В 1598—1604 гг. здесь вылавливалось до 3000 тонн в сезон. В 1625 г. сельдь составляла ок. 20% шотландского экспорта, еще более выросшего в годы Тридцатилетней войны. Экспорт сельди из западных районов Балтики достигал французских и атлантических гаваней. Но главенствующее положение в ловле и экспорте сельди занимали голландцы. Ими был создан специальный тип промыслового рыболовецкого судна — «бюзе», имевшего достаточно места для команды, запаса соли, бочек с провиантом на шесть-восемь дней. Выловленная рыба сразу же подвергалась обработке, разделывалась и засаливалась в бочках. Специальная коллегия из представителей важнейших портов (Бриль, Роттердам, Шиедам, Дельфт) проверяла на берегу качество рыбы, после чего она поступала на рынок. В 1562 г. рыболовный флот Нидерландов состоял из 700 ботов, из них 400 — голландских. Рост конкуренции вызвал к жизни особый тип быстроходных судов: «винтягер». Купцы-«охотники» тут же в море скупали у рыбаков, в обмен на продукты питания, разделанную сельдь и в обход властей отправляли ее на рынок. В XVI в. приобрел

товарный характер и лов трески, хорошо поддававшейся консервированию, вялению и солению. В промысле ее соперничали в первой половине XVI в. португальцы и испанцы, с середины столетия стала возрастать конкуренция французских рыбаков. До 70-х годов XVI в. они преобладали в ловле трески в акваториях Нового Света, с последней трети столетия началось возвышение англичан. Во главе промысловой деятельности стоял порт Ярмут. В 30-е годы XVII в. оттуда выходило на промысел до 200 судов ежегодно (почти половина английского рыболовного флота). Улов сбывали на рынках западного побережья Франции. Промыслом трески занимались и в Северном море (наряду с англичанами, также французы, голландцы). В торговле вяленой треской велика была доля Ганзейских городов, а также Испании и норвежского города Бергена, значение которого неуклонно возрастало вплоть до 30-х годов XVII в. К 1615 г. общеевропейский улов трески составил ок. 1400 тонн (по данным Г. Келленбенца).

В водах Атлантики ловили сардины. Ирландцы, английские и французские моряки доходили до Марокко. Ирландия и Англия экспортировали вяленые сардины во Францию, на Иберийский полуостров, в Средиземноморье, где они играли ту же роль в питании, что и сельдь на Балтике и побережье Северного моря. Товарный характер приобрел также лов макрели и тунца. На рубеже XVI—XVII столетий возросло значение китобойного промысла (ценили китовый ус, использовавшийся для разных бытовых поделок); в него активно включились английские и голландские моряки, с 20-х годов — также датчане и фрисландцы.

НАСЕЛЕНИЕ

Его численность, распределение, перемещения. Мужчины и женщины. Рождаемость и смертность. Продолжительность жизни. Браки

Современная наука располагает сегодня не только более совершенными методами определения численности населения европейского континента в различные периоды его средневековой истории, но и представлением о динамике его движения, также как и о специфических особенностях Демографических процессов на том или ином этапе развития в те столетия. Тем самым само понятие человека, как субъекта истории, как носителя исторической тенденции обретает реальные живые черты исторической индивидуальности и исторической общности, «коллективности», обычно ускользающие под абстрактными социологизированными Формулами, и неопределенно-личными понятиями типа «массы», «народ».

Какова же была общая демографическая ситуация в Рассматриваемые нами полтора столетия? По численности своих жителей Европа уже к середине XVI столетия достигла уровня густонаселенных областей Древнего Леванта и Передней Азии. Но затем, в ходе демографического спада, протекавшего подспудно уже с начала столетия и усиленного эпидемией «Черной смерти», она утратила в целом до 1/5 (Дж. Рассел) своего населения. Правда, как показывают современные историко-демографические исследования, не все регионы и страны пострадали в одинаковой степени, точно также как и последствия «Черной смерти» были преодолены ими в разное время. В целом, однако, об этом можно говорить не ранее 1450 г. Но новый устойчивый и мощный прирост населения начался лишь с XVI в. и только в ходе этого столетия практически во всех европейских странах и регионах была преодолена тенденция к сокращению рождаемости и не только достигнут, но и превзойден уровень численности населения середины XIV в. По подсчетам историка-демографа Дж. Рассела, население Европы составляло тогда ок. 73,5 млн. чел., к 1450 г. — 50 млн. чел. К 1500 г. оно исчислялось уже 80—100 млн. чел., а еще через сто лет — 100—180 млн. чел. Тенденцию к демографическому росту и повышению рождаемости современные исследования фиксируют вплоть до начала Тридцатилетней войны.

Распределение населения на европейском континенте не было равномерным. Центр тяжести приходился на регионы и страны к югу и к северу от Альп. На периферии, особенно на Севере и Востоке, заселенность резко падала. Густонаселенные зоны — как правило, также зоны преобладания развитых форм городской жизни — Нидерланды, Средиземноморье, долина Рейна и Майна, Западная Швейцария. Плотность населения была особенно высока, хотя тоже неодинакова именно в этих районах. В XVI в. она могла составлять от 80 до 200 и выше человек на квадратный километр, как, например, в Ломбардии; 50—80 чел. — как в Тоскане или от 30 до 40 и выше, как в Рейнской области, по Майну, в герцогстве Вюртемберг в Вестфалии. Но в больших городах средняя для региона или страны величина ее резко возрастала: в той же Ломбардии в XVI в. средняя плотность населения в городах составляла 300—500 чел. на гектар, а в некоторых случаях и 800—1000 чел.

Так же как и предшествующим XVI — первой половине XVII в. были присущи *продолжительные внутренние региональные миграции населения*. Вызывались они разными причинами и явлениями разного происхождения — хозяйственного, социального, идеологического, политического и собственно демографического, зачастую действовавшими одновременно. Одним из наиболее мощно действующих факторов был отток сельских жителей в города. Последние в силу более высокой, чем в сельской местности, смертности населения испытывали постоянную потребность в рабочих руках. За счет собственных «регенерационных способностей» она обеспечивалась только наполовину. Остальное покрывала иммиграция. В свою очередь, превышение рождаемости над смертностью в сельской местности создавало

постоянное давление избыточного населения, которое было не в состоянии обеспечить себя средствами существования на месте в условиях измельчения и дробления крестьянского надела (в тех областях, где существовала практика наследственных разделов) и роста безземельных (особенно там, где действовало право майората — первородства). Положение обострялось в неурожайные годы, в периоды войн, связанных с ними опустошений и массовых голодовок. К переселению, особенно в королевские, вольные или имперские города, обладавшие собственным правом, широкими привилегиями, толкало и стремление выйти из-под гнета личной зависимости и более широкие возможности для социального и хозяйственного возвышения. Миграционный поток в большие торговые центры, портовые города направлялся из ближайшей округи и из областей, с которыми эти города связывала дальняя торговля (см. часть первую).

Традиционная миграция населения между городом и сельской округой в XVI в. получила новые импульсы. Они исходили от старинных городских агломераций, переживших в результате изменения направлений европейской хозяйственной и политической жизни стремительный подъем. Население их возросло в среднем более чем в два раза. Таковы, например, в Средиземноморье Палермо, Неаполь, Рим, Флоренция, Болонья, Севилья, Лиссабон; в Западной Европе — Париж, Марсель, Лион, Лондон, Брюссель, Антверпен, Брюгге, Гамбург, Копенгаген, Стокгольм.

В этом же направлении действовало и укрепление внутривнутрирегиональных и межобластных хозяйственных связей и обмена, формирование европейского рынка, процессы первоначального накопления, так же как и складывание территориальной государственности, вызвавшее широкое распространение особенно в Центральной и Восточной Европе, на Балканах специфического типа городских поселений — так называемых «малых городов».

Миграции сельского населения происходили и в пределах его непосредственного расселения из высокогорных областей в предгорья, плодородные долины, как например, в Центральной и Восточной Европе; прибрежные области с их гаванями и т. п. Натиск турок-османов на Балканах дал толчок миграциям в обратном направлении: в горные районы продвинулись валахские пастухи-скотоводы, албанцы, местное население прибрежных областей в Боснии, Сербии, Болгарии.

По мере ослабления в XVI—XVII вв. пандемий сокращались и наконец прекратились полностью миграции из областей густонаселенных в области, пережившие высокую смертность.

Они уступили место массовым и мощным переселениям по политическим и религиозным причинам. На это время приходится новый эмиграционный поток еврейского населения, импульс которому был дан его изгнанием из Испании (в 1492 г.) и Португалии (1496 г.). Беженцы направлялись в Южную Францию, Арагонские владения в Нижней Италии, в мелкие княжества Центральных и Северных ее областей, правители которых были толерантны, терпимы в вопросах веры. Но основная масса следовала в Северную Африку и Восточное Средиземноморье. Другие искали прибежища в атлантических гаванях на побережье Франции и Нидерландов; в Лондоне и в Гамбурге, образуя там особые кварталы, в западнославянских городах.

Широкие миграционные процессы породили Реформация и Контрреформация: переселение анабаптистских общин в 20-х годах XVI в. из Верхней Германии в Моравию, нидерландских меннонитов в прибрежные районы Северо-Западной Германии, в 40-х годах — нидерландских кальвинистов сначала в Восточную Фрисландию, в ближние рейнские города (Аахен, Кельн, Везель), затем — во Франкфурт-на-Майне, на Нижний Рейн, в Саксоно-Тюрингенский район. После начала освободительной войны, часть беженцев возвратилась обратно в Нидерланды. В 1548 г. падение Антверпена дало толчок новому отливу населения из Валлонии, Фламандии; лютеран из Северных Нидерландов в Германию. В этом потоке эмигрантов из Антверпена особенно много было купечества. Роттердам, Амстердам, Лейден, Франкфурт-на-Майне, Вецлар, Бремен, Штаде, Гамбург — центры, где они искали прибежища. Многочисленная диаспора нидерландского купечества сложилась на Иберийском побережье, а также в Венеции и Ливорно. Эмиграция из Нидерландов

имела важные хозяйственные и культурные последствия для европейских стран. Она способствовала, как уже отмечалось в другой связи, распространению передовых приемов ткачества, появлению новых видов тканей, методов кредита, торговли, страхования. Эмигранты из нидерландских городов обеспечили условия для подъема текстильного производства, например в Саксоно-Тюрингенском районе, а переселенцы из сельских областей принесли с собой, в частности в Шлезвиг-Гольштейн, Данию, образцовые для того времени приемы агрикультуры и скотоводства.

На волне эмиграции возникали и «основывались» по инициативе правителей земель, принимавших беженцев, *новые города-«убежища»*. Так возникли, например, Гетеборг (где поселились эмигранты из Голландии) и Альтона в предместье Гамбурга; города в курфюршестве Пфальцском для кальвинистов из Франкенталя и Манхейма, Фрайштад в Вюртемберге для протестантов из Штирии (бежавших в 1606 г. отсюда после победы контрреформации). Немецкие земли во второй половине XVI — первой половине XVII столетия породили мощную волну иммигрантов в Скандинавию, особенно в портовые города Швеции, Норвегии, Дании.

Установление османского господства на Балканах дало мощный толчок эмиграциям христианского и ретороманского населения. Не миновали миграционные процессы и Восточную Европу: началось движение населения в связи с монголо-татарским завоеванием на Запад — в Польшу, Галицкую Русь, затем — в Северные и Северо-Восточные земли. После консолидации Московского государства наметилось продвижение в южном направлении, где на Дону и Донце возникли первые казачьи поселения. Наконец, рассматриваемый период — время мощной миграции, связанной с развертыванием европейской экспансии за Океан. В этот поток было втянуто прежде всего Средиземноморье — Испания и Португалия. Но в освоении заокеанских приобретений и их колонизации приняли участие также, хотя в начале и в значительно меньшей мере, — Голландия, Англия, Франция, Швеция, немецкие города.

Эпидемии, голод, войны — факторы, влиявшие на движение народонаселения и повседневную жизнь человека в XVI — первой половине XVII в. не в меньшей мере, чем в предшествующие эпохи, хотя, несомненно, время и здесь внесло свои изменения.

Низкий уровень гигиены, особенно в городах, в силу скученности населения, создавал благоприятную питательную среду для распространения не только чумы, но и тифа, малярии, проказы, холеры. В то же время эпидемии чумы с конца XV в. все больше принимают локально-ограниченный характер. В ряде стран целые поколения были поражены этой страшной болезнью, как, например, в Швеции в 1495—1565 гг. Однако Европа еще не освободилась от ее угрозы. Вспышки чумных заболеваний учащаются во многих странах со второй половины XVI в. (1547—1548, 1563, 1565, 1575—1578). В 1624—1630, 1634—1639 гг. и в конце Тридцатилетней войны их пережили немецкие земли, где потери населения составили до 60—75 %. В 1576—1577 и особенно в 1630 гг. чума свирепствовала в Средиземноморье, что привело к сокращению городского населения до 25—30 %.

В 1495 г. в Италии появился сифилис, распространившийся затем по всей Европе. Кстати, это стало одной из причин падения притягательной силы бань, чрезвычайно популярных в предшествующие столетия в городской среде как гигиенического средства, места приятного времяпрепровождения, а также медицинской помощи. Лечение «заморской болезни» стало новым направлением во врачебной практике банщиков. Более острые формы, чем прежде, принял тиф, особенно на Балканах; мощная эпидемия его разразилась в 1566 г. в областях сражений с османской армией (отсюда и название тифа — «венгерская болезнь»). С XV в. как эпидемическое заболевание в Европе широко распространилась оспа.

Население погибало не только от эпидемий, но и голодовок в результате неурожая, пожаров, военных опустошений, повышения цен на предметы первой необходимости. Проблема обеспечения продовольствием усугублялась несовершенством информации, трудностями доставки. Резкое вздорожание предметов первой необходимости в 1501—1502 гг. пережила Германия, в известной мере также Франция; оно повторилось в 20-х годах (Германия) и в 30-х (Франция); в 1556—1557 гг. — в Северной Европе, Франции; в конце столетия гигантский зерновой

кризис разразился в Средиземноморье. Правда, в XVI в. уже научились несколько смягчать последствия таких кризисных ситуаций: городскими и территориальными властями создавались общественные запасы продовольствия, улучшалось фрахтовое судоходство, на обеспечении Европы продовольствием положительно сказалось развитие мясного животноводства в ряде регионов.

Эпоха изобиловала войнами, переплетавшимися с мощными социальными и религиозными движениями, необходимостью организации обороны от натиска Османской империи, и трагедия Тридцатилетней европейской войны венчала ее конец. И все это, не считая сложных, решавшихся зачастую силой оружия взаимоотношений территориальных князей, городских союзов и республик. Демографические и социальные последствия этих войн и вооруженных конфликтов сложно, практически невозможно оценить детально, но иметь их в виду необходимо. Достаточно сказать, что по предположительным подсчетам, Крестьянская война 1524—1527 гг. в немецких землях стоила жизни ста тысячам человек. Но люди гибли не только во время военных действий. Не получавшие зачастую жалованья наемники компенсировали его отсутствие мародерством и грабежами населения. Периоды войн, эпидемий, голодовок, резко снижавшие численность населения, постепенно сменялись, после того как исчезали их причины, новым его возрастанием, преимущественно за счет притока молодых людей извне. Это приводило, в процессе естественной и закономерной смены народонаселения, к своеобразным его волнообразным движениям.

В эту общую картину каждый европейский регион вносил свою лепту и своеобразие. Один из примеров тому дает Швейцарский союз, где интенсивный рост народонаселения привел с XV в. к постоянной эмиграции, несмотря на протекавший здесь параллельно процесс освоения новых областей и регионов внутри страны, не прекращавшийся даже в периоды эпидемий, как например в 1611 г., когда происходило заселение новых районов Юры и Ваада. Если в 1530 г. население Швейцарии насчитывало 800—850 тыс. чел., то к 1600 г. оно достигло уже миллионной границы. Единственным средством, ослаблявшим давление роста народонаселения было наемничество, частично организуемое властями официально, заключавшими договора с иностранными правителями. Главной силой, заинтересованной в швейцарских наемниках, была французская корона. Предполагают, что Швейцария в результате практики наемничества потеряла в XVI и XVII столетиях от 250 до 300 тыс. мужского населения, еще 20 тыс. в XVI в. эмигрировало. Распространение сельского текстильного производства приостановило этот процесс. Наемничество поглощало избыток населения также и некоторых густонаселенных областей Германии, Италии.

Современная наука располагает для XVI — первой половины XVII вв. данными о таких важных демографических параметрах, определявших динамику движения населения, как *рождаемость, смертность, брачность, соотношение полов, тип семейной ячейки*. Ученые считают, что рождаемость для этого периода в целом была высока. При этом для сельской местности цифры выше, чем для города. В XVI в. наблюдается рост рождаемости в протестантских областях в связи с отменой celibата, безбрачия духовенства, и секуляризацией, закрытием монастырей. Смертность в сельских областях была ниже чем в городах, колеблясь в зависимости от локальных, в том числе и социальных условий. Особенно большой в эти столетия как и в высокое Средневековье оставалась смертность среди новорожденных: только половина из них достигала десятилетнего возраста. Сказывалось отсутствие элементарной гигиены, медицинской помощи при родах. Больниц в современном смысле не было. Они существовали только как благотворительные учреждения, как приюты для больных, калек, престарелых бюргеров.

В целом средняя продолжительность жизни составляла несколько выше 30 лет, что, конечно, не исключало наличия лиц обоего пола, достигавших весьма преклонного возраста. В то время как большинство мужчин умирало чаще в возрасте между 40 и 60-ю годами, чем между 20-ю и 40, женщины, напротив, были подвержены смертности как раз в этом, цветущем возрасте. Это было связано с болезнями, смертями во время родов, а также с тяжелыми полевыми и домашними работами. Это

серьезно нарушало соотношение между полами: на 100 мужчин в возрасте между 14—59 годами приходилось 52 женщины в возрасте ниже 14 лет.

В целом, колебания в численности населения в XVI—XVII вв., по мнению историков-демографов, обуславливались преимущественно естественным приростом.

В ходе XVI в. происходит повышение возраста вступления в брак (в противовес традиционной модели очень раннего брака с 12—14 лет для лиц обоего пола). В Женеве в XVI в. он составлял 22 года, через полстолетия — 24—25 лет. Это свидетельствовало о складывании европейской модели брака «нового времени» (между мужчинами от 26 лет и старше и девушками 23 лет, при сохранении значительного числа холостяков). В позднее Средневековье от 10 до 15 % девушек оставались незамужними, а из тех, что вступали в брак, — половина заключала его после 25 лет. Имелись города — гарнизонные, университетские, церковные центры, порты, где преобладание мужской части населения было особенно высоким. В Риме в 1592 г. на 100 мужчин было только 8 женщин. Высокий процент мужского населения обрекал его на безбрачие, что церковь приветствовала. Светские и духовные ордена широко распахивали свои ворота перед неженатыми. Но проблема имела и другой аспект — распространение внебрачных и добрачных связей, в том числе и там, где сложные виды семейных структур сдерживали образование новых молодых семей и замедляли рост населения, что вело к перестройке сексуальных отношений, подготавливая внутрисемейное планирование рождаемости, сыгравшее в дальнейшем огромную роль в регулировании численности населения. Одновременно это способствовало развитию узаконенной и тайной проституции (по теме раздела см. также часть первую, разделы II—III).

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Питание: основные продукты, калорийность, обычаи. Образ жизни

Во все времена человек, чтобы жить, должен был заботиться о питании, одежде, жилище. Естественно, что эта сфера его повседневного существования всегда привлекала внимание ученых. Но до недавнего времени внимание обращалось преимущественно на условия жизни, быт высших социальных слоев, роскошь и раритеты; современная наука стремится к реконструкции массовых структур повседневной жизни, образа существования людей разного социального статуса и положения. Правда, нельзя не признать, что, несмотря на все усилия ученых, привлекающих материалы этнологии и археологии, иконографию, письменные источники разного типа, все равно — город известен лучше, чем деревня, образ жизни богатых — лучше, чем социальных низов, одни регионы — полнее, чем другие.

Тем не менее, уже стали видны какие-то общие закономерности, взаимосвязи, линии развития, отличающие одни периоды и эпохи от других. Стало очевидно, что эволюция повседневной жизни и материальной культуры имеет свои внутренние ритмы, отличные от эволюции в сфере политической жизни или идеологии, например. Пожалуй, за исключением костюма и моды, изменения которых могут быть относительно четко датированы, другие области повседневности в доиндустриальную эпоху трансформировались настолько медленно, что вряд ли возможно, в частности, интересующие нас здесь столетия категорически противопоставлять последним двум векам классического Средневековья. Каждая из сфер повседневной жизни: питание, одежда, жилище — имела свой особый ритм развития, и не приходится удивляться, что в XVI — первой половине XVII в., в нашей историографии традиционно относимых к позднему Средневековью, а в зарубежной — маркирующих начало Нового времени, наряду с новым качеством мы найдем еще много общего с собственно Средневековьем.

Питание как и в классическое Средневековье, по-прежнему было сильно подчинено естественному, сезонному ритму, зависело от климатических колебаний. Человек в XVI — начале XVII в. еще не вполне освободился от психологического страха голода, который преследовал людей на протяжении всего Средневековья. «Средневековый запад — прежде всего мир голода», заметил в одной из работ Ж. Ле Гофф, имея в виду именно эту зависимость средневекового человека и его незащитность перед силами природы в самом главном — в обеспечении условий своего существования. Несомненно, XVI — начало XVII столетия — время резкого повышения в целом качества жизни, но на массовом Уровне потребности людей, характер их потребления во многом еще определялись климатическими условиями. Жизнь была легче, дешевле в областях с мягким климатом, особенно в Средиземноморье, чем к северу от Альп, не говоря уже о северных и восточных регионах европейского континента. Тяжелее жилось в горных районах, чем в долинах и на равнине. Потребности тех, кто обитал по побережью, занимался рыбным и морским промыслами, мореходством, отличались от образа жизни и нужд обитателей внутренних, континентальных районов, особенно удаленных не только от морских, но и крупных речных средств коммуникаций.

При всем развитии товарно-денежных отношений, торговли, углублении разделения труда, о чем говорилось выше, не следует преувеличивать регулирующую роль рынка и его воздействие на повседневную жизнь, сферу спроса и предложения. Не только в сельской местности, но и в городах принцип самообеспечения еще преобладал. Влияние рынка сильно сказывалось там, где речь шла о предметах роскоши, заморских редкостях, обеспечении сырьем экспортных ремесел и т. п. Оно было ощутимее в Западной и Центральной Европе, куда перемещались нервные центры экономической и политической жизни европейского мира, где сильнее было воздействие мощных импульсов, исходивших от Атлантики и Средиземноморья, с их заморскими связями. Некоторые

регионы испытывали сильную зависимость от рынка, в отличие от других, занимавших периферийное по отношению к нему положение.

Характерно, что в ремеслах, связанных с производством продуктов питания, предметов первой необходимости, особенно устойчивы были мелкие традиционные формы организации. Цехи булочников, мясников были как правило невелики, но вместе с тем очень специализированны: выпечкой белого хлеба занимались одни ремесленники, черного и серого — другие, с ними конкурировали кондитеры и пирожники, выпекавшие хлебцы и булочки с мясной начинкой. Там, где складывался стабильный спрос — в торговых метрополиях, резиденциях, портовых городах, местах размещения гарнизонов и в целом — интенсивной циркуляции населения, — возникало крупное производство продуктов питания и напитков, учитывающих, в частности, и характер спроса, как например, в Лиссабоне, где имелись пекарни, изготавлившие «морские» сухари. Но в массе выпечка хлеба, производство мяса и мясных продуктов производились в хозяйствах бюргеров, крестьян, монастырей или в рыцарских и дворянских имениях.

В доиндустриальную эпоху подавляющая часть населения более половины того, что она производила или зарабатывала — потребляла или тратила на приобретение продуктов питания. Е. Шолье, исследовавший уровень жизни в Антверпене XV—XVI вв., самый высокий тогда в Европе, приводит следующие данные о распределении расходов семьи каменщика из пяти человек: на питание 78,5 %, из них 49,4 % — «на хлеб», за найм жилья, на освещение и топливо — 11,4 %, на одежду и «прочее» — 10,1 % — соотношение, характерное для развивающихся стран современного мира — Индии, Ирана, Шри-Ланки.

Важнейшим продуктом, основой питания широких слоев сельского и городского населения были *зерновые*, прежде всего *рожь* и *ячмень*, *посо*, иногда в виде добавки — *овес*. Во многих французских провинциях и в Средиземноморье главным продуктом питания была пшеница. В XVI в. к этому прибавились гречка, маис и рис (в Португалии и Северной Италии). Гречку широко потребляли в Северной Европе, в XVI в. она вошла в рацион питания многих областей Центральной и Западной Европы. Из зерновых изготавливали супы, каши, хлеб. Это составляло основу питания. Не удивительно, что колебания урожайности столь тяжело сказывались на повседневной жизни населения,

В целом для большей части европейских стран этого времени характерен рост урожайности, что, конечно, не исключало локальных и региональных кризисов в силу различных причин, в том числе и климатических изменений. Мощный кризис зернового хозяйства охватил с 80-х годов все Средиземноморье и некоторые другие регионы, что потребовало ввоза зерновых из Балтики и Северной Европы. Это было ново, так как в предшествующие периоды потребности в зерновых компенсировались ввозом из Причерноморья и Туниса. Османские завоевания нарушили эти связи. К экспорту зерна в кризисные периоды прибегала Англия. Западная и Центральная Европа производили его Достаточно, чтобы обеспечить себя и даже экспортировать. Обширный регион от Дании до Польши, включая Балтику и Россию имел значительные излишки зерновых (пшеницы и ржи).

К массовым продуктам питания относились также возделываемые в Европе повсеместно *бобовые*. Серьезной сезонной добавкой к питанию широких слоев стали овощи и зелень: шпинат, латук, петрушка, чеснок, морковь, тыква, репа, капуста, также *ягоды*, *орехи* и *фрукты* (яблоки, груши, вишня, различные сорта слив, земляника), которые теперь стали продуктом массового потребления.

Дополнением к растительной пище была *рыба*. Место ее в рационе доиндустриальной эпохи изучено еще недостаточно, но важность — несомненна. Она составляла один из основных продуктов питания для жителей прибрежных областей, особенно крестьянского населения, а ее лов, как мы видели выше, — один из видов производственной деятельности. Здесь также преобладали мелкие ремесленные формы организации. Проживавшие нередко в отдаленных от моря поселках и местечках, рыбаки затрачивали немало усилий на сохранение своего товара, который они сбывали задешево своим же соседям и перекупщикам. Но была и другая категория рыбаков: занимавшиеся своим промыслом регулярно, они были связаны с постоянными купцами, переправлявшими рыбу большими партиями на

местный или региональный рынок. Важную роль играло рыболовство (морское, озерное, речное) в Восточной Европе и в России, особенно в областях, мало пригодных для животноводства. Рыбу разводили в специальных прудах — горожане и знать научились сохранять ее в садках. Торговля морской рыбой (сельдь, треска, сардина и др.), живой, засоленной, копченой, вяленой приобрела характер крупной предпринимательской деятельности.

Рыба — продукт поста. Потребление ее регулировалось церковными предписаниями, запрещавшими есть мясо и животные жиры в течение минимум 150 «постных дней» в году, включавших наряду с периодическими три обязательных еженедельных «поста» (среда, пятница, суббота). Городские власти, советы школ и госпиталей, церковные учреждения делали запасы и большие закупки рыбы для Великого поста. В эти дни торговля мясом, маслом и яйцами была запрещена, исключение делалось для больных и евреев. Впрочем, запрет нарушался: тайно продавали и ели мясо, сыр, масло, яйца, молоко.

Мясо — важный компонент питания во многих областях и странах Европы начала Нового времени. В Центральной и Восточной Европе предпочтение отдавали свинине и говядине, но разводили на мясо также овец и коз; в Англии — баранине. В Средиземноморье потребление мяса в целом было меньше, чем к северу от Альп, но и здесь существовали весьма значительные различия в потреблении мяса между земледельческими и скотоводческими областями. Чрезвычайно высоким было потребление мяса в Венгрии. В мясных рядах Еденбурга в последней трети XVI в. ежегодно взвешивалось около 150 тыс. кг говядины, т. е. — 50 кг в год на одного жителя города с населением около трех тысяч человек. Около 60 кг мяса покупали в год у местных мясников жители маленького венгерского городка Таркал (Э. Фюгеди). Поразительно высокой — 0,75 кг — была порция мяса, выдававшаяся натурой в день поденщику. Треть ежедневных калорий могла быть здесь покрыта мясом. Структура питания венгров в рассматриваемую эпоху в принципе отличалась от западноевропейской. Это, по мнению венгерского историка Э. Фюгеди, было связано с относительно низкой плотностью населения и высоким развитием животноводства, потеснившего зерновое хозяйство.

Исследование областей Швейцарии показало, что потребление мяса и мясной пищи было несопоставимо выше в бургах (замках) и в городах (где с конца XV в. наблюдается увеличение поголовья крупного мясного рогатого скота), чем в крестьянских хозяйствах. Потребление мяса крестьянами обнаруживает зависимость от сезонных ритмов сельскохозяйственных занятий. В Провансе, например, ели говядину больше осенью и зимой, когда после завершения полевых работ освобождались от изнуренных трудом или обессиленных от недокорма животных. Со второй половины XVI в. выращивание и откорм скота для боен стало одним из направлений хозяйства в отдельных регионах.

Трудно представить себе крестьянский двор, так же как и домохозяйство горожанина без *домашней* птицы. Потребление ее росло на всем протяжении Средневековья, причем в городе сильнее, чем в деревнях. В то же самое время доля употребления дичи и других продуктов охоты в рационе, во всяком случае в Центральной Европе, сокращалась. Вместе с тем, как свидетельствуют жалобы крестьян периода Крестьянской войны 1525—1527 гг., охота на мелкую лесную дичь и зверя по-прежнему оставалась существенным дополнительным источником питания для крестьянского двора.

Как и в предшествующие столетия, *вино и хмельные напитки* оставались составной частью повседневного рациона: пиво, *вино*, «мед» (перебродившая смесь меда, переваренного с водой), квас (в Восточной Европе). С XVI в. сильно возрастает потребление пива (из хмеля и ячменя), потеснившее «мед», популярный в сельской и городской среде; в Саксонии был популярен даже «пивной суп» (пиво, вода, крахмал и пряности). Пиво производили в домохозяйствах, а также профессионалы-пивовары. В важнейших регионах его потребления — Центральной Европе, Нидерландах, Англии — пивоварение приобретает характер экспортной отрасли. В 1640 г. Копенгагене была построена большая королевская пивоварня, ставшая сильным конкурентом местной гильдии пивоваров. Каждая область специализировалась на особом сорте пива.

С XVI в. началось производство на продажу *крепких спиртных напитков* — «горящего вина». Центрами его были Южная Франция (провинции Бордо, Коньяк), Андалусия, Каталония. В Нидерландах и Северной Европе (Северная Германия) делали «шнапс», перегоняя зерно. Главным местом его производства в Нидерландах стал г. Шиедам, где в 1630 г. был построен первый перегонный завод. Ок. 1650 г. в Амстердаме было 50 винно-перегонных предприятий, в 1663 г. — 400. В Германии «аквавиту» гнали в Шлезвиге (Фленсбург), в Вестфалии (Геневе). В Дании важнейшим центром был Аальборг.

Появились и новые *сорта виноградных вин*, лучшего качества и, в соответствии с изменившимися вкусами, — более крепких. О том, где они производились, говорят сами названия: эльзасское, нектарское, майнцкое, мозельвайн, рейнвейн, остервейн (область Верхнего Дуная), европейской известностью пользовались токайские вина

Свои напитки были в областях фруктового садоводства - молодое вино из яблок: апфельмост в Швабии, сидр - в Бретани, Нормандии, Галисии; из груш — бирненмост (Бавария), вишен (Хильдесхайм) и др.

Спрос на крепкие, тяжелые вина способствовал распространению специальных сортов винограда в Западном Средиземноморье — мускатные сорта винограда становятся здесь монокультурой, а производство малаги, мадеры, портвейнов приобретает характер экспортной отрасли.

Вино и хмельные напитки выполняли широкие и разнообразные функции в повседневной жизни: продукта питания, компонента изысканных кулинарных рецептов в утонченной кухне знати и состоятельных горожан, лечебного средства (с добавлением пряностей и лечебных трав). Оно было также важным компонентом общения и широко использовалось при скреплении договоров и торговых сделок, помолвках, бракосочетаниях и т. п., частных, официальных, корпоративных застольях.

В будни пили вина местного происхождения, разбавляя их водой. В целом потребление вина было высоким: в Провансе XV в. — от одного до двух литров на человека в день, в армии Карла VII — два литра. В Нарбонне в начале XVI в. — 1,7 литра. Особой критике подвергали современники Германию, называя XVI в. в ее истории «столетием пьянства». В Нидерландах, Северных немецких областях выпивка порицалась как «дурной обычай». Особенно осуждалась невоздержанность князей; дурной славой были окружены пышные празднества во время съездов имперских князей — рейхстагов 1521 г. в Вормсе, 1544 г. в Шпейере, в 1546 г. в Регенсбурге. Основной спрос на спиртное исходил от городов, хотя многие бюргеры, как и монастыри, госпитали имели пивоварни, виноградники и винодельни, Удовлетворявшие значительную часть их годового потребления, и позволявшие продавать излишки.

В XVI—XVII вв. в Европе резко *возрастает потребление сахара*. Мощный импульс этому был дан расширением сахарных плантаций и перерабатывающих сахарный тростник предприятий в заморских странах — на Мадейре, Сан-Доминго, Азорских островах, в Бразилии. Наряду с традиционными средиземноморскими центрами производства сахара — Генуей, Венецией, Барселоной, Валенсией, сахарные заводы после 1500 г. появляются в главных центрах импорта — Лиссабоне, Севилье, Антверпене; в последнем к 1539 г. их было уже 19. Эмигранты из Антверпена принесли технику рафинирования сахара в Амстердам: в 1605 г. здесь было три предприятия, в 1661 г. — 60! Голландское сахароваренное производство, стремительно развившееся после 1609 г. (свыше 100 предприятий), обеспечивало до середины XVII в. сахаром большую часть Европы. В последовавшем затем упадке не последнюю роль сыграла все возрастающая конкуренция со стороны Англии и Франции, начавших широкий ввоз сахарного тростника и сахара из своих колоний. Первое сахарорафинадное предприятие в Англии появилось в 1544 г.; другое — в 1620 (в Ливерпуле), во Франции в 1653 г. в Орлеане. В немецких землях они известны с 1573 г.

Схожая в своей основе *структура питания* европейца XVI — первой половины XVII в. варьировала (с точки зрения иерархии отдельных ее компонентов, обычаев приема пищи и т. п.) в зависимости от региона и социального слоя. Различия эти

нашли весьма четкое осмысление у современников, выступая порой как детерминатив, внешний отличительный признак уроженца той или иной области. В этом отношении показательно описание «Обычаев питания в Германии» Иоганна Боэмуса (нач. XVI в.): «В то время как знати присуща дорогая еда, бюргеры живут очень умеренно. Работающие едят четыре раза в день, праздные — только два. Немного хлеба, затируха (каша) из овса, или вареные бобы — пища крестьян, вода или сыворотка — их питье. Саксонцы пекут белый хлеб, пьют пиво, их пища тяжела и нелепа: сало, сухая колбаса, сырой лук, подсолненное масло. Готовят много на воскресенье, чтобы потом есть всю неделю. Детей они не вскармливают, как у нас, кашей из муки с молоком, но дают жесткую пищу, которая проталкивается через детский ротик, после того как няня ее хорошо разжует. От такой еды саксонцы уже в нежном возрасте выносливее и сильнее других. Вестфальцы едят черный хлеб, пьют пиво. Вино потребляют только богатые, потому что оно привозится издалека, с Рейна, и стоит дорого. Франконцы не пьют вино, которое производят, они продают его, довольствуясь водой, но пиво они презируют».

«Иерархия достоинств, иерархия статуса находила выражение в изысканности и утонченности стола» (Ж. Дюби). Разнообразие и изобилие блюд, мясных и рыбных, дичи, напитков, пряностей (восточных и местных целебных трав), гастрономическое искусство отличали питание социальных верхов — городского купечества, патрициата, духовенства, знати, церковных иерархов. Именно в этой среде пользовалась спросом кулинарная литература — руководства о приготовлении пищи, хранении съестных припасов, кулинарные рецепты, издававшиеся типографским способом, часто с иллюстрациями. Об интересе к кулинарии и известной воспитанности вкуса свидетельствует также высокая оценка поварского искусства. Показательна большая мобильность поварской профессии, что способствовало, в свою очередь, передаче кулинарных рецептов. В XVI в. в Центральной Европе, например, особенно в германоязычных областях получает распространение славянская кулинарная лексика. Сильным было и итальянское влияние. Оно проявлялось и в ритуале застолья, и в названиях, и в приготовлении блюд, в частности салата: из листьев и кусочков овощей, приправленных растительным маслом, уксусом и перцем; булочек с топленым жиром. В 1530 г. в Аугсбурге была издана книга знаменитого итальянского кулинара XV в. Платины.

Поваренные книги и руководства свидетельствуют об уже достаточно высокой технике хранения как растительных, так и животных продуктов, рыбы (о чем говорилось выше). Фрукты и овощи консервировали, употребляя в качестве консервантов винный уксус, травы: петрушку, Шалфей, белену, перец, чебрец. Консервирование, соление, копчение продуктов получают распространение как вид профессиональной деятельности. Одним из способов сохранения фруктов было изготовление конфитюров. Но фрукты умели сохранять и в свежем виде: юрист Паоло Сантонио из Удины, в конце мая 1587 г. посетивший картезианский монастырь Зейц в Нижней Штирии, был приятно удивлен, получив на десерт безупречное яблоко урожая прошлого года.

Кулинарные книги отражают и некоторые особенности кухни, по сравнению с современной: применение в пищу мелких животных и всех съедобных и перевариваемых частей забитого животного; более частое употребление пряностей, с которыми связывали «святую» — целебную силу (их выращивали в садах, при доме, на огородах, собирали в лесу); приверженность к кашам, супам-пюре, которые в простых семьях делали часто из разведенных водой выпеченных зерновых лепешек, отваренному мясу и т. п.

Важность зерновых, растительной пищи, ставившая человека в сильную зависимость от урожая, погодных условий диктовала необходимость запасов. В богатых городских домах имелись особые кладовые, погреба и даже специальные строения, в которых хранились припасы как произведенные непосредственно в самом домохозяйстве, так и приобретенные на рынке. Обеспечение продовольствием и предметами первой необходимости — одна из главных забот главы домохозяйства. Все продумывалось и планировалось на целый год и фиксировалось в специальных книгах, типа широко известной историкам домохозяйственной книги крупного немецкого

купца Ганса Тухера (нач. XVI в.). Ведение домохозяйства рассматривалось как сложное и многостороннее дело, требующее искусства. Это нашло отражение в распространении, в частности в Центральной Европе, специального типа литературы «О доме» и «Экономик». В них охватывалась вся совокупность взаимоотношений и сфер деятельности по дому, в мастерской, в хозяйстве, в конторе, их функциональное распределение между членами семьи, отношения между главой семьи и супругой, родителями и детьми, членами супружеской семьи и другими родственниками, с челядью и т. п.

Кулинарные справочники и «Экономики» отражают то повышенное внимание, которое уделялось в состоятельных домах кухне как основе домохозяйства. Многообразный кухонный реквизит и утварь соответствовали усложнившейся структуре питания, разнообразию продуктов и возросшему искусству их приготовления и хранения. Тот, кто решил вступить в брак, наставлял Ганс Пауэр, автор широко популярной в XVI в. книги об обручении (первое издание в 1475 г.), должен позаботиться о достаточном количестве домашней утвари, тогда он не будет знать забот. При этом автор обращал внимание на то, что тот инвентарь, который используется для приготовления пищи и входит в круг предметов первой необходимости, должен быть после заключения брака увеличен «более, чем в десять раз». В зависимости от числа обитателей домохозяйства могло быть несколько кухонь. В богатых домах для них отводили в специальные помещения.

Недостаточность данных не позволяет точно определить границы минимума средств существования. Некоторое приближение дает попытка определить калорийность *дневного рациона питания*. В XIV—XV вв. она колебалась от 2500 до 6000—7000 калорий. Последние цифры соответствовали столу богатых, высших социальных слоев. По мнению современных исследователей (в частности Г. Келленбенца), такой рацион был вполне достаточен, иначе трудно было бы объяснить происходивший почти на протяжении трех столетий рост численности населения. По подсчетам В. Абея (для XV в.) около 3000 калорий в день получал подросток из крестьянской семьи, владевший полным наделом. Согласно выводам Роэля, 3000 калорий в день — норма для крестьянского двора среднего достатка. Состоятельный владелец полного надела мог получать в день до 4000 калорий, тогда как мелкий — 2000. В целом исследователи отмечают для широких масс населения немецких земель и Западной Европы снижение, по сравнению с концом XV в., потребления мяса и установление рациона типа «мус-брей» (каша-размазня), остававшегося определяющим еще и в XIX в. Если в 1497 г. поденщик во владении курфюрста Майнцского получал мясной суп ежедневно, то в 1569 г. работающие на фольварках (поместьях) в Саксонии ели мясную пищу только два или три раза в неделю. Повседневный рацион поденщиков в Провансе был беден протеином, зато имел избыток углеводов; полностью отсутствовали необходимые микроэлементы. Несбалансированность питания возрастала в периоды голодовок.

В повседневной сфере жизни европейского общества XVI — первой половины XVII столетия нашли отражение те преобразовательные процессы — экономические, социальные, культурные, которые это общество переживало, порой подспудно. Поражающее *региональное многообразие образа жизни* отличало эти столетия от раннего и даже высокого Средневековья. И это было связано не только с этническими или географо-экономическими особенностями, но и с усложнением хозяйственной жизни, ее форм различными внешними влияниями как следствием расширения и изменения характера обмена, коммуникаций, границ европейского мира, миграционных и политических процессов, религиозно-социальных движений эпохи.

В повседневности отразилось новое *качество жизни*, обусловленное новыми, расширившимися материально-техническими возможностями. Вместе с тем она испытала на себе воздействие мощной социальной переструктуризации сельского и городского населения под влиянием так называемого вторичного закрепощения крестьянства и распространения системы барщинного хозяйства в областях к востоку от Эльбы и в Балтийском регионе. Она углублялась по мере развития рыночного хозяйства и предпринимательства, дифференциации мелких товаропроизводителей, роста армии поденщиков и превращения крестьянского и городского сословий в

подданных, поставляющих государству налоги и солдат.

Стремительный рост *нищенства, бродяжничества*, начиная с середины XV в. и особенно в XVI—XVII вв. — явление, общее для всех европейских стран и регионов, с наибольшей полнотой и выразительностью проявившееся в городах. Городские бродяги и нищие представляли сильно дифференцированный социальный слой. Их привилегированную группу составляли так называемые «домашние бедняки» из числа обедневших, но не деклассированных еще бюргеров, обитателей госпиталей, приютов, монастырей. К ним примыкали и те, кто имел привилегии на сбор милостыни — пилигримы, монахи нищенствующих орденов, но также цеховые ученики, школяры, студенты. В толпу бродяг, просивших подавание, вливались отпущенные со службы ландскнехты, возвращающиеся из турецкого плена, и те, кто был вырван из привычного жизненного русла голодом как следствием неурожая, стихийных бедствий, военного разорения. Различны были методы и «техника» сбора милостыни — на улицах, у храма, и в самом храме (невзирая на запреты), «У дверей». Наиболее сплоченными были чаще всего слепые, имевшие своего «короля». Особую группу составляли профессиональные попрошайки-мошенники, особенно распространившиеся с XVI в. Это породило (как отмечалось уже в другой связи) даже специальную литературу «для ориентации благочестивого милосердия и распознавания криминальных случаев». В Кельне XVI в. популярностью пользовалась «Книга странников. Орден нищих» Матиаса Хютлина из Пфорцхейма. Авторы таких произведений подразделяли, как и постановления официальных властей, нищенство на «законное», «вынужденное» и «фальшивое» — как сознательное стремление к праздности и бродяжничеству. Такие «нищие-миряне» трактовались отдельными авторами, как «попавшие в сети дьявола».

Во многих европейских городах проблема нищенства и бродяжничества отразилась в городской топографии — названиях улиц, кварталов, переулков, свидетельствуя одновременно и об излюбленных этим маргинальным элементом местах обитания и о стремлении властей локализовать его местонахождение. Бродяги, нищие были желательными постояльцами в бедных городских кварталах: плата поденная или понедельная за угол, ночлег намного превосходила взимаемую обычно с ремесленников за аренду жилья. Известны случаи, когда нищие и бродяги пытались завладеть каким-то участком в городе, чтобы там обосноваться, как это имело место, например, во второй половине XVI в. и в начале XVII в. в Кельне: «Нищие стали строить жилища в проемах городской стены.

Бедность. Благотворительность. Социальные контрасты

Рост нищенства и бродяжничества сопровождался резким ухудшением отношения общества к бедности и беднякам. Нищих, не имевших профессии, без определенных занятий, вырванных из своей среды, особенно пришлых, стали рассматривать как бродяг, как антисоциальный элемент, с которым надлежало вести борьбу. Городские власти усиливали контроль за «своими», местными нищими, ограничивали приток пришлых; складывалась система благотворительности преимущественно для «своих» нищих и бедняков из числа бюргеров: раздача одежды, денег, хлеба — так называемые «столы для нищих», госпитали и приюты, конвенты для больных, нетрудоспособных по старости и т. п. Одновременно усиливался городской контроль за раздачей «милостыни», особенно духовными институтами, попытки «трудоустройства» работоспособных бродяг. Но городское общество не могло предложить работы, обеспечивающей постоянный заработок и прожиточный минимум. Отсюда — неэффективность и полицейских предписаний и отдельных мер городских властей, направленных на уменьшение все возрастающего числа нищих. В том же Кельне, пример которого типичен для рассматриваемой эпохи, нищим только раз в году, перед Пасхой, разрешалось приходить в город за подаванием. В конце столетия бродяг, выловленных во время облав, отправляли работать грузчиками на Рейн, в гавань, или заставляли носить воду и дрова в дома состоятельных бюргеров. В 70-е годы XVI в. ввиду устрашающего притока нищих было издано распоряжение отправлять всех работоспособных бродяг на строительство собора Св. Северина «носить камни и землю и платить им как голодающим по 3 альбуса». Обострение проблемы нищенства в начале XVII в. породило у властей попытку создать «работные дома»: на лесопилне и солодовне для мужчин, в прядильне — для женщин, однако она также не имела успеха, (см. стр. 136).

Эти примитивные структуры повседневности, обеспечивающие лишь возможность биологического выживания и то далеко не всегда, отражают лишь один полюс действительности.

Сформировавшаяся как мощная экономическая и общественная сила бюргерство — в лице своих ведущих слоев, связанных с торгово-промышленным предпринимательством, кредитно-финансовыми операциями, своих окончивших университеты сыновей, из числа которых формировались кадры новой государственной администрации, — стремилось выразить себя и закрепить свой статус во внешних формах — в костюме, укладе домашней жизни, роскоши убранства покоев и изысканности стола, великолепии выезда, престижных тратах «на нужды» города и благотворительность.

Именно высший слой бюргерства — патрициат, крупное купечество, ренессансная интеллигенция, но также и разбогатевшие ремесленные мастера — стал потребителем, наряду со знатью, продукции «*индустрии* роскоши», которая расцветает в эти столетия повсеместно в Европе, питаемая новыми массовыми представлениями о престижности. Шелк, бархат, парча, атлас, кружева, фарфор, ювелирные изделия становятся предметами массового производства в Валенсии. Толедо и Севилье; Париже, Лондоне, Антверпене, Аугсбурге и Нюрнберге; в Лиссабоне, Амстердаме и Франкфурте-на-Майне, не говоря уже о Генуе, Венеции, Флоренции и Лукке — старинных и традиционных центрах производства предметов роскоши. Именно в эти столетия получают развитие такие новые отрасли, как производство зеркал, инкрустированной мебели, появляются особые специальности — столяров-мебельщиков, каретников, художников, расписывавших стены, потолки, фасады городских дворцов гЮвой знати.

Средневековое бюргерство, начавшее свою историю с Вротивопоставления аристократическому жизненному идеалу, завершало ее признанием его как высшей ценности, как образца для подражания и возжеленной цели. Торговля, промышленная деятельность рассматривалась как источник роста материальных, денежных доходов, открывающих путь к аристократическому статусу и образу жизни, как средство породнения с аристократическими фамилиями, аноблирования.

Традиционная средневековая система ценностей (см. часть третью) тяготела над сознанием европейского патрициата и крупного торгово-промышленного купечества во всяком случае на протяжении большей части XVI столетия. Капиталы легко изымались из сферы торговли и промышленности, вкладывались в земельные приобретения, престижные постройки, расходовались на меценатство, создание клиентелл, становясь тем самым «видимыми», к чему и стремились, ибо щедрость — одна из главных аристократических добродетелей. Идентификация себя и своих особых интересов и ценностей в рамках третьего сословия — была еще делом будущего и первые шаги в этом направлении были предприняты не на континенте, а в Англии. Тенденция к вертикальной мобильности, стремление приобщиться к аристократии не могли не породить противодействия. Одной из форм «ответа на вызов» было обилие приходящихся именно на XVI в. *«запретительных» постановлений* имперской, королевской, территориальной, городских властей, регламентирующих все внешние проявления повседневной жизни, как показателей социального статуса. Эти постановления, в частности касающиеся одежды, костюма, чрезвычайно красноречивы как отражение процессов, происходящих в массовом сознании, под влиянием повышения общего стандарта жизни и усиления вертикальной мобильности. Роскошь костюма, одежд, говорилось в знаменитом постановлении Карла V от 1548 г. приводит к «непристойной ситуации», когда невозможно отличить князя от графа, графа от барона, барона от бюргера, а бюргера от крестьянина. Двадцатью годами ранее Лютер в одной из своих проповедей с негодованием говорил о требованиях восставших крестьян, заявлявших, что они хотят носить «отделанные кунным мехом шаубен» (верхняя одежда типа плаща с широкими проймами, составлявшая обязательную принадлежность аристократическо-патрицианского костюма), золотые цепи и «жрать молочных поросят». Из императорских запретов видно, что высший слой крестьян — обладателей полных наделов, покупал дорогие английские или голландские сукна, одежду из шелка, дорогие аксессуары — шелковые помочи, вязанные широкие воротники для рубаш, шейные шелковые платки, украшения из драгоценных металлов и жемчуга, страусовые перья (см. стр. 139). Показательно, с другой стороны, что полицейские постановления территориальных князей середины XVI в. учитывали крестьян как клиентов, потребителей городской продукции, призывая с этим считаться: не обсчитывать, не завышать цену, не подсовывать недоброкачественный товар и т. п. Из этих постановлений видно, что приобреталось: предметы одежды, утвари, хозяйства, но также и предметы роскоши — дорогие сукна и перец, посуда из фаянса и латуни. Примерно с середины XVI века характер регламентирующих постановлений, как и та действительность, которой они были адресованы и которая их порождала, начинает меняться: усложняются градации населения, в частности городского, появляется новая, более четкая его классификация преимущественно по профессиональному принципу. Наряду с прежними традиционными группами (ремесленники, мастера, благородные) выделяют крупных купцов, лавочников, торговцев, но также поденщиков, приказчиков, прислугу и т. д. При этом ограничения на ношение тех или иных видов дорогих тканей или драгоценностей становятся менее строгими, они не препятствуют росту роскоши имущих групп населения. Одновременно растет производство дешевых имитаций дорогих материалов и одежд, фальшивых изделий, украшений «под золото», удовлетворявших престижные устремления «простых» людей — горожан и зажиточных крестьян. Все это, наряду с явной тенденцией к унификации покроя и типа одежды, отдельных элементов и аксессуаров говорит о процессе складывания в первой половине XVII в. сословного, городского в частности, костюма.

Главное содержание и главный итог развития эпохи сложение нового европейского хозяйственно-культурного универсума. Свидетельство тому — изменение географии размещения промышленного и сельского производства; сложение территориального разделения труда в масштабах континента; изменение политического и экономического соотношения характера и «содержания» взаимосвязей между Средиземноморьем, Западными и Северо-Западными регионами, Западной и Восточной Европой (не в последнюю очередь также под влиянием эксплуатации заморских изобретений); формирование, наконец, новых силовых линий и центров притяжения с Северными Нидерландами и Англией во главе.

Европейский «экономический мир» (Ф. Бродель) на исходе первой половины XVII столетия структурно имел уже мало общего с тем, каким он был в классическое Средневековье, ориентированное на Средиземноморье и Фландрско-Ганзейский район. Он уже нес в себе хозяйственно-культурные структуры Нового времени.

Материальной базой преобразовательных процессов XVI — первой половины XVII в. были рост народонаселения, новый технический опыт и развитие инженерной мысли, усиление использования энергетической силы воды, повышение на этой основе интенсификации труда в основных сферах хозяйственной жизни, совершенствование средств коммуникаций, рост разделения труда и товарного производства, купеческого капитала и предпринимательства, зарождение капиталистической мануфактуры, осуществившей в конце периода «прорыв» в Англии, Голландии, Франции в важнейших отраслях промышленности.

Но в этом мире еще сохраняли господство феодальные производственные и политические структуры, традиционные формы мышления, хотя и переживавшие кризис. Это имело следствием и узость рынка, и неразвитость регулятивной функции денег, порождавшие нестабильность новых экспортных отраслей и центров, кризисы сбыта и спады производства, подобные тем, что пережило во второй половине XVI в. европейское медеплавильное производство; трудности внедрения новых технологий и новой организации (производства, так же как и мощные перепады в уровне развития между «промышленным» Западом и переживавшей процесс рефеодализации Восточной Европой. Но это был уже кризис конца.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Боткин Л. М. Итальянские гуманисты: Стиль жизни, стиль мышления. М., 1978.
Добиаши-Рожденственская О. А. Средневековый быт. Пг., 1925.
Каждан А. П. Вещь и среда в византийской культуре//Декоративное искусство СССР. 1978. №5.
Кнабе Г. С. Язык бытовых вещей//Декоративное искусство. М., 1987.
Ле Гофф. Цивилизация Средневекового Запада. М., 1992.
Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. 1 Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986; Т. 2. Игры обмена. М., 1988; Т. 3. Время мира. М., 1992.
Шухардин С. В. Георгий Агрикола. 400 лет со дня смерти 1555— 1955. М., 1955.
Ястребицкая А. Л. Западная Европа XII—XIII вв. Эпоха. Быт. Костюм. М., 1978.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАРСАВИН Л. П.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

...История не сводима к росту капитала, ренты, цен. Если мы за цифрой не воспримем, хотя бы смутно, человека, цифра — бесполезна...

Разъединенные, изъяты из исторического контекста Материальные предметы, будь то костюмы, орудия труда, оружие, мертвы и ни о чем не говорят. Они оживают, приобретают исторический смысл и ценность только в соединении с эстетическими и бытовыми идеалами, когда историк сумеет объять материал категориями социально-психического, а чисто материальные предметы станут выражать, символизировать при всей своей разъединенности непрерывное развитие некоего качественности.

Материальное само по себе, в своей оторванности неважно. Оно всегда символично и в качестве такового необходимо историку во всей своей материальности. Оно всегда выражает, индивидуализирует и нравственное состояние общества, и его религиозные и эстетические взгляды, и его социально-экономический строй. Вспомним изысканные наряды Бургундии при Карле Смелом, парики в эпоху Короля-Солнца, помпезную процессию испанского самодержца в спальню супруги-королевы, прически дам при дворе Людовика XVI или лозунг модниц в эпоху Директории: минимум материи — максимум эффекта. ...С этой же точки зрения надо подходить и к истории материального быта вообще, отпечатлевающего социально-психологический процесс на преобразуемой им материи, при этом нисколько не умаляется «показательное» значение самого материального бытия... Эта история возможна только как один из моментов, как одно из качественностей исторического процесса, выражающее и символизирующее в себе его самого...

*Карсавин Л. П. Философия истории.
Берлин, 1923. С. 99—100.*

АГРИКОЛА О БОЛЕЗНЯХ ГОРНЯКОВ

«Мы должны проявлять большую заботу о сохранении здоровья, позволяющую свободно пользоваться телесными силами, чем о прибыли». Агрикола как врач, долгое время имевший медицинскую практику среди горняков, указывал на необходимость учитывать «степень благоприятности для здоровья» той местности, где предполагается начать разработку месторождения. Правда, говорит он, горные районы, как правило, обладают здоровым климатом, так как «они расположены высоко и даже на большой высоте, и могут хорошо обвеваться ветрами. Однако нередко случаи, когда местность оказывается нездоровой». Это он особенно подробно рассмотрел в своем труде «О природе того, что вытекает из земли»,.. «Для того, кто ведет горные работы в пагубных для здоровья местах, достаточно бывает какого-либо часа жизни, чтобы обречь себя уже в следующий час на смерть» (с. 111). «Из немощей некоторые поражают суставы, иные — легкие, иные — глаза, а некоторые являются смертельными». Чтобы предупредить ревматические заболевания Агрикола рекомендовал пользоваться высокими сапогами из сыромятной кожи: «Кто не последует этому совету, будет много страдать от немощей, особенно в старости»... «С другой стороны, некоторые рудники настолько сухи, что почти совершенно лишены воды. Эта сухость причиняет горнякам еще большие страдания, так как пыль, образующаяся при горных работах, проникает в дыхательное горло и легкие, затрудняет дыхание и вызывает болезнь, которую греки называли астмой. Если пыль обладает разрушительными действиями, то легкие изъязвляются и в теле возникает чахотка... Поэтому в рудниках Карпатских гор можно найти женщин, которые семь раз выходили замуж и всех семерых мужей грозная чахотка приводила к преждевременной смерти».

При разработке некоторых месторождений встречались вредные газы, а иногда и сами добываемые полезные ископаемые губительно отражались на здоровье горняков: «в Альшенберге в Мейсенском округе в рудниках обнаруживается черная рудничная пыль памфлос (вероятно, газ, содержащий мышьяковую кислоту), разъедающий раны и язвы до кости. Она вызывает также ржавление железа; поэтому там в постройках применяют исключительно деревянные гвозди... там встречается определенный вид кадмия, разъедающий мокрые ноги рудокопов, а также руки и приносящий вред легким и глазам». В таких случаях он считал необходимым применять сапоги и рукавицы до локтей из сыромятной кожи, а также специальные маски для лица... «Живые существа, пораженные этим ядом, обычно сразу же распухают, теряют способность к движению и чувствительность и умирают без боли. Будучи поражены ядом во время подъема по лестницам шахтного ствола, люди падают в глубину ствола, так как руки их не слушаются и кажутся им, так же как и ноги, круглыми или шарообразными. Если по счастью отравленным удастся избежать такой беды, они в течение короткого времени становятся бледными и похожими на мертвецов»...

Из несчастных случаев наиболее частыми были падения рабочих с лестниц в шахтные стволы, в результате чего они ломали себе руки, ноги, шеи, а часто и тонули в подстволке, а также обрушения кровли выработок, обвалы. Агрикола рассказывает об одной крупной катастрофе на рудниках Гослара, когда в один день более четырехсот женщин стали вдовами». Агрикола настаивает, чтобы мастера-штейгеры добросовестно выполняли свои обязанности, следили за состоянием подземных лестниц, крепи, устраивали необходимые ограждения и т. д.

*Шухардин С. В. Георгий Агрикола.
М., 1955. С. 152—155.*

В ДОМЕ ФУГГЕРОВ В АУГСБУРГЕ.

**По свидетельству Ганса фон Швейнихена,
сопровождавшего герцога Генриха XI
Лотарингского во время его путешествий**

Господин Фуггер пригласил однажды в гости его княжескую милость вместе с одним господином из Шенберга, прежде жившего также в доме его княжеской милости. Не скоро я дождусь подобного празднества, — сам римский император не мог бы лучше угостить; при том великолепие было чрезвычайное. Обед был приготовлен в зале, в украшениях которого прежде всего бросалось в глаза золото. Пол был из мрамора и такой скользкий, что по нему приходилось идти как по льду. Через весь зал тянулся стол с напитками, уставленный золочеными сосудами и большими прекрасными венецианскими стаканами, стоящими, как говорят, гораздо больше тонны золота. Я ждал его княжескую милость у стола. В это время господин Фуггер передал через меня его княжеской милости приветственный бокал, представлявший собой корабль, художественно исполненный из прекраснейшего венецианского хрусталя. Когда я взял этот бокал из буфета и пошел через зал, то, будучи в новых башмаках, поскользнулся и упал на спину посреди зала, опрокинув вино себе на шею; а так как я был в новом платье из красной дамасской ткани, то это было для меня большим убытком. Прекрасный же корабль разбился вдребезги. В этот момент все много смеялись. Однако впоследствии я узнал, что господин Фуггер говорил, будто он заплатил за этот бокал-корабль 100 гульденов. Но это ведь вышло не по моей вине, так как я ничего не ел и не пил. Впоследствии же будучи даже под хмельком, я стоял крепче и ни разу не упал, даже во время танцев. Поэтому я счел, что Бог не хочет, чтобы я наряжался: ведь я, надевши новое платье, вообразил, что я красивее всех; над этим господа и все мы смеялись.

Господин Фуггер повел его княжескую милость по всему дому, — настолько огромному, что римский император во время имперского сейма помещался там со всем двором. Между прочим г. Фуггер привел его княжескую милость в одну башенку: там он показал его милости сокровища, состоящие из цепей, регалий, благородных камней, также редких монет и кусков золота величиной с голову — сокровища, стоящие, по его словам, свыше миллиона золотых. Затем он открыл ящик, доверху наполненный только дукатами и кронами. Он сказал, что их там на двести тысяч гульденов, которые он передал Посредством векселя испанскому королю. После этого он повел его княжескую милость в другую же башенку, до Половины наполненную исключительно хорошими талерами. Он говорит, что там их приблизительно 27 тысяч. Таким образом, он оказал его княжеской милости большой почет и вместе с тем показал свое богатство и силу. На другой день он прислал ко мне своего гофмейстера с просьбой представить его моему государю. Вместе с ним он посылал в подарок его княжеской милости 200 крон и красивый кубок в 80 талеров, а также коня, покрытого черной бархатной попоной; все это его княжеская милость с большой благодарностью приняли в знак дружбы...

Хрестоматия по истории средних веков.
М., 1950. Ч. III. С. 95—96.

4.

**ФРАГМЕНТ БАЛЛАДЫ О КРУПНОМ СУКОНЩИКЕ
ДЖОНЕ УИЧКОМБЕ ИЛИ «ДЖЕКЕ ИЗ НЬЮБЕРА», 1597**

В помещении просторном и длинном стояло двести станков, прочных и крепких: на этих станках — истинная правда — работали двести человек все в одну шеренгу. Возле каждого из них сидело по одному прелестному мальчику, которые с большим восторгом приготавливали челноки. А тут же, в другом помещении, сто женщин без усталости чесали шерсть с радостным видом и звонко распевали песни. В следующей комнате, находившейся возле, работали сто девушек, в красных юбках, с белыми, как молоко, платками на головах; эти прелестные девушки, не переставая пряли в этой горнице весь день и распевали сладкими, как у соловьев, голосами, нежно-пренежно. После этого они вошли в другую комнату, где увидели бедно одетых детей; все они сидели и щипали шерсть, отбирая самую тонкую от грубой; всех их было полтораста, детей бедных, слабых родителей; в награду за свои труды каждый из них получал вечером по одному пенни (ок. 4-х копеек), кроме того, что они выпьют и съедят за день, что было для этих бедных людей немаловажным подспорьем. В следующем помещении он видит еще 50 молодцов: это были стригали, показывающие здесь свое искусство и умение. Тут же, возле них, работали 80 валяльщиков. Кроме того, он имел еще красильню, при которой держал 40 человек, да еще на сукновальне 20.

Там же. С. 266.

ТОРГОВЦЫ ШЕРСТЬЮ И РАССЕЯННАЯ МАНУФАКТУРА**Документ 1615 г.**

...Шерсть обычно перерабатывается четырьмя группами людей.

1. Богатый суконщик, который покупает себе шерсть у производителя в областях, производящих шерсть, делает запас на целый год заранее и хранит его в складе, а в зимнее время эта шерсть выпрядается его собственными пряжами, ткется его собственными ткачами и валяльщиками, и все это за самую низкую плату... Многие из них занимаются перепродажей и перепродают очень много, если не большую часть той шерсти, которую они покупают.

2. Вторая группа — менее богатые суконщики, которые редко или вовсе не ездят покупать себе шерсть... а большую часть ее берут в кредит на рынке, ставят многих бедняков на работу, превращают шерсть в сукно, и потом продают его в неотделанном виде... потом приходят на шерстяной рынок, платят старый долг и снова берут в кредит. Многие в этой группе живут хорошо, становятся богатыми и дают тысячам людей работу; они не могут обойтись без скупщика шерсти, ибо иначе они должны были бы уволить своих рабочих и поступить в услужение к богатым суконщиками за 4 или 6 пенсов в день, то есть жить впроголодь.

3. Третья группа — прядильщики и бедные суконщики. «Они зависят от скупщика шерсти, который еженедельно обслуживает их шерстью за наличные или в кредит». Их так много, что знающие люди полагают, что больше половины сукон, выделяемых в Уилтшире, Глостере и Соммерсете (графства в Англии) производится посредством этих прядильщиков и бедных суконщиков.

4. Четвертая группа — те, кто производит сукна лучших сортов; в этом производстве работают тысячи бедного люда, живущего около портов и на побережьях от Ярмута до Плимута, и во многих больших городах, вроде Лондона, Норича, Колчестера, Кентербери, Экзетера и многих других. Эти люди благодаря своему большому трудолюбию и умению пускают в дело большую часть грубой шерсти, производимой в королевстве, и это по такой же высокой или еще более высокой цене, какую суконщики платят за самую тонкую шерсть в королевстве...

Там же. С. 266—268.

АКТ О НАКАЗАНИИ БРОДЯГ И ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ БЕДНЫМ И НЕТРУДОСПОСОБНЫМ 1572 г.

V. Для полного определения того, какие лица должны считаться в силу этого акта праздношатающимися, бродягами и упорными нищими и нести наказание за свой беспутный образ жизни, ныне объявляется и устанавливается властью настоящего парламента: всякое лицо и лица, которые являются или называют себя ходатаями по делам и шляют там и сям в какой-либо области или областях английского королевства, не имея достаточных полномочий, выданных от лица нашей верховной госпожи королевы, и все другие праздные лица, которые бродят в какой-либо области королевства и занимаются хитрой, ловкой и беззаконной азартной игрой или, как некоторые из них, заявляют, что имеют познания в физиономистике, хиромантии и других вредных науках, чем обманывают людей, говоря, что могут предсказать им судьбу, смерть или богатство, и рассказывая тому подобные фантастические измышления; и всякое лицо или лица, здоровые и крепкие телом и способные работать, не имеющие земли или хозяйства, не занимающиеся какой-либо законной торговлей, ремеслом или профессией для снискания средств к существованию, и которые не могут объяснить, каким законным путем они добывают себе пропитание; и все фехтовальщики, вожак медведей, актеры и менестрели, не принадлежащие какому-нибудь барону этого королевства или какой-либо особе высшего ранга, все жонглеры, разносчики, паяльщики и мелкие торговцы, которые бродят, не имея разрешения по меньшей мере двух мировых судей; все чернорабочие, здоровые телом, праздношатающиеся и отказывающиеся работать за ту разумную плату, какая установлена и обычно дается в тех местах, где таким лицам приходится жить; все подделыватели разрешений и все пользующиеся ими, зная, что это подделка; все студенты Оксфордского и Кембриджского университетов, странствующие, выпрашивая милостыню и не имея на то разрешения от комиссара, канцлера или вице-канцлера этих университетов за их печатью, все матросы, лживо заявляющие, что потерпели кораблекрушение... и все лица, выпущенные из тюрем, которые просят вспомоществования или идут к себе на родину или к друзьям, не имея разрешения от двух мировых судей той области, где они освобождены, — *все такие лица должны быть почитаемы за бродяг и упорных нищих*, предусмотренных настоящим актом; сюда же относятся все те лица, которые после сего будут преступать или нарушать те добрые приказы, которые установлены для помощи престарелым и немощным беднякам.

XVI. По человеколюбию необходимо позаботиться о бедных, престарелых и немощных, а бродяг и упорных нищих наказывать; а бедные, престарелые и немощные люди должны получить подходящие жилища и убежища по всему этому королевству для того, чтобы жить там, чтобы после этого никто из них не нищенствовал и не бродяжничал. Поэтому настоящий парламент своей властью постановляет, чтобы мировые судьи всех и отдельных графств Англии и Уэльса и все прочие мировые судьи, мэры, шерифы, бейлифы и прочие должностные лица каждого города, бурга, округа и иммунитетного (т. е. феодального владения) в этом королевстве в пределах своих полномочий должны накануне ближайшего праздника св. Варфоломея или в самый праздник распределить между собой обязанности, и после этого в каждом из своих подведомственных округов произвести тщательные розыски и расследования относительно всех немощных и дряхлых бедняков, родившихся в оных округах, проживавших там в течение 3-х лет до настоящего парламента, которые, живут или вынуждены жить милостыней и на счет народной благотворительности... И когда число этих бедных людей... будет точно выяснено, тогда должно назначить... в каждом округе подходящие и удобные места и предоставить там этим бедным людям жилище и убежище, если приход, в котором они живут, не захочет или не сможет им таковых предоставить.

И должны также в надлежащее время подсчитать всех оных бедных в вышесказанных округах и на основании этого (сообразно количеству) установить размеры еженедельного взноса на помощь и поддержку оных бедных в пределах

каждого округа..., обложить по своему доброму усмотрению налогом всех жителей, проживающих в каждом городе, бурге, местечке, деревне, поселке и местности в оных округах; этот налог должен уплачиваться еженедельно для помощи бедным людям, и имена всех обложенных этим налогом жителей должны также быть записаны в регистрационную книгу вместе с суммой взноса... Также должно назначить надзирателей за оными бедными людьми на срок до одного года. И если кто откажется быть надзирателем, то каждый отказавшийся платит пеню в 10 шиллингов за каждую такую провинность...

Хрестоматия по социально-
экономической истории
Европы в новое и новейшее время/
Под ред. В. П. Волгина. М.—Л., 1929.
С. 222—228.

7.

**ИЗ ПОЛИЦЕЙСКИХ ЗАКОНОВ Г. НЮРНБЕРГА
XIV—XV ВВ. О РОСКОШИ**

...Наши бюргеры, члены совета, постановили, что запрещается бюргерам, молодым и старым, носить серебряные пояса, стоимостью больше, чем в полмарки серебром. Запрещается им носить серебряные карманы, серебряные итальянские ножи, обувь с разрезом, сюртуки с разрезом внизу или у рукавов... Запрещается также мужчинам и женщинам носить застёжки, пряжки, кольца и пуговицы у рукавов выше локтя...

...Запрещается также бюргершам, женам и вдовам или молодым девушкам носить платье из цинделя (ост-индская, привозная ткань) или шелковое платье, или платье с серебряной или золотой оторочкой. Запрещается также бюргершам иметь больше двух цельных меховых одежд... носить горностаевые шубы... Запрещается также женам, вдовам или дочерям бюргеров переплетать волосы золотом, серебром, жемчугом или драгоценными камнями...

Немецкий город XIV—XV вв.
Документы и материалы/
Под ред. В. В. Стоклицкой-
Терешкович. М., 1936.

Ф. БРОДЕЛЬ. СТРУКТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Костюмы и мода

История костюма менее анекдотична, чем это кажется. Она ставит много проблем: сырья, процессов изготовления, себестоимости, устойчивости культур, моды, социальной иерархии. Сколько угодно изменяясь, костюм повсюду упрямо свидетельствовал о социальных противоположностях. Законы против роскоши были, таким образом, следствием благоразумия правительств, но в еще большей степени — раздражения высших классов общества, когда те видели, что им подражают нувориши. Ни Генрих IV, ни его знать не могли бы смириться с тем, чтобы жены и дочери парижских буржуа одевались в шелка. Но никогда никто не мог ничего поделаться со страстью продвинуться по общественной лестнице или с желанием носить одежду, которая на Западе была знаком малейшего такого продвижения. И правители никогда не препятствовали показной роскоши важных господ, необычайной пышности туалетов венецианских рожениц или же выставкам туалетов, поводом для которых в Неаполе служили похороны.

Также обстоило дело и в более заурядном мире. В Рюмежи, фландрской деревне возле Валансьенна, богатые крестьяне, записывает в 1696 г. в своем дневнике местный священник, жертвовали всем ради роскоши костюма: «Молодые люди в шляпах с золотым или серебряным галуном и соответствующих этому нарядах; девушки с прическами в фут высотой и в подобающих этим прическам туалетах: «С неслыханной наглостью посещают они каждое воскресенье кабачок». Но время идет и тот же самый кюре сообщает нам: «Ежели исключить воскресные дни, когда они бывают в церкви или в кабаке, крестьяне (богатые и бедные) столь нечистоплотны, что вид девиц излечивает мужчин от похоти, и наоборот — вид мужчин отвращает от них девиц...» И это восстанавливает порядок вещей, вводя их в повседневные рамки. В июне 1680 г. мадам де Севинье, полувосхищенная, полувозмущенная, принимает «красивую арендаторшу из Бодега (в Бретани), одетую в платье из голландского сукна на подкладке из муара, с прорезными (деталь аристократического костюма) рукавами», которая, увы, должна была ей 8 тыс. ливров. Но это все же исключение, каким служат и крестьяне в брыжах на изображении праздника местного святого в немецкой деревне, относящемся к 1680 г. Обычно же все ходили босиком, или почти босиком, а на самих городских рынках достаточно было одного взгляда, чтобы отличить буржуа от простолюдина.

...Если бы существовали одни бедняки... все оставалось бы неподвижным. Нет богатства — нет и свободы выбора, нет возможности изменений. Игнорировать моду — участь бедноты, где бы она ни жила. Костюмы бедняков, сколь бы красивы или примитивны они не были, останутся тем же, чем были. Красивый, то есть праздничный, наряд зачастую переходил от родителей к детям; и столетиями он остается самим собой, без изменения, несмотря на бесконечное разнообразие национальной и провинциальной одежды. А примитивный, т. е. повседневный, рабочий костюм создавался на базе самых дешевых местных ресурсов и изменялся еще меньше, чем парадный.

...Если, например, сравнить картину Питера Артсена (1508—1575 гг.) и два полотна Яна Брейгеля (1568—1625 гг.) из Мюнхенской пинакотекы, которые все изображают толпу на рынке, то забавно констатировать прежде всего, что во всех трех случаях с первого взгляда отличишь скромных продавцов или рыбаков от группы горожан, покупателей или празднующихся: они сразу же различаются по костюму. Но второй вывод, еще более любопытный, заключается в том, что на протяжении примерно полувека, разделявших двух художников, одежда буржуа сильно изменилась: высокие испанские воротники, окаймленные у Артсена простым жабо, сменились у Брейгеля настоящими брыжами, которые носят и женщины и мужчины. Однако народный женский костюм (с открытым отложным воротником, небольшим корсажем, передником на юбке в сборку) остался почти в точности таким же,

исключая единственное различие в чепце, несомненно оригинальное. В 1631 г. в деревне Верхней Юры вдова будет получать по завещанию мужа «пару башмаков и рубашку, и сие каждые два года, и платье из грубой шерсти — каждые три года»...

...Мы можем теперь подойти к Европе богачей, Европе меняющихся мод, не рискуя затеряться среди такого множества капризов. Прежде всего мы знаем, что подобные капризы затрагивали лишь весьма небольшое число людей, производивших большой шум и пускавших пыль в глаза, потому, быть может, что остальные, и даже самые нищие, ими любовались и их поощряли в самом их сумасбродстве.

Мы знаем также, что такое безумное увлечение переменами от года к году утвердился по-настоящему поздно. Правда, уже венецианский посол при дворе Генриха IV сообщал нам, что «человека... не считают богатым, ежели у него нет 25—30 туалетов разного фасона; и он их должен менять ежедневно». Но мода означала не только обилие, количество, чрезмерность. Она заключалась и в том, чтобы все изменить на совершенно иное в желаемый момент: это было вопросом сезона, дня, часа. А такое царство моды едва ли утвердилось во всей своей неукоснительности раньше 1700 года, того момента, кстати, когда слово это, обретая вторую молодость, распространилось по всему миру в своем новом значении: не отставать от современности. Тогда-то все и приняло облик моды в сегодняшнем смысле. А до этого дело все-таки развивалось не так уж быстро.

В самом деле, если основательно возвратиться в прошлое, то обнаруживаешь в конечном счете как бы стоячую воду... ибо до начала XII века костюм преспокойно оставался в Европе таким же, каким он был во времена галло-римские: длинные хитоны до пят у женщин, до колен — у мужчин. А в целом — столетия и столетия неподвижности. Когда происходило какое-нибудь изменение, вроде удлинения мужской одежды в XII веке, оно подвергалось сильной критике. Ордерикус Виталий²² скорбел о безумствах моды в туалете его времени, совершенно, по его мнению, излишних. «Старый обычай почти полностью потрясен новыми выдумками», — заявляет он. Утверждение сильно преувеличенное. Даже влияние крестовых походов было меньшим, чем это полагали: оно ввело в обиход шелка, роскошь мехов, но не изменило существенно формы костюма в XII—XIII вв.

Великой переменной стало быстрое укорочение ок. 1350 г. мужского одеяния — укорочение постыдное на взгляд лиц благонравных и почтенного возраста, защитников традиций. Продолжатель Гильома из Нанжи²³ писал: «Примерно, в этом году мужчины, в особенности дворяне, оруженосцы и их свита, некоторые горожане и их слуги, завели столь короткое и столь узкое платье, что оно позволяло видеть то, что стыдливость повелевает скрывать. Для народа сие было весьма удивительно». Этот костюм, облегающий тело, окажется долговечным, и мужчины никогда более не вернутся к длинному платью. Что же касается женщин, то их корсажи стали облегающими, обрисовывающими формы, а обширные декольте нарушили глухую поверхность платья — все это также вызывало осуждение.

В определенном смысле этими годами можно датировать первое появление моды. Ибо впредь в Европе станет действовать правило перемен в одежде. А с другой стороны, если традиционный костюм был примерно одинаков по всему континенту, то распространение короткого костюма будет происходить неравномерно, не без сопротивления и его приспособливания. И в конечном счете мы увидим, как формируются национальные *моды*, более или менее влияющие друг на друга: костюм французский, бургундский, итальянский, английский и т. д. Восточная Европа будет испытывать после распада Византии все возрастающее влияние турецкой моды. Европа и в дальнейшем останется многоликой по меньшей мере до XIX в., хотя и готовой довольно часто признавать лидерство (leadership) какого-то избранного региона.

Так в XVI в. у высших классов вошел в моду черный суконный костюм, введенный испанцами. Он служил как бы символом преобладания «всемирной» империи католического короля. На смену пышному костюму итальянского Возрождения, с его большими квадратными декольте, широкими рукавами, золотыми и серебряными сетками и шитьем, золотистой парчой, темно-красными атласами и бархатами, послужившему примером для значительной части Европы, пришла сдержанность костюма испанского с

его темными сукнами, облегающим камзолом, штанами с пуфами, коротким плащом и очень высоким воротником, окаймленным небольшим жабо. Напротив, в XVII в. восторжествовал так называемый французский костюм с его яркими шелками и более свободным покроем...

...Европа, невзирая на свои ссоры или же по их причине, была одной единой семьей. Законодателем был тот, кем более всего восхищались, и вовсе не обязательно сильнейший, или, как полагали французы, любимейший, или же наиболее утонченный. Вполне очевидно, что политическое преобладание, оказывавшее влияние на всю Европу, как если бы она в один прекрасный день меняла направление своего движения или свой центр тяжести, не сразу же оказывало воздействие на все царство мод. Были и расхождения, и отклонения, и случаи неприятия, и медлительность. Французская мода, преобладавшая в XVII в., стала понастоящему господствующей только в XVIII веке. Даже в Перу, где роскошь испанцев была тогда неслыханной, мужчины в 1716 г. одевались «по французскому образцу, чаще всего — в шелковый камзол (привезенный из Европы), с причудливым смешением ярких красок». Во все концы Европы эпохи Просвещения мода приходила из Парижа в виде очень рано появившихся кукол-манекенов. И с этого момента эти манекены царят безраздельно. В Венеции, старинной столице моды и хорошего вкуса, в XV—XVI вв. одна из старейших лавок называлась (и ныне еще называется!) «Французская кукла» («La Piavola de Franza»), Уже в 1642 г. королева польская (она была сестрой императора) просила испанского курьера привезти ей «куклу», одетую на французский манер, дабы она могла бы послужить образцом для ее портного» — польские обычаи в этой области ей не нравились...

...Историки костюма наверняка приводят в отчаяние отклонения, искажения в общем развитии. Двор бургундских Валуа был слишком близок к Германии, да и слишком самобытен, чтобы следовать моде французского двора. Там оказалось возможным в XVI в. всеобщее распространение фижм, и в еще большей степени и на протяжении веков — повсеместное ношение мехов, но и эти каждый носил по-своему. Брыжи могли варьировать от скромной рюши до огромных кружевных брыжей, какие мы видим на Изабелле Брандт на портрете, где Рубенс изобразил ее рядом с собой, или же на жене Корнелиса де Воса на картине из Брюссельского музея, где рядом с нею и двумя своими дочерьми изображен и сам художник.

Майским вечером 1581 г., после обеда (*doppo disnar*), в Сарагосу приехали трое молодых венецианцев — знатных, красивых, жизнерадостных, умных, обидчивых и самодовольных. Мимо проходит процессия со святыми дарами, за нею следует толпа мужчин и женщин. «Женщины, — ядовито записывает рассказчик, — крайне безобразны, с лицами, раскрашенными во все цвета, что весьма странно выглядело, в очень высоких башмаках, а вернее — в цокколи²⁴ по венецианской моде, и в мантильях, какие модны по всей Испании». Любопытство побудило венецианцев приблизиться к зрелищу. Но тот, кто желает видеть других, в свою очередь становится предметом внимания, его замечают, на него указывают пальцами. Проходящие мимо венецианцев мужчины и женщины начинают хохотать, кричат им обидные слова. «И все это просто потому, — пишет тот же Франческо Контарини, — что мы носили «нимфы» (кружевные воротнички) большего размера, чем этого требует испанский обычай. Одни кричали: «Ба, да у нас в гостях вся Голландия (подразумевалось: все голландское полотно, либо игра слов, связанная с *olanda* полотном, из которого делали простыни и белье), другие: «Что за огромные салатные листья!» Чем мы изрядно позабавились.

Аббат Локателли, приехавший в 1664 г. в Лион из Италии, оказался менее стоек и недолго сопротивлялся «детям, что бегали за ним» по улицам. «Мне пришлось отказаться от «сахарной головы» (высокой шляпы с широкими полями)... от цветных чулок и одеться целиком по-французски» — со «шляпой Дзани» с узкими полями, «большим воротником, более подходящим для врача, нежели для священнослужителя, сутаной, доходившей мне до середины бедра, черными чулками, узкими башмаками... с серебряным пряжками вместо шнурков. В таком наряде... я не казался себе более священником».

Бродель Ф. Структуры Повседневности. М., 1986. С. 333.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эсхатология — пророчества о будущем конце Света. В христианском вероучении эсхатологические картины ярче всего даны в последней книге Нового Завета — «Откровении Иоанна Богослова» (второе название — «Апокалипсис»). В «Апокалипсисе» рассказывается о страшных бедствиях, которые обрушатся на землю в «День Гнева» Господа, о приходе Антихриста. Но после Сатана будет побежден и начнется тысячелетнее Царство Христа и тех немногих людей, кто останутся ему верны.

2. Юдифь — или Иудифь — библейская героиня. Во время осады одной из крепостей войском ассирийского царя Навуходоносора она увлекла своей красотой вражеского полководца Олоферна. Когда тот заснул, Юдифь отрубила ему голову и спасла еврейский народ.

3. Жестокий царь Израиля Саул прогневался на Давида, знаменитого своими подвигами. Спасаясь от погони Давид и его друзья спрятались в пещере. Случайно туда зашел Саул. Давиду советовали воспользоваться случаем и убить своего врага, но он лишь незаметно отрезал край одежды Саула. Затем он явился к царю и предъявил этот лоскут в доказательство своих благих намерений. Позже Давид станет царем Израиля.

4. Термин «Осень Средневековья» вошел в науку благодаря замечательной книге голландского автора И. Хейзинги. Он рассматривал XV столетие не как начало новой эпохи, а как запоздалый расцвет рыцарской культуры.

5. Франция вела длительные Итальянские войны (1494—1559). С середины 20-х годов французы по большей части терпели поражения. Им пришлось воевать против Карла V — императора Священной римской империи и короля Испании. В его владения входили богатейшие Нидерланды и земли Нового Света с их серебряными рудниками. Союзником императора был превосходный генуэзский флот и армия герцога Миланского. На его стороне была Англия и, достаточно часто — папское государство. В поисках союзников «христианнейшие короли Франции» (таков был официальный титул) обращались к «неверным» — к Османской империи и к «еретикам» — к протестантским князьям Германии.

6. Сторонники Реформации активно пропагандировали свои взгляды, стремясь отвратить сердца французов от «папистов и идолопоклонников». Они — разбивали статуи святых, распространяли летучие листки, выступали с проповедями. В 1534 г. протестант Мар кур составил афиши, где утверждал, что церковные таинства — это обман нечестивых богохульников — папы, епископов, священников. Его афиши были расклеены по всему Парижу и даже на дверях королевской опочивальни в Фонтенбло. Это вызвало гнев Франциска I и тот усилил гонения на протестантов.

7. Монфокон — грандиозная виселица, сооруженная еще в XIV веке в северном предместье Парижа. Расправа с адмиралом могла символизировать его полное уничтожение, предание его всем четырем стихиям: земле, воде, огню, воздуху.

8. Никколо Макиавелли (1469—1527), итальянский гуманист, знаменитый своим учением о государстве. Размышляя о том, каким должен быть государь, способный избавить Италию от чужеземных захватчиков и объединить страну, он создает образ умного и добродетельного правителя, преданного идее общего блага. Но учитывая реалии политики, Макиавелли полагал, что в случае крайней необходимости государственный интерес позволяет ему быть хитрым и коварным. При этом религию он считал порождением человеческого ума, созданную в интересах государства. Любопытно, что Макиавелли обвиняли в ереси и безнравственности и католики, и гугеноты.

9. С XIV в. во Франции в экстренных случаях собиралось высшее собрание депутатов от сословий (духовенство, дворянство, «народ»). Они обсуждали пути

выхода из кризиса и могли дать согласие на сбор новых налогов.

10. Глава Нидерландского государства (статхаудер) принц Вильгельм Оранский, возглавивший победоносное восстание против испанского короля, был убит 10 июля 1584 г. католическим фанатиком Балтазаром Жераром.

11. Тридентский собор (1545—1568) был созван в городе Тренто (Тридент) для борьбы с Реформацией. Собор упорядочил католический культ, все спорные вопросы вероучения даны в строгой системе, была укреплена дисциплина среди духовенства, разработана программа контроля за религиозной жизнью народа. Кроме того, собор подчеркивал абсолютную власть папы во всех церковных делах, его превосходство над светскими властями. Учреждались религиозные, инквизиционные суды, независимые от светской власти. Чисто религиозные решения Тридентского собора были приняты (опубликованы) во Франции уже в 60-х годах. Но с решениями политическими не могло примириться ни одно правительство. Их публикации препятствовали королевские суды, да и значительная часть французского духовенства.

12. В ходе Тридцатилетней войны (1618--1648) протестантские страны боролись с могущественной католической коалицией, куда входили Испания, Австрия, папское государство, католические княжества Германии, Речь Посполитая. Католическая Франция сначала тайно, а затем и открыто поддерживала протестантские страны. В ходе военных действий большинство земель Центральной Европы были полностью разорены.

13. Гостия, или облатка, — круглый хлебец, использующийся в католической мессе. Считается, что во время таинства евхаристии гостия превращается в тело Христово (а вино — в кровь). Средневековые проповедники часто рассказывали о преступлениях иноверцев, которые старались завладеть гостией и причинить ей физические страдания. В их рассказах — из гостии хлестала кровь, слышался плач. Во время Религиозных войн много католических брошюр повествовали о случаях осквернения святынь гугенотами, которые, действительно, критически относились к внешней обрядовости католической церкви.

14. Этамп — город в сорока километрах от Парижа.

15. В начале XVII века под воздействием проповедей Франсуа де Салля о божественной благодати, побуждающей людей к добрым деяниям, в обществе распространяется благотворительность, создаются специальные организации мирян для помощи бедным и исправления нравов (например, могущественное тайное общество «Святых даров»). Реорганизуются старые монашеские ордена и создаются новые. Орден капуцинов специально занимается проповедями для простого народа, Венсан де Поль основал орден Миссии, с целью религиозного просвещения крестьян. Под влиянием протестантизма среди католиков оформляется движение, подчеркивающее роль внутреннего благочестия и божественного предопределения — янсенизм.

16. Иоанн Солсберийский (1120—1180) — английский клирик. Получил блестящее образование во французских школах, долгое время был секретарем епископа Кентерберийского — главы всей англиканской церкви. В то время английский король Генрих II конфликтовал с церковью. В 1159 г. Иоанн адресовал свой труд Фоме Бекету, канцлеру короля. Позже Бекет станет архиепископом Кентерберийским, выступит против «тирании» Генриха II и будет убит королевскими придворными в 1170 г. За это король будет проклят папой и принесет публичное покаяние. В 1172 г. Иоанн Солсберийский был свидетелем и активным участником всех этих событий.

17. Анонимный трактат, написанный по латыни в 1376 г. и вскоре переведенный на французский по приказу Карла V. Построен в форме Диалога рыцаря и клирика о природе светской и духовной власти. Наиболее вероятным автором считают

придворного правоведа Эвра де Тремагона.

18. Автор — Жак Спифам, бывший епископ Буржа, перешедший в кальвинизм и ставший видным дипломатом и публицистом в Женеве. Как и большинство публицистических произведений, этот трактат издан анонимно, без указания выходных данных. Время написания — конец 1563 г., после убийства герцога Гиза.

19. Инносан Жантийе (1535—1586), французский юрист, сторонник кальвинизма. Свой трактат «Анти-Макиавелли» написал под впечатлением событий Варфоломеевской ночи и опубликовал в 1576 г.

20. Один из чиновников, ставший членом Парижской лиги, информировал короля Генриха III о готовящихся заговорах.

21. Сефарды — изгнанные с Пиренейского полуострова евреи, говорящие на языке ладино (сефардском).

22. Ордрик Виталий (1075—1142 гг.) — нормандский хронист, почти всю жизнь провел в нормандском монастыре Сент-Эврुль. Автор хроники «Церковная история».

23. Гильом из Нанжи (ум. в 1300 г.) — французский хронист, монах монастыря Сен-Дени, автор жизнеописаний Людовика IX и Филиппа III, вошедших в латинский свод «Больших французских хроник».

24. Цокколи — своего рода миниатюрные ходули, открытые башмаки на очень высоких деревянных подошвах, позволяли женщинам уберечься от луж и грязи. В XVI в. распространились и за пределами Венеции.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ОТ ЭСХАТОЛОГИИ К КОРОЛЕВСКОМУ МИФУ НОВОГО ВРЕМЕНИ

(Религиозные войны и тираноборчество во Франции XVI века) (П. Ю. Уваров)	7
«Знамена последних времен». Отчаяние и насилие	11
Генрих III Валуа: из «спасителей веры» — в «тираны».	23
Генрих IV Бурбон — первый король нового времени	31
Франсуа Равальяк и рождение королевского мифа.	40
Приложение	48

Раздел II. ЕВРОПЕЙСКИЙ МИР XVI—СЕРЕДИНЫ XVII В. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ (А. Л. Ястребицкая) . . . . .

Изобретения и новые технологии.	68
Книгопечатание. Распространение научных и технических знаний.	75
Зарождение технической интеллигенции.	77
Сила традиции.	79
Новая география промышленного производства.	82
Средства и система коммуникаций.	87
Торговля и кредитное дело.	93
Сельское хозяйство.	95
Промыслы.	98
Население.	101
Повседневность.	110
Приложение.	129

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ И ИСТОРИКОВ

Часть пятая ЧЕЛОВЕК В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Зав. редакцией В.И. Михалевская Техн. редактор Г.З. Кузнецова

ЛР № 060663 от 05.02.92

Подписано в печать 3.07.95. Формат 60х90/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Тайме». Печать офсетная.

Усл.печ.л. 9,5. Тираж 20 000 экз. Зак.487.

Фирма «Интерпракс» 103031, Москва, Звонарский пер.,4

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АООТ "Ярославский полнграфкомбинат"
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97